

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ИСКУССТВ
ДЕПАРТАМЕНТ «ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ»

А В Т О Г Р А Ф

Выпускники дневного отделения
департамента
«Факультет журналистики» 2014 года
об однокурсниках,
о факультете, о себе

ЕКАТЕРИНБУРГ
2014

Печатается по решению Ученого совета
Департамента «Факультет журналистики»
ИГНИИ Уральского федерального университета
имени первого президента России Б. Н. Ельцина

Куратор проекта
«Автограф»
и редактор сборника
доцент Иван Малахеев

Макет
Елена Якубовская

Автограф : выпускники дневного отделения департамента «Факультет журналистики» 2014 года об однокурсниках, о факультете, о себе. — Екатеринбург, 2014. — 92 с.

© Департамент «Факультет журналистики» УрФУ, 2014

Агалакова Юлия

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Я стояла уже минут десять возле кабинета и никак не решалась переступить порог. Сегодня я должна обсудить свою первую производственную практику с куратором — Владимиром Федоровичем Олешко, а смелости зайти к заведующему кафедрой не хватает. Глухой вдох, стучу в дверь, захожу...

Первая производственная практика прошла для меня не очень успешно. Поэтому очень боялась увидеть грозный взгляд Владимира Федоровича, боялась услышать его сердитый голос, боялась фразы, что на факультете журналистики все пишут куда лучше, чем я. Но, этого не произошло. Тогда, на первом курсе, он заверил меня, что первая практика не всегда успешна и не надо «опускать руки», ведь впереди еще столько возможностей раскрыть свой журналистский талант. Эти слова, прозвучавшие от Владимира Федоровича, стали для меня путеводителем в моем профессиональном пути. Владимир Федорович Олешко удивительный человек и преподаватель: понимающий, умеющий указывать на ошибки, направлять в нужную сторону, давать советы и при этом оставаться со студентом, как говорится, «на одной волне». С ним можно поговорить о многом и за такими разговорами порой забываешь, что перед тобой — заведующий кафедры периодической печати.

НАСТОЯЩАЯ ПОДРУГА И БОЕВОЙ ТОВАРИЩ

Есть у меня такая не очень хорошая черта — забывать момент знакомства с важными и дорогими мне людьми. О том, когда и при каких обстоятельствах я познакомилась со своими лучшими друзьями, не помню ничего, аб-

солютно. Такая же история произошла и с Аленой — моей очень хорошей подругой и, по совместительству, одноклассницей. Начало нашего общения будто стерли из моей памяти, зато в голове осталась куча других положительных воспоминаний и моментов, а на компьютере — несколько сотен фотографий и видео, запечатлевших те моменты.

Нас объединяют пять лет, проведенных за партой в аудитории, подготовки к семинарам в столовой университета, первая летняя производственная практика, вечеринки, бесконечные походы в магазины и масса других веселых занятий, которые так любят девушки. Сейчас на пятом курсе, вспоминая эти моменты и пересматривая фотографии, не могу не улыбнуться. Вот мы катаемся в тележке по магазину, закупая продукты на Новый Год, вот мы готовимся в последнюю ночь к экзамену по литературе, поя караоке и танцуя под любимые хиты, а вот мы кричим «Халява, приди!» и высовываем в окно зачетки... Мы даже придумали свои способы заучивания дифзачетов. Список этого сумасшедшего времяпрепровождения можно продолжать до бесконечности. За эти пять лет мы вместе прошли «огонь, воду, медные трубы», и я уверена, что наша дружба научила меня многому. Я осознала и почувствовала на себе, что значит выражение «понимать человека с полуслова и полувзгляда». Я уверена, что именно этот человек переубедил меня на первом курсе не забирать документы и не уходить в другой вуз. Я уверена, что именно Алена научила меня не расстраиваться по мелочам и неудачи переживать с улыбкой. И если меня когда-нибудь спросят: «Что дал тебе журфак?» — я не задумываясь отвечу: «В первую очередь, настоящую подругу и товарища!»

ФАКУЛЬТЕТ ТВОРЧЕСТВА

Если вы хотите спокойно просидеть пять лет за партой, то вам точно не на журфак! Попадая сюда, ты с первого курса окунаешься с головой в атмосферу творчества, веселья и хорошего настроения. Как говорится, «среда определяет сознание», журфак тому яркое подтверждение!

За прошедшие пять лет учебы я заметила, что у нашего факультета свое особенное расписание. Осень, начало учебного года, и в коридорах на четвертом этаже — тишина, лишь только изредка кто-то пробежит с толстой стопкой публикаций с летней практики. Аудитории еще забиты до отказа, а первую неделю на парах

стоит гул — девочки, а это 95% потока, делятся впечатлениями о прошедшем лете.

К зиме журфак оживает. Может быть, так будоражит предстоящая сессия и зачетная неделя. Поиски конспектов, книг и учебников, куча народу у расписания и вечные очереди в деканат.

Как только на улице становится тепло, наш журфак расцветает: яркие краски, юбки, каблуки... Сидеть в душных аудиториях совсем не хочется, поэтому заразительный девчачий смех, веселые рассказы и последние новости «переходят» в коридор. К летней сессии факультет будоражится: надо сдавать экзамены, договариваться о практике, а впереди еще столько интересного произойдет на летних каникулах.

«Погода» на журфаке меняется, а вот творческая атмосфера остается. Никогда на четвертом этаже не перестанут шелестеть страницы свежих номеров газет и журналов, никогда не перестанет звучать заразительный хохот, никогда не наступит тишина.

Ведь это журфак — факультет творчества и ярких людей, ведь это журфак, и спокойно просидеть пять лет за партой у тебя ну никак не получится!

Ахтамянова Юлия

ОТКРЫВАЮЩИЙ МОРЕ

Добродушный вид и внимательный, строгий взгляд. К его обладателю первокурсники относятся с опаской: поблажек не дает, принимает зачеты и экзамены серьезно, «просрочек» в выполнении заданий не терпит, но задания предлагает очень интересные.

Этого человека порой непросто отыскать в университете, а уж если вам понадобилось увидеться с ним летом, то вполне возможно, что вам придется поехать на полуостров.

Он тот, кто расскажет вам актуальный и за пределами журфака анекдот про купленный в кино билет, который не использовали. Велоспортсмен, яхтсмен, фехтовальщик — теперь вы уже наверняка догадались, что речь идет о Всеволоде Ильиче Доможирове.

Всем известно, что помимо преподавания, Всеволод Ильич занимается отрядом «Каравелла», где учит ребят основам журналистики, фехтованию. У отряда есть фестиваль, «Оранжевое лето», в рамках него «каравелловцы» и Всеволод Ильич ходят на яхтах под парусом. Если вы хотите увидеть Всеволода Ильича в июне, то скорее всего вы найдете его на Малом конном полуострове, именно там и базируются юные яхтсмены.

К сожалению, я не запомнила первую мою с ним встречу. Зато прекрасно помню, что к моменту второго моего поступления на журфак он был моим экзаменатором. Тогда сложилось ощущение, что он уже слышал обо мне, на собеседовании знал, что уже поступала, и ободрил тем, что сам покорила журфак «со второго захода». Помню, много спрашивал о работе в ИА «АПИ», о ведении рубрики «Криминал и происшествия», сам Всеволод Ильич, как оказа-

лось, тоже занимался этой темой. Наверное, уже тогда я попала под его обаяние. Обаяние, которое, как мне кажется, он показывает не всем.

Каждому студенту журфака также известно, что Всеволод Ильич заведует внеучебной деятельностью. Поэтому вместе с нами он бывал в колхозе, на турбазах, участвует в других мероприятиях. Он поражает меня своим гармоничным общением «без галстуков». Он рассказывает байки о студенческой и преподавательской жизни на журфаке.

ТРИ ЗВЕЗДОЧКИ, НО НЕ КОНЬЯК

Я выхожу из маршрутки на «Оперном театре», перебегаю дорогу и уже издали вижу девушку с темными растрепанными волосами и улыбкой, достойной рекамы «Colgate». Она сидит прямо на ступенях главного входа УрГУ и отчаянно машет мне рукой. Вся солнечная — в лучах только начинающегося заката в желтой майке и юбке.

Такой я увидела Лену Трошкову, мою *** однокурсницу. Три «звездочки» вместо эпитета потому, что одного слова здесь будет мало. Ее нельзя назвать лучшей однокурсницей: это слишком банально и плоско. Этот человек стал одним из самых близких людей в моей жизни, хоть и не стал в конечном итоге выпускником журфака, Лена нашла другое призвание. Мы называем друг друга «близняхами» — за похожесть внешнюю и внутреннюю. Если спросить у Ленки, что она подумала, узнав обо мне, она ответит: «Дурочка какая-то, вся такая активная, пафосная». Примерно, это же я подумала о ней. Уже в этом впервые проявилась наша «похожесть». К концу того дня, когда Лена была «солнышком», мы успели «сцепиться языками». К слову о языках: обеих одно время называли «желтыми язвочками» — за любовь к острому словцу. «Кудрявые шумные женщины» — еще одно определение нас двоих. Ленины родители ласково зовут нас «дурдочками», бабушка — «дурвнучками». Ленка открыла мне не только себя, но и свою семью. С ее бабушкой появилась традиция — при каждой встрече я покупаю ему мороженое, а он «грозно» шутит, что без него теперь не пустит меня в гости.

Иногда нас с Трошковой принимали за сестер: наверное, за похожие волосы и особое «единение». Она гармонично сочетает в себе «девочкинские» качества, вроде капризности, взбалмошности, непунктуальности, но это только треть качеств ее характера. Остальные

две трети занимают надежность, преданность, здоровый авантюризм (иногда не совсем здоровый, но этим и прекрасный). Кажется, что с Ленкой я прошла огонь, воду и медные трубы. Вместе мы учили «основы профессионального мастерства» и ночами напролет готовились к экзаменам и зачетам. Вместе учились готовить и жить вдали от родительского крыла. Вместе «тусили», ввязывались в приключения и новые знакомства. А потом плелись бок о бок на утреннюю девятичасовую «пару». Иногда я плелась одна, но после «пар» плелась снова к Лене. Наверное, Лену можно назвать «настоящим товарищем».

КАК Я НЕ ПОСТУПИЛА НА ЖУРФАК

Еще за четыре года до этого дня я решила, что свои пять лет после школы, да и всю «ближайшую» жизнь свяжу с журфаком и журналистикой. Закончила школу, вполне «на уровне» сдала ЕГЭ — тогда его еще было не просто одолеть. Окрыленная свободой и «сертификатами взрослости» я подала документы в заветный УрГУ. Написала сочинение, дождалась дня собеседования. Все еще помню, кто беседовал со мной, разъяснял количество баллов и после подчеркнуто заявил: «У вас самый высокий балл в моей группе!». Это был Роман Валерьевич Краснов, тогда ассистент кафедры периодической печати. Позже, когда я заглянула в рейтинг своей группы, убедилась, что я действительно заняла там первую строчку.

В предвкушении исполнения мечты жила несколько дней и, наконец, наступил час зачисления! Всеми любимый Борис Николаевич Лозовский вышел и сообщил о том, что проходными на бюджетную форму обучения в этом году стали 267 баллов... Мой мир тихонько свалился мне на голову ватным одеялом. Нетрудно было соотнести мои 264 балла с проходными. Я улыбнулась счастливым и ликующим зачисленным, спустилась в приемную комиссию и забрала документы. Дорога домой была очень тихой.

— Родители, я не прошла на бюджет, забрала документы, — твердо сказала я дома.

Сколько упреков по поводу своего решения я слышала последующие 365 дней...

Утром, после того, как забрала документы из УрГУ, я проснулась от телефонного звонка:

— Юлия? Доброе утро. Мы знаем, что вы не поступили на журфак. Не хотели бы поработать у нас, пока у вас есть свободный год? Приходите на собеседование со своими работами!

Разбудил меня звонок из ИА «АПИ», где я позже работала перед своим вторым приходом на журфак. Да, в эти 365 дней я работала в «АПИ», «На смену!», «Вечернем Екатеринбурге». Проверяла себя на профпригодность, узнавала профессию. Потом была новая волна поступления, по итогам которой я попала на платное отделение, а позднее меня перевели на бюджет. Но это уже другая история.

Башкирцева Ксения

«ЕСЛИ С ДРУГОМ ВЫШЕЛ В ПУТЬ — ВЕСЕЛЕЙ ДОРОГА...»

Обычно я хорошо помню знакомство и первое общение с человеком, но в этот раз все получилось не так. Когда и при каких обстоятельствах мы начали общаться с Настей Тарбеевой, я сказать не могу. Но это общение наполнило чем-то особенным мои годы на факультете журналистики.

В людях я ценю желание и умение меняться внешне, не придерживаться одного единственного стиля, а экспериментировать, пробовать что-то новое. И Настя является как раз таким человеком. Она может быть романтичной барышней в легкой блузке, может быть серьезной дамой в строгом костюме, а может быть агрессивным рокером в косухе и джинсах.

При таком разнообразии гардероба она, что меня удивляет, представляет собой целостную личность, гармоничную и уравновешенную. Для меня, человека эмоционального, нервного и экспрессивного, это стало настоящей загадкой, и, я думаю, ключом нашей дружбы. Мы разные, но мы вместе. В наших отношениях она выступает в роли разума, а я — в роли эмоций. Она успокаивает меня, наставляет и помогает словом. И за это я ей безумно благодарна.

Настя — человек, который чудесным образом успевает сделать все в срок. Она может куда-то не пойти, может не поспать, но реферат, эссе, самостоятельную работу она сделает обязательно. Эта примерная ответственность и дисциплинированность каким-то чудесным

образом уживается в ней с творческими задатками. На парах она постоянно рисует заковыристые картинки (наверное, в ней живет художник), которые я с трудом понимаю, но выглядят они эффектно и очень затейливо. Я, человек без способностей к рисованию, всегда удивлялась этому и преклонялась перед ее воображением.

В ПРЕПОДАВАТЕЛЕ ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРЕКРАСНО

Первый раз я увидела его еще на вступительных испытаниях. Это было собеседование. В кабинет я зашла в числе последних. К тому моменту уже потеряла боевой настрой, перенервничала и, честно говоря, устала от окружающей суеты. Беседовали со мной двое, но запомнила именно его. Большие карие глаза, яркие и ясные, на протяжении всего разговора словно подбадривали меня. Это был Валерий Михайлович Амиров. За собеседование мне поставили, как сейчас помню, 18 баллов из 20. И я с чувством выполненного долга ушла домой.

Вновь с Валерием Михайловичем я столкнулась лишь на четвертом курсе. И признаюсь, долго ждала, когда же он будет у нас что-нибудь вести. Дисциплина называлась «Экстремальная журналистика».

Каждую «пару» он был одет «с иголочки». Рубашки, галстуки, джемперы — все это ему очень шло. По одному виду можно было понять, что это преподаватель университета. И как девушка хочу заметить, комплекты одежды за все время ни разу не повторились. Валерий Михайлович умело комбинировал предметы гардероба и всегда выглядел просто отлично.

Война, стихийные бедствия, теракты — темы молодежи неблизкие, но он заставил нас слушать его с открытым ртом. «Пары» он ведет действительно мастерски. Здесь играют роль многие факторы: от тембра голоса до формата общения со студентами на равных. Темы, которые абсолютно непонятны и неважны, особенно для женской аудитории, он умудрялся подавать так, что быстро завоевывал внимание каждого студента. Что бы это ни было: работа журналиста в ситуации техногенной катастрофы или эта же работа условиях боевых действий, на его лекциях все мы мысленно собирались и отправлялись туда, куда он скажет. Через его рассказы, через цитаты военных журналистов мы погрузились в тяжелую атмосферу

войны, через эту опасность Валерий Михайлович словно провел нас за руку. Запомнилась его фраза: «Первое, что погибает на войне — это правда». И закончил он курс прекрасным пожеланием, чтобы эта информация нам никогда не пригодилась. Очень мудро.

Это был, пожалуй, один из самых ярких и запоминающихся предметов на факультете. Именно тогда я поняла, что практически все в обучении зависит от преподавателя. Даже самый интересный предмет может быть загублен неумелой подачей, а самый далекий может приблизиться за счет прекрасного учителя, у которого горят глаза.

«ПУТЕШЕСТВИЕ В ТЫСЯЧУ МИЛЬ НАЧИНАЕТСЯ С ПЕРВОГО ШАГА...»

Долго думала, что же написать первокурсникам факультета журналистики. Признаюсь честно, за эти пять лет моя жизнь полностью изменилась. Изменилось отношение к людям и прежде всегда отношение к профессии. И с вами, я уверена, случится то же самое.

Большинство приходит на наш факультет с романтическими представлениями об этой сфере деятельности, с мыслями: «Буду информировать общество!», «Буду говорить людям правду!». К третьему курсу этот запал у абсолютного большинства пропадет. Вы начнете «трезветь» и по-другому видеть журналистику. Журналистика — это адский труд. Это ежедневная работа с людьми, одни из которых питают тебя новым эмоциями, другие высасывают из тебя жизнь. Это постоянно меняющаяся обстановка в мире, на которую ты должен как-то реагировать и быть всегда «на волне». Это тонны исписанной бумаги и бесконечные скитания по лабиринтам в поисках своего авторского стиля.

В общем, если вы думаете, что журналистика — это красивые ведущие новостей, светские мероприятия и общение со звездами, то можете смело разворачиваться и уходить отсюда. По своему опыту скажу, что многие так и сделают. Лично в моей группе из 25 человек к пятому курсу дошло только 12.

Но не будем о грустном, факультет журналистики — это прекрасное место. Это отдельная страна в университете и тут все не так как у всех. У нас много практики, которая помогает окунуться в профессию с первых лет учебы. У нас много интересных людей, и среди преподавателей, и среди студентов. У нас много человеческого на факультете. Декан, проходя мимо,

может пожелать приятного аппетита или спросить, вкусный ли йогурт.

Я желаю, чтобы вы на все смотрели позитивно и во всем видели плюсы.

У вас будет много физкультуры, но поверьте — мы все стройные и подтянутые именно из-за нее.

У вас будет много литературы, но поверьте, что не раз вы будете закрывать книгу с мыслью «Не зря я это прочитал!».

У вас будет много занятий по стилистике русского языка, но поверьте, что для журналиста это самое важное, язык — его рабочий инструмент. У вас будет много сомнений о правильности выбора пути, но поверьте журфак — это здорово.

Если через много лет вы встретите такого же выпускника факультета журналистики, вам будет о чем поговорить. Потому что журфак — это одна большая семья.

Бугрова Ксения

ТЕРПИМОСТЬ — В СЕБЕ. О ПРЕПОДАВАТЕЛЕ, ЧЕЙ ОБРАЗ НЕПОДВЛАСТЕН НАШЕМУ ВОСПРИЯТИЮ

Все началось со стакана минералки. Хоть пить тогда совсем не хотелось. Но известно же, что вода при особых условиях — хороший проводник. Это касается и Отношения или симпатии, его предвестника.

Она улыбалась через стол и СЛУШАЛА. Редкое умение для членов приемной комиссии. Они очень умны и задают красивые сложные вопросы, ответы на которые заранее определены, и проговаривались вчерашними школьниками тысячу раз. Это, кажется, вызывает дикую скуку. А у нее вот нет.

Она кивала, как бы подытоживая ответы. А у меня подступали к глазам слезы. Потому что с 8 утра в этой дикой, жужжащей страшными пророчествами очереди, потому что второй преподаватель, думала, хочет завалить — так грозно он посматривал, потому что мне было 17, и боялась: не поступлю даже на платное... Дальше пролился целый Ниагарский водопад. А обуздать его смог обычный стакан с минеральной водой, который наполнили по ее просьбе.

В следующий раз мы встретились спустя четыре года на ее «парах». Сначала напрягала подчеркнутая вежливость. Казалось, будто последняя от лукавого: холодная, отстраненная, с привкусом избыточной учтивости. Так и хотелось подойти поближе, чтобы заглянуть в глаза и узнать, что же вежливость скрывает. Позже к этому привыкла: каждый имеет право на рабочую маску. И даже на несколько.

Она все время говорила об уважении к Человеку, а практика подтверждала слова. Это

демонстрировало отношение не столько к читаемому материалу, сколько к нам самим. Даже когда ответ был вконец нудный или недопустимо агрессивный, она слушала и интересовалась. Была настоящей терпимостью — в себе, нисколько не зависящей от нашего восприятия.

Но каждый пытался ее рассмотреть, увидеть — замечал что-то особенное. Образы, описанные однокурсниками, никак не накладывались друг на друга. Мы с пеной у рта спорили, кто же она: хохочущая девчонка, снежная королева, непоследовательный преподаватель, «заучка», добрый собеседник... И все оставались при своих догадках, понимание же соседа казалось неполным, а мнение предвзятым.

Как бы то ни было, народ все же сходил в одном: она из группы «добрых преподавателей», а значит можно не очень серьезно относиться к предметам. «Дорогие мои, так дело не пойдет», — качала она головой и хмурилась, когда курс делал вид, что не помнит про домашнее задание. А на экзамене истово гоняла по всему материалу тех, кто забывал заглядывать к ней на «пары». Но почему-то из «добрых» в «злые» так и не перекочевала.

На установочной лекции она писала на доске цифры, доказывая: чтобы получить пять, надо выглядеть на «отлично». Урок математики за несколько дней до «госа» вызывал недоумение, но никак не раздражение (как в отношении пустой болтовни некоторых «преподов»). Потому что это — последний наш официальный разговор. И он должен вызывать много вопросов. Может, чуть меньше, чем сама ее личность.

В день нашей последней аудиторной беседы она держала в руках стакан воды, как часто на лекциях до того. Когда пересыхало в горле, делала глоток. В этот момент я улыбалась. Практика показывает: вода — проводник Отношения.

МЕТОД БАЛЬНОГО ПЛАТЬИЦА

Она девочка периода разумного детства, когда с радостью осознаешь: умею мыслить, — и делаешь это много и обязательно вслух. Большинство прикидывается, что не понимает ее, хотя, если представить маленькую Веронику Мерзлякову в бальном платьице 20-го размера, все становится гораздо яснее, чем в солнечный полдень.

Не отдала она в жертву совершеннолетию свою детскую непосредственность, потому по-

прежнему не стыдно задавать такие вопросы, ответить на которые может не каждый. Насколько они наивные и обезоруживающие одновременно: «Вы что, сравниваете меня с любящими друг друга ежиками?» Это пример вопроса-непонимания. Бывают еще вопросы-узнавания, вопросы-возмущения, вопросы-недоверия. Она спрашивает до тех пор, пока не услышит что-то особенное, задуманное ею самой. Поэтому порой даже самый разумный ответ не способен удовлетворить юное любопытство: должно прозвучать Нечто (никто не знает, как его нащупать. Это выходит само собой). Тогда она кивнет, скажет: «Ага» — и торопливо уйдет постигать мир дальше. Ведь еще столько всего можно спросить.

Если бы Вероника участвовала в конкурсе красоты и талантов, то завоевала титул «Мисс невозмутимость». Не помню ни одной первой «пары» в последнем семестре, чтобы она не прошествовала медленно, без привычной улыбки через всю аудиторию и не села прямо перед носом у преподавателя. Обязательно в пальто: снять его — дополнительная возня, следовательно оттачивание искусства посещать «пары» на грани фола. И лектор всегда принимал правила игры, уважительно хмурясь такой невозмутимости. Другую бы давно выставили за дверь: были прецеденты. Но этот Вероникин микс из детской непосредственности и уверенности в собственном праве на опоздание творил чудеса... Даже нервный философ лишь ухмыльнулся, когда она трижды проследовала туда-сюда мимо него и ограничилась улыбчивым: «Я перчатку в коридоре потеряла!»

Вероника, как и любой ребенок, умеет эпатировать. Не только неторопливой модельной проходкой между партами. Любит рассказывать о чем-то неоднозначном, вроде соседней-третьеклассников, которых «готова убить». Они, гады, орут по ночам и носятся. А Вероника с утраца врубает музыку погромче возле смежной с ними стенки. Войнушка такая, что еще чуть-чуть и в ход пустят игрушечные пистолеты. Рассказывая, хохочет-заливается так, что понимаешь: это все понарошку, и злость наигранная. Маленькие не умеют сердиться по-настоящему и надолго: незачем, так как под их углом зрения мир видится добрее, чем могут разглядеть взрослые.

Она любит так полно и светло, что труднодоступно тем, которые знают о зрелости. Им вот приходится вспоминать ребячью нежность.

А у Вероники уже есть такое «невыросшее» чувство, и оно делится надвое: на любовь для мамы и любовь для парня-математика, к которому с детской доверчивостью прижимается после «пар».

Мы с ней совсем не разговаривали, я лишь подсматривала за этим человеком и вслушивалась в него, особенно последние пару месяцев. И теперь мне кажется, будто ее детский жизненный метод вернее всяких других. А остальные пусть и дальше делают вид, будто не понимают Веронику.

НЕНАУЧНЫЙ ПОДХОД. О ТОМ, ЗА ЧТО НЕЛЬЗЯ ПЕНЯТЬ НА ЖУРФАК

Кто-то может упрекнуть наш факультет в антифундаментальности. Журналистика, которая не наука, в любом из отечественных университетов представлена набором практических и теоретических дисциплин (как смежных, вроде социологии журналистики, так и общеразвивающих, например, курс литературы). Плюс к этому обязательное подтверждение, что материал усвоен — практика в зарегистрированном СМИ.

И в том, что журфак — такая сборная солянка, а не наука ради науки, как раз заключается его сила. Студенты нашего факультета никогда не зачехнут над книгами, конечно, если сами того не захотят — были прецеденты. Читать придется и немало — это факт. Но до посинения, как у филологов, дело не дойдет: теории тотчас проверяются на практике. За подготовкой к контрольным по литературе — информационные жанры, где за каждый прогул подавай опубликованный в газете, вышедший в эфир материал. Затем литературное редактирование — зазубривание теоретических положений и применение их в анализе и ликвидации дефектности реальных журналистских текстов. Чтоб легко создавать собственные. Далее — психология журналистики, которая вызывает сплошные вопросы: с чем ее едят, что читать и как вообще жить. Или вдруг появится история математики, где «препод», похохатывая, предлагает написать математическое стихотворение. Чтоб проверить, умудришься ли сочетать творчество и точную науку... Такой вот теоретико-практический марафон длиной в девять семестров.

Лето после каждого курса обучения подытоживает то, что в тебе улеглось за год. Это официальная версия, которую я озвучила еще в начале. На самом деле, практика — возможность путе-

шествовать, уезжать далеко-далеко под прикрытием командировки. Бюджетникам оплачивают дорогу, подкидывают суточные — 50 рублей, помнится (на них приятно выпить чашечку чая с булочкой в кафешке рядом с редакцией), в случаях особой «затратности» помогают с жильем.

Благодаря журфаку я побывала в Пермском, Алтайском краях и в ХМАО. Научилась любить плацкарт и готовить в «общажных» условиях. На собственной шкуре почувствовала, чем настоящая журналистика отличается от работы «на дядю». Поняла: идеалы теории зачастую не накладываются на то, что готовит нам жизнь. И увидела, как не похожи подходы к конструированию картины дня в разных редакциях. В каждой — своя «философская школа».

Этот опыт, пусть и не самый большой в мире, придает уверенности: когда закончу университет, точно смогу работать. И, в отличие от тех же филологов, знаю кем. И как, примерно, это будет выглядеть.

Многие обвиняют факультеты журналистики в бесполезности. Дескать, практические навыки прививаются на работе, а хорошее теоретическое образование можно получить на любом другом факультете. Но эти критики не учитывают, что неповторимость журфака — в гармонии теории и практики. И отыскать это естественное единство на других факультетах, наверное, непросто.

Верещагина Наталья

Я Б В ФИЛОЛОГИ ПОШЕЛ, ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ

— Мы с подружкой пропустили несколько занятий по физкультуре и нам пришлось отрабатывать их в декабре. Вам-то повезло, вы зимой в спортзале занимаетесь. А мы тогда на лыжах ходили. В то время стукнуло еще под минус тридцать. Помню, как мы приехали, промерзшие, с красными носами, на Куйбышева, а преподаватель нас пожалел и не стал гонять по морозу, так проставил отработку. Больше мы старались пары не пропускать, — вспоминает Элина Валерьевна Булатова, наш преподаватель русского языка и стилистики.

На ее парах скучать не приходилось: сначала теория — быстрым неразборчивым почерком до отметин на пальце, а затем практика, работа с текстами. Учиться было по-настоящему интересно. И дело не только в предмете. Дело в том, что Элина Валерьевна умеет правильно его преподавать: ясно, четко и очень доступно. Самые сложные определения и классификации становились сразу простыми и понятными, стоило им прозвучать на ее лекции. Каламбур «Дети — цветы жизни, но не давайте им распускаться» или омофоны «Не вы, но Сима страдала невыносимо, водой Невы носима» я впервые услышала здесь и запомнила надолго. Как и все, чему научила нас Элина Валерьевна.

А научила она нас очень многому. Сразу почему-то вспоминаются диктанты на первых парах семестра. Так похожие на школьные, они отдаленно напоминали уроки русского языка.

Но диктантами сходство ограничивалось, остальное время мы изучали смысловую структуру текста, стилистику, критику речи, корректорские знаки и методику редактирования авторских текстов. Это было настолько интересно! Сначала мы, словно под микроскопом, исследовали язык, а потом лекции превращались в мастерскую слова, где мы учились авторскому ремеслу.

С первого курса Элина Валерьевна работала над нами. Не делилась сухой теорией, а помогала прочувствовать язык и его особенности. Она боролась с нашей нерадивой орфографией, помогала исправить ошибки, руководила нашими курсовыми, а теперь и дипломными работами.

Лекции Элины Валерьевны стали для меня самыми любимыми и ценными, но, так сложилось, что я на них была нечастым гостем. Помню, при сдаче последнего дифзачета мне попался самый большой вопрос, ответ на который занимал ровно половину моих конспектов. Элина Валерьевна тогда посмотрела на меня и с улыбкой сказала: «Вот видите, справедливость все-таки существует. Учитывая вашу посещаемость, я думаю, что получилось очень честно: вам достался именно этот вопрос». И все. Больше никаких замечаний.

Элина Валерьевна очень лояльно относится к своим студентам, всегда давая возможность исправить что-то, пересдать; выделяет дополнительное время для консультаций, идет навстречу ребятам, помогает освоить материал. Требовательно, но объективно оценивает она наши работы.

У нас на журфаке каждый преподаватель по-своему замечателен, но именно эта женщина олицетворяет в моих глазах образ Учителя, понимающего и вкладывающего душу в свою работу, Учителя с большой буквы. Большое Вам Спасибо, Элина Валерьевна!

ПОСЛЕДНЯЯ «ПАРА»

Двадцатое декабря. Пятница. Последняя пара на родном факультете. Представляете? Последняя... Ребята с воодушевлением демонстрируют свое ораторское мастерство:

— Признайтесь честно, Вы же лукавите! — уверенно восклицает Марина Шеина. — Неужели Вы никогда не использовали мат?

Ее лицо разгорелось, и выглядит она очень сосредоточенно, отстаивая тезис команды о возможности мата в русском языке.

— Кто из Вас сможет обратиться к преподавателю, используя мат? — доказывает свою точку зрения ее оппонент, Настя Довгая. — Кто-нибудь, ну? Никто не сможет, потому что мат — это неуважение!

Ее руки дирижируют невидимым оркестром, а от взгляда — мурашки по коже.

Перед нами из учебных дебатов неожиданно разгорается настоящая битва — не на жизнь, а на смерть. Пышущая эмоциями, будоражащая кровь молодость так и звучит в голосах девочек.

С каким жаром и вдохновением они учатся, работают... живут. Творческие и энергичные мои сокурсники не раз удивляли меня своим упорством и целеустремленностью.

Дебаты в самом разгаре, атмосфера накалена до предела, а я смотрю на ребят и думаю, как же мне будет их не хватать. Не хватать мне будет солнечных Наташи Носовой и Ксюши Чадовой, чьи жизнерадостные улыбки согревали в самые дождливые дни. Они захватили большинство моих воспоминаний о журфаке: первое знакомство, шествие, посвящение в первокурсники, экватор — все то, что связано со взбалмошной студенческой порой.

С Полиной Горяиновой мы познакомились на «картошке». Она тогда подошла ко мне, стоящей в раскорячку с оголенной поясницей и спросила: «Девушка, а Вы рожать собираетесь?». Вопрос был таким же неожиданным, как и сама Полина.

Мне будет не хватать Саши Прытковой, разящей своим остроумием всех и сразу, и трудолюбивой Даши Нечаевой, «студентки, комсомолки, спортсменки и просто красавицы».

С Кристиной Могильниковой мы вместе часто добирались до дома, поскольку жили совсем рядом на Уралмаше. В шумном троллейбусе болтали обо всем подряд, смеялись. Мне нравится то, как она умеет шутить, свое временно и тонко, иногда даже немного театрально; шутить над чем угодно, а особенно — над собой.

А как прожить без мудрых советов мастера болтологии Артура Хамзина? Его незаменимое «Не парься, Наташка, ты все сдашь!» поддерживало меня на протяжении всех экзаменов и зачетов.

Я буду скучать по Юльке Ахтамяновой и ее детскости. Озорной взгляд, пышная прическа и неповторимый смех, с Юлей у меня ассоциируется слово «дружба». Нет, она не была моей близкой подругой, но почему-то мне кажется, что она умеет дружить, дружить так, чтоб

с детства, дружить «не разлей вода» и до самой старости.

И, конечно же, мне будет не хватать Наташи Долженковой. У нее большущие глаза под занавесом длинных ресниц и нос чуть с горбинкой. Она часто забавно щурится из-за слабого зрения и всегда переживает из-за учебы. Откровенная, но в то же время «закрытая книга». Маленькая, но с характером. Противоречивая. Недоверчивая. Тихая, но что за этой тишиной? Поди — разбери.

Скучать я буду по Ане Швецевой, Насте Крутиковой, Ксюше Звягиной, Маше Мелехиной... всех и не перечислишь. Тоскливо осознавать, что скоро все закончится, и ребята, вместе с которыми так много пережито за эти пять лет, разлетятся, как искры от большого костра, кто куда.

А пока только двадцатое декабря, пятница и последняя пара. Последняя... Представляете?

НА ЖУРФАКЕ МЫ ВЫРОСЛИ

Сидишь на паре, и кажется, что время замерло, остановилось. Сонные стрелки часов лениво ползут по циферблату: пять минут, десять, час... Перерыв. А за ним — разговоры вполголоса и запах бумаги.

Торопливой чередой ложатся на чистый лист мысли преподавателя. Откроешь тетрадь — на каждой странице записи, сноски, пометки, рисунки; стройные ряды конспекта прерывают «Крестики-нолики» или «Морской бой»; самое важное — на корочке.

Здесь ты все время что-то пишешь — будь то рефераты или эссе — стук клавиатуры станет твоим гимном. И закружатся в вихре студенческих будней зачеты, спецкурсы, проекты, контрольные, диктант-горемыка и кусающийся сроками «курсач».

По обыкновению, оставляешь все на последний день, а потом не спишь по ночам, пытаешься догнать упущенное время. Время... А много ли его на журфаке? Не успеешь оглянуться, как подкрадется последняя сессия и тогда ты поймешь, что пять лет — это совсем не много...

За необъятными горами ежедневной работы, подготовкой к экзаменам, отработкой физкультуры, кажется, что учеба не закончится никогда. Но однажды ты проснешься и поймешь, что все уже в прошлом, а впереди — лишь надутые от важности госы да грозящий пальцем диплом.

— И что, — удивишься ты — это все?

— Все.

Все останется в памяти... Дружеские посиделки с сокурсниками, совместные проекты, экватор. Как пели под гитару на «картошке», наслаждаясь солнечным бабьим летом; как сдавали бег в парке Павлика Морозова; как приклеивали стикеры ко лбу, чтобы потом отгадать себя. Студенческие газеты, эксперименты над прохожими, и незаменимый кофе из автомата. Как боялись опоздать на зачеты, когда случайно путали здания; как писали шпаргалки, когда уже не оставалось надежды выучить; как читали «зарубу» и философию.

Много воспоминаний останется о преподавателях, угощающих праздничными мандаринками на зачетах перед Новым Годом; читающих стихи «навзрыд»; делящихся своим бесценным жизненным опытом.

На журфаке мы изменились, стали не похожи на тех ребят, что улыбаются нам с наших студенческих билетов. На журфаке мы выросли. А значит, пять лет прошли не впустую...

Гваришвили Елена

ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

«Скажите, Вы правду Грегу вчера сказали? Меня серьезно бояться?». Вот что тут скажешь? Пришлось сознаваться — сказала правду. Это был первый раз, когда я говорила с Дмитрием Леонидовичем не по теме курса, а так, о культуре, истории и о жизни вообще. Он нашел для меня минут 20 и со словами «Голубушка, да я всегда занят» начал отвечать на мой вопрос. Это же был первый раз, когда я поняла, что с любым преподавателем можно быть в режиме диалога и вполне на равных. И это был первый раз, когда я поняла — Стровский вообще не так уж суров, как гласят легенды.

Мы узнали о Дмитрие Леонидовиче почти сразу, как поступили. Он тогда устроил голодовку, очень похудел, и о нем писали газеты. Новопеченные студенты улепетывали от него, а может, и улепетывают до сих пор, как от огня. А все потому, что слава о нем шагала чуть впереди него самого. И он строгий, и он ругается, и он валит, и много еще всякого, что берется неизвестно откуда и расходится по коридорам журфака, залетает в ушки глупеньким первокурсникам. А первокурсники-то даже с ним не сталкиваются. Кивают только головами, мол, д-а-а-а, он такой. Суров! Еще он большой и громогласный. Я помню тогда, на первом курсе, увидела его в газете, и в этот же день в коридоре. Почему-то мысленно попыталась уменьшиться, чтобы меня перестало быть видно, и проскочить мимо. Мой маневр не удался, и Стровский случайно прищемил меня дверью. «Суров!» — решила я.

А когда пару лет спустя он пришел к нам на лекцию, я поняла — ничего он не суров, он просто пытается тех, у кого в голове есть хоть капля

интереса, научить работать хорошо и правильно. У нас к третьему году обучения с внушительным списком предметов не так много накопилось знаний, которые можно было бы пойти и в тот же день применить на практике. Дмитрий Леонидович с порога начинает именно с нужного и важного. Не ради комплимента, а просто констатируя факт, я скажу: я таки научилась у Стровского некоторым премудростям профессии, и к четвертому курсу, когда в ночи перечитывала труды Ленина, была даже благодарна, что нашелся преподаватель, который заставил наши мозги так усиленно шевелиться.

Есть категория преподавателей, которые выставляют перед тобой высокую планку и тебе хочется к ней тянуться. В школе такой была моя учительница истории, умнейшая дама. В университете одним из таких учителей стал Дмитрий Леонидович. Он — один из тех преподавателей, который дал лично мне вдохновение учиться. Вкус к учебе у меня проснулся почему-то в последние пару лет, и не без его воздействия. Он никого из нас ни разу не ругал. Только говорил «это хрень», обычно небезосновательно, и отправлял переделывать. Переделаешь раз, переделаешь второй, разозлишься на всех, и на Стровского в первую очередь, а потом, когда сдашь и через год все еще помнишь, чему тебя учили, вдруг чувствуешь что-то такое... благодарность. Научили, заставили, показали. Боязнь преподавателя он превратил в желание работать над собой. Тут уж я знаю — если я попала под критику, то, скорее всего, сама не доучила и не дописала.

На последней паре мы расстались на душевной и дружелюбной ноте. В Интернет посыпались совместные фотографии нашего курса и Дмитрия Леонидовича, а мы потом за разговорами решили, что это были одни из самых полезных и жизненных лекций. Поэтому, подводя итоги пяти лет, хочется сказать спасибо журфаку за возможность учиться у интересных людей.

ТРИ ТАНКИСТА, ТРИ ВЕСЕЛЫХ ДРУГА

«Напиши про одного друга» — говорят мне. И я долго и мучительно думаю и понимаю — про одного не могу. Никак. Могу только про двоих и все тут.

Когда проходит пять лет, которые ты проводишь бок о бок с людьми, ты вдруг в один день понимаешь, что не можешь уже представить себя без них. Это настолько неотъемлемая часть жизни и тебя самого, что странно вдруг вообра-

зить, что через полгода мы вдруг разведемся и перестанем видеться каждый день.

Началось все осенним днем, в 2009 году, когда мы группой встали в парке кружочком и начали знакомиться. Я очень стеснялась новых людей. Она повернулась ко мне и без всяких вступлений спросила: «Где взяла такие штаны?». Я так растерялась, что просто похлопала глазами. Я видела ее за день прежде, она была какая-то громкая, с огромными наращенными ресницами, со всеми шутила. Ой, как она мне не понравилась. Я не люблю шум, я с подозрением отношусь к людям, которые шутят со всеми подряд, и тут ей вдруг что-то надо еще и отменя.

Даша оказалась человеком во всех отношениях полярным мне. Я сижу, она прыгает. Я молчу, она хохочет, я пишу лекцию, она сворачивает тетрадь трубочкой, приставляет к моему уху и гудит в него как паровоз. «Даша, прекрати», «Даша, тише», «Даша, сосредоточься». Козачок вообще оказалась человеком гипербдительным, она находила общий язык со многими, нашла и со мной. Ее вдохновляло, что я так много путешествую, а меня, что она такая живая и веселая. Если быть честной, я не думала, что Даша Козачок станет мне человеком близким, но никогда не угадаешь наверняка. Буквально пару часов назад она, уходя от меня, обняла и пропела: «Ой, Эля, ты такая хорошая, я тебя так люблю». «Иди», — говорю. — «Не замерзни». И думаю, что я вот ее тоже люблю теперь.

С Катериной мы виделись когда-то до начала занятий. Наверное, во время вступительных экзаменов. Она до сих пор вспоминает, во что я была одета и как испуганно я выглядела на собеседовании при поступлении. У всех почему-то возникает странный для меня вопрос: «Как вы вдруг стали дружить?». Я не знаю на него ответ, потому что я даже не могу вспомнить как. Если первое Дашино слово, обращенное ко мне, я помню прекрасно, и это общение в голове моей представляется мне лучом, у которого есть отчетливое начало, то вот с чего мы начали с Катюшей, я не помню вовсе. Первое мое воспоминание о том, как мы идем по парку в тот самый день знакомств, а она говорит, что у нее челка плохо подстрижена. Мы уже даже прониклись друг к другу. А посему мне кажется, мы дружили всегда, с самой нашей первой встречи.

Мы были вместе почти все эти пять лет, всегда втроем. Взбалмошная Даша, я и суматошная Катя. Очень разные. Сегодня я понимаю, поче-

му люблю их обеих. Они – противоположные крайности моего Я. Я могу шуметь и кричать с Дашей, могу вздыхать и смотреть французское кино с Катей. Я нахожусь где-то между ними и часто очень вижу в них себя. Очень важно, знаете, чтобы никакой жизненный этап даром не пропал. Мои университетские годы подарили мне этих двоих. У меня нет сестер, нет братьев, для меня они стали семьей. Это то самое, когда ты не чувствуешь одиночества, когда ты можешь просить и открываться, ничего не опасаясь, когда тебя обнимут и поддержат или, наоборот, отругают. Мы вместе вошли во взрослую жизнь, мы учились, прогуливали, смеялись, плакали, ругались, обнимались, вырочали друг друга. Это самые важные люди, которых мне повезло найти за последние пять лет и с которыми я ни при каких условиях не соглашаюсь расставаться.

КАК ВАЖНО НЕ УПУСТИТЬ МОМЕНТ

Удивительно, но заканчивать факультет оказалось едва ли ни страшнее, чем поступать. И дело не в учебе, даже не в дипломе, которого пока все боятся как огня. Как ты, первокурсник, год назад боялся ЕГЭ. Тяжесть в том, что только в самом-самом конце ты вдруг понимаешь, что это последнее. Последний семестр, пара, контрольная. И диву даешься, почему время пролетело с такой скоростью.

Я объясню, как это происходит. Вот ты окончил школу, вполне удачно, с некоторыми трудностями по математике, но ты и забыл ее уже совершенно. Ты прилежно прошел творческий, старался, писал-читал. И вот Студент. И времени впереди хоть отбавляй, еще четыре года, чтобы учиться, радоваться, определяться с жизнью — это ли не радость. На самом деле, если начинаешь ты свой взрослый путь пешком вальяжно по лестнице, то под конец ты разгоняешься и уже бежишь за временем со всех ног, чтобы успеть, не упустить, догнать. Потому что четыре года — это сущая мелочь, время одинаково краткое и важное.

Я знаю, что сложно оценить такие слова по достоинству. Ну как можно думать о конце дороги, если ты вот только начал. А, поверьте мне, думать можно. И нужно. Сегодня ты прогулял одну лекцию, вторую, третью. Через полгода ты уже вроде даже раскусил систему высшего образования, вроде понял, что тебе от нее нужно, а что нет, и вот, деловой, уже не ходишь на философию, потому что она не сделает тебя лучшим журналистом. Зато завтра, уже совсем

завтра ты будешь бегом бежать на пару, с книгами наперевес, просто чтобы послушать, впитать, узнать, потому что это последний твой шанс сесть лицом к лицу с профессором и внять.

Даже, если по окончании ты направишь свои стопы на второе высшее, ты поймешь, что это уже совершенно не то. Ты будешь взрослый, рабочий, возможно, семейный уже человек, приоритеты твои изменятся, и такого удовольствия от процесса ты уже не получишь. А это самое главное — процесс. Университет — это отдельный организм. Всмотрись в него, вслушайся, как он звучит, принюхайся. Нигде уже у тебя не будет семинара по Достоевскому в морозное утро со стаканчиком дешевого кофе. Нигде не будут тебя гнать на физкультуру, вручать Нику за лучшую практику, ругать за хвост. В университете обитают удивительные персонажи, все разные, странные, умные, уникальные. Это особая среда, непохожая ни на школу, ни на работу. И в ней легко чувствовать себя свободным, если ты почувствуешь ее прелесть.

Я открою секрет: на старших курсах даже самый строгий преподаватель начнет относиться к тебе как ко взрослому. Тебя перестанут заставлять, наказывать, требовать. С тобой будут вести диалог. И Татьяна Алексеевна придет в один из дней в аудиторию, сядет напротив вас всех и скажет с легкой улыбкой: «Вы взрослые люди, выберите уже, наконец, темы дипломов». И тогда вот ты поймешь, что вот оно — цель твоя близка как никогда. Каждый из вас, кто думает, что настоящая жизнь начнется вот-вот, как только выпустимся, ошибается. Настоящая жизнь уже началась, вы уже выросли. С каждым годом время будет идти только быстрее и его будет все меньше.

Только поэтому, только потому, что это принесет глубочайшее удовлетворение тебе самому, я прошу тебя, первокурсник, ничего не упускай. Не упускай возможность учиться у умнейших людей. Не упускай возможность работать, развиваться, радоваться. Пробуй. Я пробовала мало, я просто тихо себе училась, и сегодня вот, пока пишу тебе это, чувствую, что жалею, что многое я упустила. Подумай, как тебя запомнит твой факультет. Журфак очень удивительное место, он как огромная семья, где есть любящая мамочка, строгий, но веселый папочка, есть дядюшки, которых любишь всех по-разному, но деться от них некуда, есть молодые кузены и кузины, с которыми проще найти взаимопонимание. Здесь есть все, главное увидеть и не упустить.

Горайнова Полина

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ, УЛЫБНИТЕСЬ!

Помню свое поступление на факультет журналистики и творческий конкурс в 438-ой аудитории. Помню трясущиеся руки, ноги, подкашивающиеся колени и подбадривания «старшекурс»: —

— Ого, кому ты сдаешь вступительный! На бюджет не рассчитывай! Завалит.

— Я ему же сдавала, не поступила.

— Готовилась-то хорошо? А то все подряд и самое сложное спрашивать будет!

Да кто же там меня ждет? Что там за суровый мужчина со строгим голосом и грубой речью?

И вот проходит год учебы на журфаке, я уже на втором курсе, сижу в приемной комиссии. И знаете с кем? С тем самым, кто спрашивал все со строгим голосом и грубой речью! Иваном Васильевичем Малахеевым. Смеемся и иногда плачем от перлов абитуриентов, поступающих на журфак, которые в своих публикациях пишут: «ИЗВЕСТНАЯ рок-группа Барабанщики-хой», или рассказывают, что Анна Политковская — пишущий журналист современности.

Помню, когда уже на последнем дыхании, после 8-9 часов работы с поступающими, Иван Васильевич разряжает обстановку и говорит: «Я тут из сада огурчиков привез. Может, перекусим?» Дал, словно глоток свежего воздуха, и ты понимаешь, что после года общения с преподавателями, перед которыми буквально вчера тряслись колени, вы стали родными, словно одна семья.

Вот уже и не год прошел, а пять лет. Иван Васильевич теперь передо мной уже в роли преподавателя. Учит составлять социометрический портрет, рассказывает о методах наблюде-

ния, прогнозирования, интервью. Сегодня я с улыбкой вспоминаю те дни знакомства с преподавателем и советский фильм «Иван Васильевич меняет профессию». Помните, как главный герой комедии перемещался в разные эпохи, как мы безудержно смеемся над приключениями героев? Сегодня Иван Васильевич уже не суровый мужчина как на вступительных экзаменах, а преподаватель, который смеется на лекциях и смеется вместе с нами — выпускниками.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Позади пять лет обучения на журфаке, а пролетели эти дни, как пять месяцев. Если вы уже знаете, кто такой Чемякин, что такое «Воскресные курсы», если вы уже запутались в коридорах и этажах УрГУ, если вы еле-еле прошли через пост охраны, но прошли и нашли нужный кабинет, если ваш любимый цвет оранжевый, то вы уже наполовину победитель! Осталось еще чуть-чуть, и вы — полноценный студент, глотающий воздух свободы, легкости, веселья, лени, а позже и стресса.

Вы уже, наверное, слышали, что учиться на журфаке интересно, несложно, что тут если позовешь в окно «халяву», то она придет? Если слышали, то забудьте. Я вам расскажу правду.

Вы отжимались от асфальта когда-нибудь осенью в парке Павлика Морозова без перчаток? Вы делали по 30 «пистолетиков»? Нет? А на журфаке такое практикуется! Запомните фамилию Мицкевич, позже вы будете думать: «Разве я плачу 90 тысяч в год, чтобы так унижаться?!»

Вы уже знаете, кому целовал руку Феллини? Марине Александровне Мясниковой, руку которой и вы будете готовы поцеловать, если она напишет вам «зачет» в зачетной книжке. Да, вам придется уходить домой из университета в 9 вечера несколько недель подряд, придется пересдавать письменные работы по 7-8 раз (а в моем случае — 13 раз, и мой рекорд еще не побит).

Может быть, вас остановит Дмитрий Леонидович Стровский. Его ораторские речи, игры на пианино во время лекции или сдача экзамена по истории журналистики, где вы должны будете прочитать не менее 60 книг, иначе, поверьте мне, не сдадите!

Ну, что? Отказываетесь? Пятитесь назад? Или до сих пор готовы идти уверенным шагом на четвертый этаж подавать документы на поступление?

Гусейнова Илона

О ПРЕПОДАВАТЕЛЕ

После перевода на факультет журналистики мне пришлось самостоятельно знакомиться со многими преподавателями, чьи лекции мне уже не суждено было прослушать. Более того, необходимо было объяснить мою ситуацию и убедить их дать задание, чтобы я успела сдать все предметы в срок.

Одним из таких преподавателей была Любовь Анатольевна Третьякова, которая, в отличие от остальных, не согласилась просто дать мне домашние задания и принять у меня зачет, а потребовала присутствия на всех лекциях.

— Материала, который я даю на лекциях, нигде больше нет. Единственный способ сдать мне зачет — это сначала посетить все пары, — сказала она.

Однако ходить на лекции первого курса отнюдь не было для меня простым решением в тот момент. Поэтому, честно отсидев одну лекцию, я подошла к Любове Анатольевне и попыталась еще раз объяснить мою ситуацию.

Выслушав, она сказала:

— Единственный способ сдать мне зачет, не посещая пары — это принести материалы, написанные во всех журналистских жанрах, изучаемых во время данного курса и опубликованных в течение учебного семестра, — сказала она, скептически на меня посмотрев...

Зачет Третьяковой совпал по времени с зачетом, проводимым на моем курсе. Поэтому я нервно бегала от кабинета к кабинету, сжимая в руках заветную папку с публикациями и надеясь, что Любовь Анатольевна не раскритикует.

В кабинете, где она принимала зачет, стояла тишина... И было очень много студентов. Успеть на оба зачета казалось нереальным,

поэтому я подошла к Третьяковой и, извинившись, что отвлекаю, попросила принять у меня зачет вне очереди.

— Давайте вашу зачетку, — ответила она.

Я неуклюже протянула ей папку с публикациями, которую она отодвинула в сторону, после чего, поняв, что от меня требуется, я протянула зачетку.

Любовь Анатольевна поставила мне зачет и продолжила слушать ответ первокурсницы.

ОБ ОДНОКУРСНИКЕ

Во время летней практики редактор дала мне задание опросить студентов на тему того, как и где они проходили практику. Задание показалось мне несложным: я написала старым друзьям и разместила вопрос в социальной сети. Однако мои однокурсники не стремились делиться своими впечатлениями.

Тогда я пошла дальше и отправила пару личных сообщений. Ответы из ребят приходилось буквально вытягивать: никто не хотел подробно описывать свои достижения.

Но одна моя однокурсница все же ответила, и ее ответ стоил всех моих усилий.

Даша Нечаева поделилась тем, как она искала место для проведения летней практики, как ей удалось найти работу по специальности после 2-го курса и добиться успеха.

Вот, что она рассказала о своем собеседовании:

— В конце разговора мне задали вопрос: «У нас через час съемка, поедешь?», и я поехала, — вспоминает она.

Сейчас Даша продолжает работать репортером на телевидении, а мне-таки удалось завершить опрос, центром которого стал замечательный рассказ молодой журналистки о том, что главное — идти к своей цели и быть готовой к неожиданностям.

О ФАКУЛЬТЕТЕ

Раньше я думала, что поступить в УрГУ не просто. Поэтому, получив за ЕГЭ «четверки», подала документы в Гуманитарный университет. Но проучившись там год и осознав, что с моими результатами можно было поступить на бюджет не самого престижного факультета, решила все-таки попытать счастья в УрГУ.

На кафедре факультета журналистики меня встретила Татьяна Алексеевна, узнав о моем желании учиться здесь, она посоветовала забрать документы из Гуманитарного и начать готовиться к собеседованию.

Кое-как убедив заведующую кафедрой в моем старом университете в том, что мое решение окончательно и бесповоротно, я забрала документы и пришла на собеседование.

Собеседование с абитуриентами проводил Владимир Федорович. Проверив мои знания относительно основных определений и узнав, почему я хочу стать журналистом, он со вздохом поставил мне «троечку». Что меня несколько не огорчило, а даже обрадовало.

Татьяна Алексеевна напомнила, что мне необходимо досдать «разницу», а именно около десяти зачетов и экзаменов за прошедший учебный год...

Сейчас я заканчиваю пятый курс факультета журналистики, теперь уже УрФУ, и понимаю, что трудности мы придумываем себе сами. Главное — верить в свои силы и не бояться сложностей, а делать все возможное, чтобы их преодолеть.

Демина Екатерина

БУДУ СКУЧАТЬ ПО ТЕБЕ, МОЯ ГРУППА

«Ваша группа самая дружная на потоке», — как-то сказала мне однокурсница. Тогда я задумалась, а правда, как мы смотримся на фоне других групп потока? И пришла к выводу: смотримся неплохо, потому что мы — единое целое, каким бы разными мы ни были.

Мы можем сплетничать, подшучивать, соперничать, перебивать всех ради высокого балла за семинар (только вспомните, что творилось на семинарах по отечественной истории!) Но когда все на равных... Подставить своего товарища, отказать в помощи — такого не припомню. Разве что по мелочи. Я верю, никто из нас не пнет слабого. Сильного, когда он на коне — да. Но не того, кто уже подбит.

Мне самой всегда нравилось писать на «парах» работы за подруг. Эти мини-эссе или тесты и нужны-то были часто лишь для того, чтобы проверить посещаемость. Вдвойне приятно было делать это, когда у подруги был веский повод не приходить на «пару»: она в другом городе с парнем, отключили воду в подъезде или у нее попросту завал на работе.

Бывали и у меня случаи, когда одноклассники спасали. Примеров — масса. Приведу только один. На зачете по математике все сидели парами: журналист и парень с матмеха. Только мы с подругой Э остались без поддержки: наши советчики были в других городах, и из-за проблем со связью мы оказались один на один с тестом по математике. Помощь пришла, откуда не ждали. Девушка К, с которой мы почти не общались, спросила, какой у нас вариант, и Аллилуйя! У нее оказалось то же задание и... друг-математик под боком. Этот чудный юноша решил нам весь тест и в довесок

объяснил, почему мое решение (какие-то задачи я все же надеялась выполнить самостоятельно) неверно.

Самые разные типажи собрались в нашей группе: лидеры и тихони (имею в виду образный смысл и только), умницы и раздолбай, развратницы и пуританки. Вот вам лишь несколько примеров: Настя Довгая — неисправимая карьеристка. Она должна быть лучшей всегда и во всем. И при этом она такая искренняя и непосредственная! Мне жаль тех, кто еще не знаком с ней. Алена Комарова — тактичный человек, талантливый фотограф. Такие люди должны быть в любом коллективе, без них нельзя. Сема Гринберг. Да, последний год он не учился с нами, сошел с финишной прямой, так сказать. Но какими были бы те четыре года без него? Можете представить? Я — нет. Вероника Фризен — для меня она раскрылась, когда стала старостой. Иногда ее гнев и ярость пугали нас. Но зато как быстро мы понимали тогда ее просьбы. А Марина Шеина, а Элена Гваришвили, а наша интеллектуалка Ксюша Звягина! А Таня Петрова! Помните наше знакомство в Харитоновском парке, где наша Таня произнесла эту ставшую сакральной фразу: «Мальчики меня позвали гулять по ночному пляжу, ну, я и пошла». А наш ходячий Везувий Даша Козачок! В ее неудачах всегда виноват кто-то другой. Самое симпатичное здесь, что эти приступы негодования уже через несколько минут сменяются диким хохотом.

Объем текстов для сборника ограничен, поэтому придется остановиться. Но каждый из нас, я убеждена, сделал нашу группу такой, какой она была. Я не представляю эти пять лет без... И здесь могу поставить имя каждого из вас. Не ошибусь. И верю, мы любим нашу группу со всеми недостатками, амбициями и сложностями характеров и темпераментов. Одно могу сказать точно — я вас очень люблю. И буду скучать по этим дням, проведенным с вами.

P.S. Для меня вы остались первой группой без разделения на печатников и телевизионщиков.

НА СТО ОЦЕНОК ВЫШЕ ПЯТЕРКИ

Мое знакомство с университетом началось с опоздания. «Им же все и продолжилось», — подумает в этот момент любой из моих одногруппников, но сейчас не об этом. Очень долго в тот день мы с мамой заполняли документы в УПИ. Когда закончили, поняли: до встречи с

деканом журфака в УрГУ осталось 20 минут. Как мы бежали эти 20 минут! Проспект Ленина казался бесконечно длинным. Добрались до университета, впопыхах поднялись на четвертый этаж, помыкались в поисках нужной аудитории, и, не представляя, как выглядит главный человек этого факультета, накинулись на идущего навстречу мужчину. Седой, с длинной бородой он шел по коридору и прищуривался. Мы прикинули и решили, что он достаточно интеллигентен, чтобы оказаться деканом.

— Как Вас зовут, барышня? — первым делом спросил он.

— Катя.

— Кааа-тень-ка, — протянул он, вынимая из внутреннего кармана жилетки ассигнацию XVIII века. — Вот она — «катенька», Ваша тезка. Узнаете? Это Екатерина I.

Он мельком поинтересовался, зачем мы здесь, и следующую четверть часа рассказывал о старинных деньгах, об особенностях истории Екатеринбурга и о своем хобби — шахматах. Все это было увлекательно и вместе с тем мучительно, ведь мы так и не поняли: декан он все же или нет? В какой-то момент седовласый интеллигент вдруг остановился и со словами: «А вот и тот, кого вы искали», представил нам проходящего мимо Бориса Николаевича.

Человек по имени Лозовский оказался лысым коренастым мужчиной с усами и невозмутимым выражением лица. Новоявленный декан любезно проводил нас в 438 аудиторию, где мы, наконец, поговорили. На этой встрече, ставшей личной, мы задали ему все интересующие нас вопросы о поступлении на журфак. Уже в конце разговора мама призналась, что жутко волнуется. Очевидно, чтобы оценить возможности для зачисления, Борис Николаевич спросил о моих баллах за ЕГЭ. Я ответила: «88 за русский язык и 94 за литературу». Реакция меня удивила. «Гм, неплохо, очень неплохо. У Вас есть все шансы поступить на бюджет», — сказал он мне и пожал руку. Вот он, тот момент, когда из спины вырастают крылья. Хотелось кричать: «Да, да, это не мои фантазии, я, действительно, достойна этого университета!»

Уже потом, осенью, я узнала, что треть моей бюджетной группы — стобалльники. Тогда же поняла: мои результаты ЕГЭ казались высокими лишь в сравнении с баллами ребят с подготовительных курсов. Боюсь обидеть, но многие из них действительно поступили лишь на платное отделение. Но в тот чудесный день

не было никаких стобалльников, медалистов, было рукопожатие декана. Оно стало первым. Второе было на научно-практической конференции, где я выступала с тезисами. Руководителем курсовой работы был Борис Николаевич. Когда я закончила и сошла с кафедры, он подошел ко мне, пожал руку и произнес лаконичное: «Молодец». Приятно. Очень. Это на сто оценок выше пятёрки.

Уже через пару месяцев защита выпускных работ, пора подводить итоги. Мой итог учебы на факультете — два рукопожатия декана. Надеюсь, будет и третье.

НЕСЛОЖНАЯ УЧЕБА ДЛЯ ТРУДНОЙ ИГРЫ

В конце концов, вот что значит учиться: важно не то, проиграем ли мы в игре, важно, как мы проиграем и как мы благодаря этому изменимся, что нового вынесем для себя, как сможем применить это в других играх. Станным образом поражение оборачивается победой.

Ричард Бах.

«Учеба на журфаке не сложная», — будут говорить вам многие. На самом деле, выбор за вами. Ведь учеба — это игра, как и вся жизнь. Здесь есть свои правила. Объяснять их сейчас незачем. Вы поймете их в процессе. Может случиться, что вы сделаете такой ход, после которого пропустите не два и не три, а все десять. Или вам повезет, и университетские годы пройдут без потерь. Но я вам этого не желаю. Без потрясений скучно. Это трудно — вести себя достойно, когда твое представление вдруг расходится с тем, что происходит в действительности. Но это можно пережить. Или переиграть.

Однажды у меня состоялся увлекательный диалог с преподавателем истории зарубежной литературы. Его зовут Алексей Вячеславович Маркин. Запомните это имя. Студенты, получившие за первый из двух семестровых тестов высокий балл, могли писать творческую работу. Перед этим необходимо было проконсультироваться с преподавателем о заявленной теме. Моей темой были ницшеанские мотивы в повести Германа Гессе «Степной волк».

— В каком жанре Вы собираетесь писать? — был первый вопрос мэтра.

— Ну, наверное, эссе.

— А что предполагает этот жанр, Вы знаете? — прозвучавшее в ответ мычание его не устроило, и он продолжил. — Каких эссеистов Вы знаете?

— Я затрудняюсь ответить на этот вопрос, — и как я могла не затрудняться, если я, к стыду своему, никогда не слышала этого слова — «эссеист».

— Ну, хорошо, какие последние эссе Вы прочли?

— Вы знаете, я не помню.

— Замечательно. Вы собираетесь писать работу в жанре, о котором имеете смутное представление. Замечательно! — наступила «мхатовская» пауза. Но не потому, что я обдумывала достойный ответ. Просто у меня ком в горле встал, и открыть рот я смогла лишь через несколько секунд.

— Давайте я на другую тему напишу, у меня есть еще несколько идей.

— Зачем другая тема? Почему Вы так быстро отступаете? Докажите мне, что Вы сможете написать эту работу!

За это эссе я получила максимальные 20 баллов, хотя надеялась лишь на половину.

Пусть учеба станет для вас игрой, в которой вы сами решаете, проиграли или выиграли. Но помните: это не Counter-Strike. Здесь всего одна жизнь. Выиграйте ее. А еще не переставайте верить в себя, старайтесь, не позволяйте себе спустить все на тормозах. И пусть трудности означают лишь одно — вы двигаетесь в правильном направлении. Удачи!

Довгая Анастасия

ОТЛИЧНИЦА НА ВСЕ СТО ПРОЦЕНТОВ

Она пришла поступать на журфак со стопроцентным успехом в руках — сертификатом ЕГЭ, где на гордость родителям и школьным учителям красовались две сотни по русскому языку и литературе. Затем ее максимальные баллы, когда они появились в Интернете на официальном сайте университета еще до начала творческого конкурса, стали портить нервы абитуриентам. Шансы побить эти единицы с нулями были равны практически нулю. Я, признаться честно, увидев такой результат, почувствовала себя Станиславским в юбке, воскликнув возле экрана компьютера: «Не верю!» Но после первой же нашей встречи и первых десяти минут общения поверить в этот ее успех смогла быстро... Определить глубину этого человека невозможно. Ты уходишь с головой в разговор, понимая, что эта девушка для любой темы найдет попутный ветер, причем, имея на все собственный взгляд.

Сейчас Ксюша Звягина из стен Уральского федерального университета выпускается тоже со стопроцентным успехом в руках — красным дипломом, где рядом с каждой дисциплиной стоит «отл»...

— Отличница учебы, стипендиат ельцинской программы, обладательница «Ники»... Кажется, ничего не забыла? — спрашиваю у Ксюши, которая явно смущена (ее скромность — первое, что подкупает собеседника). — Наверное, дело все в синдроме отличницы? Как же еще можно объяснить то, что за пять лет ты просто поражала такой стабильностью на экзаменах?

— Не скрываю, синдром отличницы был у меня в школе. А в университете его съела лень.

— «Ленивая отличница» — звучит как оксюморон.

— Все очень просто: на мой взгляд, бывает несколько типов отличников — «ботаны», интеллектуалы и везунчики. Я отношу себя к третьей категории. Мне, действительно, фартит. До сих пор не понимаю, как Стровскому дисциплину «История отечественной журналистики» сдала на пятерку.

— То есть ты, например, из 50 вопросов учишь всего два, и они тебе и попадают на экзаменах? Вот это для меня и есть фортуна...

— Нет, стараюсь учить все. Мне просто хватает баллов, — так тихо признается Ксюша.

И в этом, на мой взгляд, она вся: очень скромная, необычайно талантливая и поразительно эрудированная. Она точно училась все эти пять лет не ради красного диплома, а ради знаний, потому что не любит поверхностности. Именно журфак, по ее словам, помог ей научиться не смотреть на какую-то проблему узко, а всегда видеть разные точки зрения.

Я искренне желаю Ксюше, чтобы каждый свой жизненный этап она продолжала проходить, имея и дальше все сто процентов успеха в своих руках. И в том, что так оно и будет, я уверена... Уверена на сто процентов.

НИЧЕГО ЛИЧНОГО — ТОЛЬКО ДИСТАНЦИИ

К встрече с ней я всегда начинала готовиться с вечера: намывала спортивную обувь, наглаживала форму и ставила на всякий случай два будильника. Не дай бог, просплю. Мы встречались дважды в неделю, по средам и субботам, в подвальном помещении корпуса УрФУ на Куйбышева. В выходной, ровно в 8:30. И ни секундой позже. В то каждое утро будильник, как назло, был самым тихим, общественный транспорт — самым неторопливым, а охранник на входе в университет, когда разглядывал мой студенческий билет — самым дотошным. Поэтому в 8:29, стремглав мчась из раздевалки и заплетая на ходу косичку (без нее вход в спортивный зал был просто заказан), я чувствовала себя спринтером, взявшим золото на Олимпийских играх. Но это была лишь разминка. Ради зачета нужно было изрядно попотеть. Буквально. Зато в конце каждого семестра ее подпись и фамилия рядом с предметом «Физвоспитание» — Мицкевич Людмила Михайловна — были лучшей наградой, о которой мы могли только мечтать...

... А мы для нее были всего лишь «журами» — так она называла нас, навевая этим

словом недвусмысленные ассоциации. Но точно было понятно: Людмила Михайловна хотела сделать из нас «сборную мечты», которую не стыдно было бы отправить защищать как минимум — честь университета, как максимум — честь страны. Она не просто заставляла нас делать несколько десятков «пистолетиков», отжиманий и приседаний. Она воспитывала в нас самодисциплину и закаляла дух, как бы пафосно это ни звучало. Даже самые заядлые «прогульщики» посещали с небывалой стабильностью ее «пары». Себе дороже. Все равно ведь пришлось бы отрабатывать, наматывая круги по сугробам вокруг парка Павлика Морозова. И растопить ее сердце жалобным взглядом было невозможно. Ничего личного. Только дистанции в заданиях и в личных отношениях. Мы сливались для нее в одну разноцветную массу, обращаясь к которой она лишь говорила: «Синяя футболка, ускоряйся!» или «Оранжевая футболка, завяжи шнурок!»

Но к концу второго семестра из ее уст, к огромному удивлению, стали звучать наши фамилии и имена. Лед тронулся. Она старалась поддержать нас во время обязательной дистанции на два километра и даже иногда стала ласково называть «журочками». Людмила Михайловна, видимо, точно знала, что «журналистов ноги кормят», поэтому делала все, чтобы из стен вуза мы вышли подготовленными к любому испытанию.

Ведь наша жизнь — это сплошной марафон, где каждый финиш на самом деле — новый старт, и к этому нужно быть готовым не только физически, но и морально. Это то, что, на мой взгляд, и старалась донести до нас Людмила Михайловна Мицкевич...

УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И УЧИТЬСЯ!

Говорят, лени не существует. Есть слабая мотивация. Отсюда и не сданные вовремя работы, и долги за сессию, и какая-то апатия к учебе. И заставлять что-либо делать слабо мотивированного (а не ленивого, замечу) студента просто бессмысленно. Он все равно прочитает Достоевского, Ремарка или Кафку в кратком содержании, скачает реферат, а то и курсовую, достанет на экзамене шпаргалку, списав все подчистую, даже не готовясь к ответу... И будет искренне верить в то, что учеба в жизни не главное. Мол, он делает миллион ненужных в жизни вещей, только чтоб его не выгнали из университета. А «корочка» же вроде как нужна...

Некоторые студенты факультета журналистики списывают все на свою высокую мотивацию к работе. Практические знания ведь куда ценнее сухой теории, и надо как можно раньше высказывать из-за парт и бежать туда, в поля, набивать профессиональные шишки. Многие после летней практики признаются, что один день в редакции заменяет им месяц учебы: столько всего нового и интересного они узнают за сутки.

Да, не спорю, опыт в нашей профессии нужен. Именно поэтому я начала «репортерить» на одной из местных телекомпаний уже со второго курса. Однако в приоритете все равно был университет: я старалась посещать все лекции, вовремя сдавать работы и добросовестно готовиться к экзаменам. Чаще всего — в перерывах между съемками. Причем, на качестве образования это точно не сказалось.

Я искренне верю — чем больше ваш общий кругозор, тем больше дверей перед вами открыто. И как раз наполнить вас, как сосуд, знаниями помогает фундаментальное университетское образование. Поэтому, поверьте, имеет смысл читать те длинные списки по отечественной и зарубежной литературе, ходить на «пары» социологии, философии, психологии... Когда вы понимаете, что эти знания точно понадобятся вам в профессии (а, поверьте, без них, действительно, никуда), то как-то сама собой появляется высокая мотивация приходить в университет учиться. Так что, не ленийтесь — стимулируйте себя, и образование станет вам в радость.

Долженкова Наталья

ПОЧТИ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Очень сложно спустя такой большой промежуток времени выделить преподавателя, который запомнился чем-то особенным. Сданные зачеты и экзамены давно перевалили за десяток, что-то неизменно стерлось в памяти. Почти пять лет назад вы — наши преподаватели журналистского мастерства — начали учить нас, совсем зеленых, правильно излагать свои мысли, уметь работать с людьми и соблюдать «дедлайн».

Вы «разбивали» наши представления о профессии.

Для большинства тех, кто только поступает на факультет журналистики, профессия журналиста окружена ореолом романтики: «это детективные расследования, интервью со звездами и пресс-конференции с фуршетам...». Обаяние легенды гораздо сильнее уже развенчанных мифов о профессии.

Да, этот тот самый момент, когда все первокурсники до единого сидят в 438 аудитории и боятся дышать на паре по введению в специальность у декана факультета журналистики Бориса Николаевича Лозовского. Отлично помню его слова о том, чтобы мы поскорее забыли о существовании собственного «я», забыли обо всем, что мы думали о профессии журналиста и начали понимать, что это труд, серьезное ремесло.

ВЫ УЧИЛИ НАС ДИСЦИПЛИНЕ

«Если опаздываете — сидите в коридоре». Прямо перед нашими носами всегда шумно захлопывались двери на пыльную от мела тряпку. На моей памяти больше не было преподавателя, на пару к которому бы не рискнул зайти ни один студент, опоздав даже на две минуты. Алексей Валерьевич Антошин — преподаватель по отечественной истории, тетрадь по которому в моем письменном столе — реликвия. С этим предметом у меня связаны особые воспоминания.

Перестройка. Я судорожно пытаюсь достать шпаргалку, размером сантиметр на два, из левого рукава. Единственная, которую я не выбросила перед экзаменом. Окажись здесь мой школьный учитель по истории, ему бы пришлось густо покраснеть. Особенно, когда на дополнительный вопрос: какие страны участвовали в войне 1812 года, я молчу, как будто не сидела с третьего января с двумя учебниками до ночи. Алексей Валерьевич многозначно намекал, подсказывал, высчитывал несколько раз итоговые баллы. Тщетно. Моя первая тройка.

ВЫ УЧИЛИ НАС ДЕЛАТЬ НЕВОЗМОЖНОЕ

От античной до современной западной. Список литературы, настоятельно рекомендуемый преподавателями по зарубежной литературе для каждого семестра, порой переваливал за 100 книг. В каждой из которых иногда было более 300 страниц. Как все настоящие студенты, мы садились за чтение только в конце семестра, полагая, что краткого содержания хватит для ответа.

Никто из нас не предполагал, что при ответе на вопросы теста нам придется вспомнить вовсе не год написания произведения и не имена главных героев, а название последней главы «В наше время» Хемингуэя или автора книги, которую читает героиня в 10-й главе пятисот страничного романа. Экзамены по литературе стали «серьезным испытанием на верность профессии».

Вы готовили нас ко встрече с реальными буднями журналиста и еще многим и многим вещам, перечисление которых займет не одну страницу.

Как быстро прошли эти пять лет.

ОБ ОДНОКУРСНИКАХ

За эти пять лет все друг друга «перепробовали на цвет, запах, вкус» и соответствие собственным взглядам. Небольшие коллективы то

складывались, то вновь распадались. Девочки, девушки, женщины, леди. Немногочисленный состав джентльменов, которые на факультете в особом почете.

Журналисты. Мы все изначально — конкуренты. Здесь нет «случайных людей»: еще до поступления мы заполняли редакции студенческих и школьных газет, врываются в кабинеты к редакторам, неловко формулировали вопросы к первым интервью, ранним утром бежали к газетным киоскам, потому что на пятой полосе — твоя фамилия.

Среди нас — люди, наделенные особым талантом. У них и предложения в материале складываются сами собой так, что главному редактору остается только раскрыть рот и поставить материал на первую полосу. Есть и те, кому приходится долгое время писать в стол, раскидывать по комнате скомканные листы бумаги, перечеркивать, переписывать, выстрадать каждое слово и предложение.

Для кого-то заветная мечта — после того, как перепачкать пальцы, держа в руках свежий номер областной газеты, преступить порог глянцевого журнала или серьезного политического издания. Уехать жить в другой город, потому что «где-то там» всегда больше возможностей и трава зеленее. Или испробовать себя на прочность во всех сферах: в печати, на телевидении, радио, в пресс-службе — и, наконец, распрощаться с сомнениями на счет того, что делать после окончания университета.

Сейчас воспоминания еще совсем свежие. Но что останется главного в памяти, когда неизбежно померкнут даже самые яркие образы? Может, как к летней сессии укорачивались юбки и платья, появлялись каблуки и эффектные вырезы, к зимней обязательно — кофты с карманами, джинсы и сапоги до колена?

Наверное, запоминаются люди, которые искренне радовались твоим успехам и дружелюбно хлопали по плечу. Запоминаются те, кто в два часа ночи перед экзаменом приходили на помощь, когда ты вдруг обнаруживал, что у тебя совсем нет ответов. Запоминаются те, с кем прогуливал первую в своей жизни пару и сидел на скамейке около университета, листая «Русский Репортер». Запоминаются те, с кем ты вместе собирал воедино первую учебную газету: как до ночи писал материал, скрываясь от редактора, который не спит вместе с тобой (из-за тебя). Или как потом вместе со всеми разрезал заслуженный торт кредитной карточкой, потому что не было ножа. Запоми-

наются те, кто для тебя за это время стал особенно близок — друзья, соседи по общежитию, с которыми ты делил поллитровую банку огурцов, привезенную из дома.

Говорю совершенно искренне, что сложнее всего подобрать слова именно к этому эссе — об однокурсниках. Людях, которые буквально плечом к плечу прошли с тобой то же, что и ты. И выделить кого-то одного — значит отбросить на второй план всех остальных совершенно незаслуженно. Мне хотелось, чтобы здесь нашлась строчка или хотя бы слово для каждого.

СТУДЕНТ С ХВОСТОМ

Говорят, у настоящего студента за время обучения в университете должен появиться хотя бы один «хвост», иначе какой же ты студент? Впрочем, хвост — понятие образное. Появляется в случае несданного студентом зачета или экзамена.

Вот история про мой хвост. Хвост, который рос целых пять лет.

Я совру, если скажу, что всегда мечтала о поступлении на факультет журналистики. Фраза «лишь бы без математики» стала основой выбора будущей специальности, для меня — чистого гуманитария еще с начальных классов школы. Тем не менее мне хотелось точно знать, чем буду заниматься после окончания университета. В итоге выбор пал на журналистику.

Как сейчас помню: в конце десятого класса, мне, ребенку, которому еще не исполнилось и восемнадцати, казалось, что я делаю нечто невероятное и не доступное обычному человеку — иду в редакцию с первым, собственноручно написанным материалом. Который, возможно, даже опубликуют. В газете. И под материалом будет значиться моя фамилия.

Мой хвост начал расти вместе со мной.

Он начал расти в тот момент, когда я впервые перешагнула порог редакции, открыла двумя руками тяжелую дверь университета и села за парту. Сантиметр за сантиметром я обзавелась жизненно важным органом балансировки. Мой хвост — не задолженности по предметам или несданные практики, курсовые работы. Мой хвост — это мой личный жизненный опыт, который я получила в стенах университета, на производственной практике.

Журфак — мое первое серьезное разочарование, первая победа над нездоровыми амбициями и завышенными ожиданиями.

Журфак — это самодисциплина, ответственность и умение разбираться в людях.

Журфак выпускает людей со здоровой самокритикой, людей, способных найти выход из любой жизненной ситуации.

Журфак — это среда постоянной конкуренции, в которой стоять на месте означает два шага назад.

Журфак — необходимость постоянно работать над собой, бороться с комплексами, исправлять ошибки, сравнивать себя только с самим собой.

Наконец, журфак — это умение вырабатывать свою позицию, аргументировано отстаивать свое мнение.

Пожалуй, ни один факультет в мире не может похвастаться тем, что готовит своих студентов не просто к работе по выбранной специальности, а к встрече с реальной жизнью.

Сейчас, спустя пять лет, размышляя над тем, чем был обусловлен мой выбор, я понимаю, что не могу дать конкретного ответа. Совершенно точно я не чувствовала, что это мое призвание, в моей семье не было журналистов, поэтому подражать мне тоже было некому. Подсознательно я всегда понимала, что про меня не скажут: «это журналист от бога», мне всегда приходилось бороться с мыслью, что то, чего я смогу добиться в этой профессии, достанется мне с большим трудом.

Когда все маски сброшены, а намеченный путь пройден, мне остается только признать, что журналистика не мое призвание. Но именно сейчас я понимаю, что иной выбор стал бы ошибкой. Факультет журналистики дал мне гораздо больше, чем просто знания о профессии: он сформировал меня как личность.

Имамова Алина

КАК Я ВСТРЕТИЛА СЕМЬЮ. ТРИ ИСТОЧНИКА ТВОРЧЕСТВА

Говорят, школа — это второй дом. То же самое утверждают и про университет. А для меня второй дом там, где моя любимая «семья». Честно сказать, я не помню, как мы начали дружить. Но в памяти навсегда осталось первое впечатление от встречи с двумя красавицами. Август 2009 года, 20 минут до зачисления, Ленина, 51, второй этаж, дорога в конференц-зал. Мне на пути встречается рыжее чудо с веснушками, за плечами — рюкзак, потерянные глаза. Первая мысль: «Точно на журфак поступила». Перекинулись парой слов, а потом вместе пошли плутать по лабиринту университета.

В этот же день, спустя десять минут, я увидела брюнетку с огромными, бездонными глазами. Признаться честно, я всегда мечтала иметь большие и зеленые глаза. И вот оно! К тому же с родинкой над верхней губой. В тот августовский день я услышала 25 фамилий бюджетников. Тогда я и предположить не могла, что эти две девушки в конце списка на букву «Ш» станут моей второй семьей.

Каким-то чудесным образом спустя пару месяцев жизни в разных концах коридора общежития мы стали все чаще общаться, заходить в гости на чай, притираться и привыкать друг к другу. Через год мы стали жить вместе. Сначала наша семья ютилась в крохотной комнате общежития. Там мы пережили десятки бессонных ночей за книгами, сотни веселых вечеров за семейным ужином и столько же мучительных пробуждений под перезвоны будильников. Как в любой правильной семье, не обходилось без ссор, драк и слез. Каждый сентябрь к нам подсеяли новую жертву — четвертую

соседку, но мы оставались семьей и воспитывали новое поколение. С каждым годом мы обрастали имуществом: холодильник, зеркало, диван... А потом плюнули и переехали в отдельную квартиру. До сих пор мы вместе, по вечерам ждем друг друга с работы, помогаем в делах общественных и личных. Мы разные: я — «вестюк» до мозга костей, Марина — киношник, а Наташа — журналист-аналитик, но мы — «семья». Конечно, когда-то мы разъедемся, у каждой появится муж, дети. Но это будет лишь новая страница жизни «семьи 211».

P.S. По привычке на рабочем столе моего ноутбука всегда будут висеть папки «Мара» и «Шадрина» с фотографиями студенческой жизни.

С БОЛЬШОЙ БУКВЫ «П»

«Я не люблю “Автограф”, стараюсь его не читать», — каждый раз с раздражением говорит она. И добавляет: «Там пишут только гадости, в том числе и про меня!» Но мне хочется, чтобы этот маленький материал Марина Александровна Мясникова прочитала и улыбнулась.

Первая наша встреча тат-а-тет произошла в самом начале второго курса на «разборе полетов» по практике. Тогда я принесла, мягко говоря, отвратительные телевизионные сюжеты: с ужасной начиткой, без смысловой структуры, одни эмоции. Сердце просто выпрыгивало из груди, и хотелось от стыда и страха залезть под стол. Ведь в коридорах журфака только и жужжали (цитата!): «Мясникова — полковник в юбке, очень строгая и требовательная. Ей сложно угодить!» Однако Марина Александровна терпеливо посмотрела мои «шедевры», указала на многочисленные ошибки второкурсницы Имамовой, разжевала проблемные места и даже нашла плюсы. В итоге в зачетке красовалась отметка «отл». Вот так я поняла, что нам по пути, что под чутким руководством этого замечательного преподавателя я смогу реализовать себя на телевидении.

С тех пор утекло много воды, но я могу сказать одно: Марина Александровна — преподаватель от Бога и Профessional с большой буквы «П». Она всегда дает очень точные и полезные советы, у нее неординарный взгляд на современную журналистику, политику, кино, а также Марина Александровна безгранично любит студентов. Для меня она — самый любимый и важный преподаватель, мой дипломный руководитель. Это она отправила меня ставить речь, это она поддерживала в нача-

ле моей карьеры, это она с гордостью смотрит мои нынешние сюжеты. Теперь мы с любовью и лаской зовем ее — Мар Санна.

В заключение хочется сказать, что я никогда не забуду сладкие субботние дни на кафедре телевидения за чашкой чая. За импровизированным круглым столом «дети» Марины Александровны — выпускники разных лет и нынешние студенты. Во время беседы каждый делится своими успехами, опытом и показывает на экране свои телевизионные работы. А она, как довольная мама, улыбаясь, смотрит на них и радуется. Ведь за каждого своего студента она переживает больше, чем за себя. Я уверена, что для преподавателя самая приятная похвала — это успешные (не только в профессии) студенты. И если, Марина Александровна, вы читаете этот приторный (или же по современному «мимимишный») материал, то приглашайте меня на субботние посиделки. А я буду вас только радовать!

СОЧНЫЙ, ВКУСНЫЙ И ЯРКИЙ

Март 2009 года. Мучительный выбор: куда же поступать? Старший брат, тогда студент пятого курса Академии госслужбы, всеми правдами и неправдами отговаривает меня поступать в УрГУ. И в качестве эксперимента как-то раз днем приводит меня к зданию на Ленина, 51 и говорит: «Посиди вот тут на скамейке немного и посмотри на этих людей, которые здесь учатся. Они же все сумасшедшие!»

И, правда, из огромных дверей университета каждую минуту выходят толпы девушек и парней, но все они необычные. Тогда я их разделила на три категории. Первая — «передовик производства». Обязательные атрибуты такого студента — очки, несвежая прическа, хмурое выражение лица, острый, задумчивый взгляд, в руках — учебники, чаще всего передвигаются поодиночке. Вторая категория — «местные сумасшедшие». Пирсинг, странные прически (красные, синие, зеленые), яркий макияж, татуировки, одежда всех цветов радуги. Эти ребята много смеются, курят и ничего не стесняются. Но при этом ведут интеллектуальный диалог. И третья категория — студенты «с изюминкой». С виду обычные ребята, улыбаются, неспешно разбредаются от «универа», но по их взгляду видно, что внутри спрятана чертовщинка.

Через полчаса наблюдений ко мне возвращается брат и спрашивает: «Ты хочешь стать одной из этих не вполне адекватных людей?»

Я тебе говорю, что все мои знакомые, которые учатся здесь, немного странные!» Тогда пять лет назад свой выбор сделала одиннадцатиклассница из Верхней Синячихи, а сейчас уже выпускница УрГУ (а не УрФУ) и корреспондент «Вести Урал», и ни капельки об этом не жалеет. Скоро я закончу один из самых противоречивых и непонятных факультетов, который одновременно ничему конкретному не учит, но дает неоценимые уроки жизни и делает из человека личность. Я уверена, что не зря журфак УрГУ — факультет оранжевого цвета. Ведь здесь, на четвертом этаже, надо быть сочным, вкусным, ярким, запоминающимся, постоянным и верным себе. Единственное, что я до сих пор для себя не решила, к какой категории студентов отношусь я?

Козачок Дарья

КОСМОС

Мне страшно нравятся ее «куку» и детское «бу» в моих сообщениях, ее «ага» на мои телефонные звонки, ее «я пришел» в моем домофоне.

Уже сейчас в ожидании я мечусь из угла в угол. Я жду ее, потираю руки, предвкушая, как вместе с ней мой дом затопит долгое, едкое, возрождающее нас обоих... злословие.

За окном ледяной дождь режет улицу на тысячу полос своими острыми струями. Опаздывает. Еще полчаса. Только подумаю о том, как там она, бедная, в такой ливень... В ту же секунду она звонит в дверь.

Она врывается в мою квартиру, как к себе домой. Раньше это ужасно меня злило. Теперь же сонный, продрогший дом в одно мгновение заполняется разговорами, громкими взрывами смеха, песнями, грохотом посуды, хлопаньем дверьми, топотом ее ног. Мне становится так спокойно, так уютно, так хорошо, что незаметно из-за угла подкрадывается утро, и надо брести вдвоем в спальню, догонять ушедший сон.

Но это будет потом. Сейчас же — она пришла. И я, как истосковавшийся щенок, что-то тьявкаю и повизгиваю от радости в коридоре.

Секунда-другая и масштабы злословия начнут разрастаться. Когда-то мы сошлись на том, что именно это нас и сблизило. На первой студенческой вечеринке вместо того, чтобы в толпе однокурсников предаться веселью, мы заперлись в ванной и проговорили до утра. Как сейчас помню: нам по 17 лет, я сидела на стиральной машине, в спину упиралась горячая труба, она — сложилась в ванной, вытянув ноги в смешных носках через бортик. Странно ощущать, что теперь это твой друг. В военной пи-

лотке. С шахматами и зонтиком в солнечный день. Такой вот странный, непонятный новый друг.

— Так и быть, — сказала она тогда, сидя в ванной, — я кое-что тебе расскажу, потому что вижу, что мы будем долго общаться.

Уже пятый год мы не можем наговориться.

Сейчас я смеюсь во все горло. Она дымит в окно. Если закрыть глаза, то я отчетливо представляю, как она сейчас усмехается, затягиваясь, показывает ровные зубы, как замирает, задумывается, как всклокочивает свои волосы и постоянно жестикулирует.

«Класс-с-с». В этом слове она всегда тянет последнюю «с».

Через наш анатомический стол прошли все наши знакомые, совершенно посторонние и самые близкие люди. Препарируя их, детально разбирая, практически перемолов их всех в муку, мы забываемся детским, наивно-счастливым задором, щекочущим внутренности тысячей мелких пузырьков.

Чувство полной, стопроцентной близости и доверия к ней на фоне тотального, сокрушительного разочарования во всех остальных не выскочило из-за угла, а взорвалось огромными черными клубами дыма. Чернобыль местного масштаба.

Со мной пытаются обсуждать ее, также разобрать на составляющие элементы. Но нет! Это только наша с ней прерогатива, у нас это получается гораздо лучше других.

Она не любит, когда я пишу о ней.

Любит, когда я просто пишу. По крайней мере, так говорит.

ТЕАТР В МАЛИНОВОМ ПИДЖАКЕ

Юркой мышкой она проскользнула в нашу аудиторию. Мельком бросив на нее взгляд, я подумала: «Боже, неужели кто-то до сих пор носит такие пиджаки!» Мы не обратили на эту фигуру ни малейшего внимания, продолжая громко перешептываться между собой. Тем временем в ее маленькой головке уже созрел план, как с самых первых минут поставить нас на место.

Она с грохотом бросила на стол тяжелую стопку учебников, стараясь это делать нарочито небрежно и шумно. Мы притихли.

— Меня зовут Каратаева Людмила Юрьевна. Я ваш преподаватель английского языка. На ближайшие два года, — эти отекающие, выцезенные слова прозвучали самой настоящей угрозой.

Она безжалостно просверлила каждого испепеляющим взглядом прищуренных глаз. Эта хрупкая женщина средних лет, среднего роста, таила в себе фантастическую мощь, ядерную энергию, взрывоопасную смесь в таком состоянии, что хотелось начать обратный отсчет в предчувствии необратимости катастрофы.

Малейший шорох, непослушание выводили ее из себя, она заливалась краской, в порыве ярости растрепывала свои тонкие и легкие, как пух, волосы, срывала малиновый пиджак и начинала ходить вокруг себя. При таких энергичных телодвижениях очки на ее маленьком, вздернутом носике подсакивали и падали ей на грудь, продолжая жалобно звякать, ударяясь оправой о массивные янтарные бусы.

Коричневые бусы и малиновый пиджак. Малиновый пиджак и коричневые бусы. Чтобы как-то отвлечься и унять легкую дрожь, я заставляла себя сосредоточиться на чем-то невообразимо дурацком, даже где-то смешном.

Ее «взрывы» и «бури» заканчивались также внезапно, как и начинались. Очки занимали положенное им место, пиджак снова грубо очерчивал ее плечи, она быстро вытирала капли пота со лба и брала себя в руки. Жестяной пятерней сжимала всю себя и успокаивалась. И мы ждали следующей бури.

Она не знала постоянства в привычках и настроении. Сначала всех опоздавших она проводила за ухо до парты, чуть позже на жалобное «можно войти?» она радушно отвечала «пожалуйста». Сегодня на ней ярко-желтый пиджак, который как ничто лучше дополняет ее нервно-дерганное настроение, а завтра она набросит выплывший шерстяной жакет и прослезится, рассказывая о трагедии и величайшей добродетели принцессы Дианы.

Пиджаки менялись со скоростью света, приступы сезонной агрессии менялись удушливыми проявлениями материнской доброты, она меняла лица и роли, как разноплановый актер, которому идет образ и бога, и черта. Мы перевели десятки статей, пересмотрели множество фильмов, прочли по меньшей мере сотню текстов, но занимательнее всего было наблюдать за ней, пытаться предугадать ее реакцию, вычислить образ, который сегодня ей вздумается примерить на себя. Постепенно, привыкнув к этому театру, став постоянными зрителями, мы в восторге обнаружили, что каждое занятие как спектакль сулит быть уникальным и неповторимым благодаря эмоциональности и артистичности главной героини.

Однажды я заметила, что, скинув свой легендарный малиновый пиджак, она превращается в беззащитную, хрупкую женщину, настолько слабую и маленькую, что хочется подойти и осторожно обнять ее за хрустальные плечи, вдохнув сладковатый запах ее духов, чуть пряный и настоянный. Мое сиюминутное желание погубило, когда, поевшись, она привычным резким и широким движением накинула свой дубовый пиджак, вскочила на свои коротенькие ножки и прогремела на всю аудиторию:

— А теперь закрыли все рты и глазки на меня!

И ее представление началось.

НАША ШКОЛА

Желание поступать на журфак было осознанным и взвешенным, я точно знала, что это — мой путь. Перед вступительными экзаменами в социальной сети я написала первому попавшемуся выпускнику: «А чему учат на журфаке?» Ответ был такой — «ничему». Что-то зашевелилось во мне, но я подумала, что это всего лишь выпускник, который уже забыл все на свете. Ведь в расписании столько предметов, столько книжек надо прочесть, меня будут учить, как брать интервью, как работать с камерой, как фотографировать, как писать репортажи, научат правильно говорить и уверенно держаться.

Прошло пять лет. Пролетели, как пять минут, скажу я вам. И журфак научил меня, воистину, многому. Он научил меня, как сдать экзамен, ни минуты к нему не готовясь, как всю ночь протанцевать в клубе и написать тест по зарубежной литературе. Он научил меня договариваться с людьми, искать оправдания собственной лени, научил не копать слишком глубоко.

Журфак научил меня веселиться и радоваться жизни, погружаясь в беспробудное состояние эйфории, в эту обманчивую легкость бытия.

Журфак научил меня демагогии. Он научил меня соблюдать дедлайн в последнюю ночь, в последний час, корявым почерком, сидя, на коленях.

Журфак научил меня дружить, выручать своих товарищей, помогать им и надеяться на их помощь. Он научил меня здоровой женской конкуренции, как сделать так, чтобы среди нескольких девушек заметили тебя, как понравиться, что говорить, и как себя вести.

Журфак научил организовывать вечеринки, имея сто рублей, музыкальные колонки и несколько пластиковых стаканчиков. Он научил меня выкручиваться из сложных ситуаций, смеяться над собой, не бояться выглядеть глупо.

Журфак научил меня не забивать голову лишним, но все время стремиться объять необъятное. Этот факультет ясно дал понять мне, что необходимо отвечать за свои слова, выполнять обещания, перезванивать, если не можешь ответить на звонок сейчас, заводить нужные знакомства и все время их поддерживать. Он научил меня не зависеть от времени суток, и в любое время — даже ночью, быть готовой встать и побежать, работать без сна, еды и теплой одежды в любое время года.

Именно журфак заставил меня пойти, наконец, к логопеду и научиться выговаривать звук «р». Журфак научил меня постоянно иметь при себе зарядное устройство, бутылку воды, записную книжку и деньги на такси.

Журфак научил меня разбираться в людях, читать их истинные намерения, анализировать, не верить и постоянно сомневаться.

Журфак научил меня уверенно заявлять при устройстве на работу: «Я все могу! Да, без проблем, я это уже делала и не раз!» И не обращать внимания на мигающую в голове красную лампочку: «О, черт, черт, черт!» И, в конце концов, этот факультет научил меня быть проще, не заикливаться на мелочах, радоваться тому, что имеешь и ценить по-настоящему важные вещи.

Как вы видите, журфак научил меня многим вещам. И среди них нет ни одной, хотя бы отдаленно напоминающей журналистику.

Комаров Дмитрий

О ЛИЧНОСТНОМ ФАКТОРЕ

Люди часто любят сравнивать университет со школой, и находить между ними «колоссальные различия». Самый главный миф из этой серии — пресловутая «индивидуальная работа со студентами». Принято считать, что в отличие от школы, выпускающей всех одинаковыми, университет поставляет миру специалистов — товар штучный во всех отношениях. Правда в том, что зачастую «индивидуальная работа со студентами» ограничивается написанием курсовых и диплома. И то, если очень повезет.

К счастью, именно в этом направлении работы журфак выгодно отличается от других. Преуспел вопреки новым тенденциям в образовании, просто в силу странного стечения обстоятельств: здесь всегда было немного больше доброй «пофигистической» свободы. И, если честно, ее значение чудовищно недооценено. То, что потенциал этой вольности раскрывается — исключительная заслуга преподавателей.

Моей любимой историей из этой серии надолго останется индивидуальный курс, который мне довелось прослушать. Вышло так, что среди моих однокурсников никто не заинтересовался вопросом конструирования мифов (что, конечно же, очень и очень странно), и на соответствующие лекции записался я один. Не знаю почему, но Ольга Владимировна Ильина от прочтения лекций на более чем скромную аудиторию не отказалась. Представляете: полтора часа рабочего времени высококвалифицированного специалиста еженедельно — и все мне! Не говоря уже о том, что собеседником мой преподаватель был замечательным. Тако-

го подарка судьбы я не ждал, и радуюсь ему до сих пор. Хотя что-то мне подсказывает, что курс, на который никто не записывается, должен отсекается по всей логике развития системы образования.

В результате у нас получилась весьма приятная курсовая работа, а мой багаж знаний обогатился настолько, что хватило его еще на десяток работ. Конечно, это не моя заслуга, а заслуга человека, который согласился пойти навстречу студенту. Возможно, что так сильно меня не захватывал ни один спецкурс, хотя все их вели достойные люди, хорошо разбирающиеся в своем предмете. Но людей в аудитории было больше. Волей-неволей решишь, что содержимое лекций распределяется между студентами равномерно.

А может, дело в личностном факторе? В таком случае любая индивидуальная беседа с преподавателем способна заменить, по крайней мере, хороший семинар. Думаю, что это понимают и сами лекторы, а потому охотно делятся знаниями на перерывах в коридоре, и на консультациях. Именно в процессе этого индивидуального общения и возникает «штучный товар», другие обстоятельства имеют здесь меньший вес.

Преподаватели часто говорят «даже если здесь останется один человек, я все равно буду читать лекцию». Чаще всего, так они просто хотят избавиться от тех, кто посещает лекции «ради галочки». Но скольким из них довелось выполнить свое обещание? И сколько из них действительно выполнили бы их? Мне хочется верить, что на нашем факультете за слова бы ответил каждый. И, к счастью, у меня есть все основания, чтобы не сомневаться в этом.

КОЕ-ЧТО О ТОМ САМОМ...

«Дима, это уже вообще не смешно нифига», — гласило сообщение, полученное мной в час ночи в день закрытия Олимпиады. Это и, правда, было не смешно: накануне я задолжал Веронике пару текстов для «Автографа»... Если быть совсем честным, то задолжал его я накануне Рождества, и уже даже получил за сданные тексты зачет. Кажется, я даже не отблагодарил ее толком за предоставленную отсрочку. И как она до сих пор меня не прибила в подворотне?

Наша история немного странная с самого начала. Кажется, ни я, ни Вероника никогда не стремились особенно расширять свой круг друзей и знакомых. Как известно, «старый друг

лучше новых двух», и все в том же духе. Но однажды, в начале второго курса (я уже и не помню, как так получилось), просто оказавшись за одной партой, мы начали общаться. Сначала о ерунде, потом уже как приятели. А потом непонятно с какого перепугу ломанулись за четыреста километров от родных городов в Серов — практиковаться в местной газете. И вот мы уже пьем квас, едим чипсы, и пытаемся выведать у местных, не моют ли в реке Какве трупы, а то поступил в редакцию тревожный звонок. Впрочем, это не единственная яркая картинка — чего стоила главная площадь поселка Энергетиков, в котором мы поселились: гопники, бабушки, коровы и дети мирно «паслись» напротив супермаркета «Кировский». М-да, это было непростым испытанием для нас обоих. Стоит ли говорить, что опыт, сделавший нас практически «братьями по оружию», сказался на дружбе благотворно?

Хотя вряд ли я выглядел особенно благодарным. Я это понимал и раньше, но думал, что долги будут розданы ко времени. Между тем, часовая стрелка на электронном циферблате приблизилась к двум, а минутная обогнала ее уже на пять делений. Я из тех, кто в принципе склонен злоупотреблять оказанным доверием.

Учеба не была бы и вполнину столь увлекательной без друзей на факультете. И на нашем курсе довольно людей, милых моему сердцу. Но дружба с Вероникой стала, должно быть, одним из самых загадочных и вместе с тем простых явлений. Потому что люди, держащие свой внутренний мир при себе, сходятся редко: как им найти общие интересы? Тем не менее, за те четыре года, что связывала нас учеба в университете, было много чего — сдача газет, обсуждение проектов, свет которым увидеть не суждено, десятки «пар», пропущенных мимо ушей и пройденных мимо университета. И всегда рядом был внимательный и понимающий слушатель, интересный собеседник и надежный напарник — в одном лице. И хотя я нередко «почти подводил» моего компаньона, ничего не заканчивалось. Я думал, что еще сочтемся. Наверное, в этом и есть один из аспектов дружбы — делать что-то вопреки рациональной логике. Если я буду вспоминать университет через десять лет, эти воспоминания будут определенно ярче десятка курсов по журналистике.

На моем окне нет штор, и скоро рассветный луч начнет резать мою комнату от правого

дальнего угла и по диагонали. Текст в «Автограф» не сдан все так же, как был не сдан последние три месяца. Нет, это не упрямство, и разве что совсем немного лени — немисливо пытаться уместить в одну страницу целого человека. Наверное, попытки придется оставить, чтобы Иван Васильевич не отругал нас обоих, а ты не применила в действии сучковатую палку, заготовленную для таких же, как я, должников. Хочется только сказать спасибо за то, что все это время у меня было на кого рассчитывать. Эту благодарность не высекут на камне, но среди пожелтевших страниц архива журфака за 14-ый год она найдет свое место. Хотя я все еще надеюсь, что история не закончится со сдачей диплома. Еще сочтемся.

НЕАКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

«Журфак морально устарел». Эту фразу вы услышите от каждого практикующего журналиста и от каждого третьего студента, находящегося в процессе обучения. На эту тему регулярно проводятся «круглые столы», публикуются материалы, выходят огромные сборники, типа, «Проблемы журналистского образования», и во всех из них можно встретить одну набившую оскомину мысль — об ущербности профессионального журналистского образования. Аргументы на этот счет всегда одинаковы (необходимо больше практики, выпускники приходят на работу и их нужно переучивать), и, в общем-то, не согласиться с ними, бывает, сложно. Они просты и логичны. Именно наслушавшись подобных пассажей, многие и покидают факультет.

Парадокс ситуации в том, что обычно участники этих «круглых столов» — выпускники факультетов журналистики. Авторы монографий — тоже. И журналисты (вот уж новость!) в свое время также заканчивали этот факультет. Неужели все эти люди настолько оскорблены «нанесенным» им образованием, что готовы пнуть его при каждом удобном случае? Или это вечное брюзжание — начало интеллектуального старения, после которого будет только «вот я в свои годы»? Не нужно этого. Знаем мы, что именно делали вы в свои годы, мы в свои годы, и многие поколения в разные века.

Мне думается, что проблема здесь в другом. Это правда, что студентов факультета каждое СМИ переучивает по-своему, но правда и в том, что практикующий журналист, меняющий место работы, вынужден переучиваться заново.

во. И едва ли не каждый день приходится чему-то переучиваться из-за стремительно меняющейся современности. В таком случае мы просто должны сложить руки и продать четвертый этаж каким-нибудь историкам — у этих-то взаимоотношения предмета с настоящим налажены прочно. Ведь научить кого-либо «современности» невозможно.

Все, что актуально сегодня, завтра можно отодвинуть на четвертый план, а потому учеба на факультете «журналистики» — пять лет жизни, потраченные впустую. Все эти мысли наводят тоску, но я предложил бы смотреть на это иначе.

Мы не должны учиться современности. Если журналистика и, правда, «зеркало современности», то мы учимся «зеркальному» эффекту. Хорошие зеркала прекрасно отражали реальность сотни лет назад, и замечательно справляются с этой задачей теперь. Секрет качественного отражения реальности был раскрыт еще самыми первыми мастерами печатного и устного слова и с этих позиций процесс мало изменился. Факультет учит этим основам, но главное даже не это — он открывает множество перспектив в профессии журналиста, недоступные тем, кто перекочевал в нее с других факультетов или специальностей. Все, чему вас научат на любом факультете, в угоду реальной практике можно забыть. Но именно «дух», который возникает в процессе обучения из общения с будущими коллегами и который стараются передать преподаватели, в конечном итоге имеет гораздо большее значение, нежели все курсы вместе взятые (за исключением, разве что, русского языка). Люди, далекие от реальных дел, могут не понимать этого, поэтому разговоры о проблемах в журналистском образовании будут подниматься следующие 5, 10, 20 лет и далее. Не слушайте их. Это уже давно неактуально.

Комарова Алена

ЕЩЕ ТИШИНА

Сергей Пургин, заходил сегодня в 2:27. Черно-белая фотография на аватаре. «Ecce deus fortior me, qui veniens dominabitur mihi», — гласит статус. «Вот пришел Бог сильнее меня, дабы повелевать мною», — это цитата из «Новой жизни» Данте Алигьери.

Я еще не видела более интеллигентного профиля «В контакте». Стена заполнена живописью, видео балетных постановок, стихами, цитатами на французском, немецком, греческом, латыни — каждый день появляется по несколько обновлений. Недавно Сергей Петрович запостил два абзаца французского текста без перевода и сам его откомментировал: «Вот и все! Добавить нечего».

Худой, как подросток: острые плечи, тонкие руки — кажется, будто он просто забывает есть. Под глазами отметины, словно и спать он тоже забывает. Сергей Петрович говорит негромко: в такую речь нужно вникать, ни на что не отвлекаясь. Прохаживаясь туда-сюда вдоль доски, он рассуждает вслух: о мире как воле и представлении, о дионисийском и аполлоническом началах, буддийской йоге. Нет, это не тот случай, когда преподаватель не замечает аудиторию. Он обращается к нам, задает вопросы — но, скорее, риторические, смотрит не в отдельные лица, а будто на всех сразу.

Такие люди кажутся исчезающим видом рафинированного интеллигента: сдержанные и скромные, начитанные еще бумажными книгами, сердечно преданные науке и искусству и как будто очень хрупкие. На одной из пар Сергей Петрович резко замолчал, сел и едва слышно произнес: «Либо вы уходите их аудитории, либо я». Стояла гудящая тишина —

сначала никто не сообразил, кого имел в виду преподаватель. В том числе и девушка, имевшая неосторожность то ли шепнуть что-то подруге, то ли притронуться к телефону — именно ей была адресована реплика. Через минуту Сергей Петрович вышел. Это было не столько упрямством, сколько искренней, почти детской обидой на невнимание. Такое, должно быть, чувствует человек, когда говорит другу о сокровенном, а тот не слушает.

Сергей Петрович описывает содержание философских трудов, как рассказывают о своей жизни. В его речи суждения мыслителей XX века переплетаются с тезисами Аристотеля, Канта, Гегеля, строчками из стихотворений, фабулами классических романов — будто все это то, что случилось лично с ним. На лекции о Шопенгауэре звучали строчки Арсения Тарковского, говоря об известном «Gott ist tot», Сергей Петрович вспоминал Ивана Карамазова. Все связано, все — грани одного мира. Философия Ницше, поэзия Гельдерлина, музыка Вагнера.

Мне сложно представить Сергея Петровича в торговом центре, популярном кафе, метро. Слишком агрессивная среда, слишком много шума. Чтобы отчетливо звучала мысль, чтобы стала очевидна ее красота, таким людям нужна тишина — и они носят ее с собой. И эту тишину, которую хочется оберегать, как что-то уязвимое, ценное и очень редкое.

ОТКРЫТЫЙ ВОПРОС

Мы давно не общались по-человечески. Последний раз я видела ее на факультете пару дней назад: она не пошла на лекции, кажется, сдала какую-то работу и побежала дальше по своим делам. Белая кофта, пружинистая походка. Кто этот человек?

Мы вместе ездили в экспедицию, ставили танцы, ходили на концерты, гуляли по улицам и крышам, ночевали на крыше, ночевали друг у друга, читали друг другу стихи, зарисовки, говорили. Наверное, я знаю Ксюшу ближе, чем многие. Но для меня в ней всегда было что-то необъяснимое, не поддающееся формулировке.

Даже в лице. Только что я провела небольшой соцопрос на тему «Есть ли у Ксении Родионовой монголоидные черты лица?». Все дали разные ответы. Одни сказали, что есть, другие — что нет ничего подобного. Упоминали про скандинавскую и восточную внешность. За пять минут несколько человек сравнили ее со шведкой, удмурткой и мордвинкой.

Не знаю, в чем именно выражено противоречие, но для меня в Ксюшином лице оно всегда было. Чтобы не ошибиться, описываю по фотографии: высокие скулы, слегка пухлые щеки, удлинённый разрез глаз. Светлые волосы, летом и вовсе пепельные. В этом кадре она положила подбородок на скрещенные руки, и смотрит в объектив спокойно и упрямо.

Я часто вижу у нее подобное выражение лица. Только обычно она еще улыбается и слегка опускает лицо, глядит почти исподлобья — тогда Ксюша напоминает мне ребенка, который задумал пакость. Но чаще она задумывает что-то другое. Например, недавно она подарила знакомой банку оливок, случайно узнав, что та их любит. Прошлой зимой просила меня записать на видео, как поет песню — получился клип-послание другу. Летом, когда мы были в экспедиции, в перерыве между раскопками повела меня танцевать в степь. Такие чудачества — большАя часть Ксюши, но не она вся.

Ксюша умеет неожиданно обнять так, что вырываешься из будничного круговорота мыслей. Умеет молчать и слушать. С ней можно вести долгие глубокие беседы, и можно вместе хохотать над какой-нибудь чужью. И, что бы ни происходило, рядом с ней время почему-то всегда проходит кинематографично. Идете ли вы вместе по ночной улице, сидите ли в палатке, на кухне, на краю крыши, дурачитесь ли или говорите серьезно — кажется, что все это эпизод фильма, непохожего ни на один другой.

Сейчас за рамками учебы мы встречаемся редко. Так сложилось, у каждого свои дела. В последнее время Ксюша много фотографирует, снимает видео, сидит с детьми — работает няней. Занимается йогой. Всегда чем-то увлечена: если не работой или творчеством, то фильмами, книгами, музыкой. Наверное, поэтому в ней всегда много содержания, которое проявляется не столько в словах, сколько во взгляде, пластике тела, в чем-то еще, что я не могу уловить — только чувствую, когда нахожусь рядом. Словно тепло внутренней непрекращающейся жизни, непохожей ни на чью другую.

Я спросила ее смс-кой, чем она занимается в последние месяц-два. «Пытаюсь учиться, отдавать социальные долги. И разбираюсь с тем, кто я есть». Может быть, это и есть самое ценное в ней — что не думает, будто разобралась. А значит, открыта новому в себе, способна удивляться и удивлять. И я думаю про себя: хоть бы не разобралась. Тогда чудеса не закончатся.

НИ РЫБА НИ МЯСО?

Недавно я болтала с одной выпускницей нашего факультета. Ее можно отнести к «касте разочарованных»: ребят, которые ходили на подготовительные курсы, горели мечтой стать журналистами, а во время учебы поняли, что их ожидания были далеки от реальности.

— Когда я поступала, я думала, что это творческий факультет...

— А я до сих пор так считаю.

Без дураков, я действительно так думаю. Но это сейчас, на пятом курсе. Едва ли не каждый из девяти семестров я подумывала отчисляться или уходить на заочку.

После первой практики — я проходила ее в «Независимой газете» — редактор отдела культуры сказал мне: «Противно работать с теми, у кого совсем холодный нос». Тогда меня это очень ранило и, пожалуй, определило отношение к учебе на ближайшие два-три года. Я мысленно развелась с журналистикой и решила, что писать не люблю и не умею. Не ушла с факультета благодаря родителям, страху и легкому предчувствию подвоха в собственной позиции.

Я кое-как сдавала зачеты и экзамены. Были предметы, которые меня вдохновляли: филология, культурология, литература с XIX века, что-то еще. На специальные дисциплины я чаще всего плевала. Письменные работы делала «на отстань», кое-как учила билеты, практику проходила для галочки. Типичная история.

Меня резко «повернуло» в момент, когда я читала эссе своего приятеля. Это был эмоциональный текст, написанный свободным, даже чуть расхлябанным языком. В нем было много спорного, но очень личного, искреннего — и поэтому читать было интересно. Тогда до меня «доехало»: лвиная доля требований, которые я стремилась соблюдать — у меня в голове.

Никому не нужны отчеты ради зачетов. Это тупая трата времени, и для преподавателя, и для тебя. Мой обидчик из «Независимой газеты» был прав: «Невозможно заниматься журналистикой с совершенной фригидностью к материалу».

Выбирай темы работ, которые интересны тебе, а не кому-то. Предлагай свои. Ищи в заданных то, что вызывает у тебя хоть какие-то эмоции — анализируй их, развивай свою мысль, свое мнение. Если задали реферат, в списке тем найди ту, которую можешь хоть как-то связать со своей жизнью. Если эссе — пиши, что дума-

ешь на самом деле, а не что «должен» думать. Приводи примеры из того, что видел, слышал, чувствовал сам. Я считаю, не существует проблем, которые бы тебя никоим образом не касались: мы живем в мире, где все связано, даже если связи неочевидны. А за любой научной теорией, книгой, статьей, историческим событием, whatever — живые люди, живая жизнь.

Повторюсь, не нужно отчитываться, не нужно заниматься тем, в чем нет смысла. Нет смысла в заданиях, которые тебе дают. Но ты можешь создать его своим отношением. Год назад всю зачетную неделю, пока я писала эссе и рефераты, мне казалось, что я влюблена. Я проживала репортажи, которые анализировала, писала, возможно, чересчур эмоционально — но это стало моим жизненным опытом и имело вес вне контекста учебы.

У каждого есть периоды, когда «не прет». Но прежде чем забирать документы и нести их в театральный, во ВГИК, на психфак, филфак или куда-то, нужно попробовать вникнуть в то, чем занимаешься. Перестать быть холодной вяленой рыбой — хотя бы попытаться. Можно превратить в увлекательный текст наискуднейшую, казалось бы, тему, а творческое задание загадить формальным подходом.

Умение заинтересовать себя — возможно, это главное, чему может научиться человек на журфаке.

Кондратьева Елена

Я С ВАМИ, БЛАГОДАРЯ...

Первым человеком, с которым я познакомилась на факультете, стала моя бывшая одногруппница Марина Усова. Я рассказывала ей о танцах и выступлениях, о дружбе и любви, о том, как здорово летать на парашюте и всегда находить приключения. А потом узнала, что у Марины нет друзей, да и любимого тоже нет. Что она никогда в жизни не целовалась, не любила и не любит выбираться из дома. Что ей нравится сидеть в одиночестве у компьютера и смотреть сериалы. Экстрима она боится, приключения ей не интересны.

В один прекрасный выходной мои знакомые пригласили меня в цирк, я позвала Марины тоже. На что последовал ответ: «Я не хожу по циркам с незнакомыми мужиками». И никакие аргументы, что это надежные люди и интересное представление, ее не устроили. Ладно, сходили в цирк без нее, было весело!

Я продолжала общаться с Мариной и узнала, что она сидит на диетах и постоянно худеет! Надо сказать, она итак весит меньше сорока килограмм, очень худая девочка! Как-то раз мы ехали в трамвае от одного корпуса УрГУ до другого. У нее совсем не было сил, и от голода ей стало плохо. Мы еле дотопали до УрГУ, дальше ее «спасали» и другие девочки. Позже мы узнали, что один день в неделю у Марины разгрузочный, и в этот день она совсем ничего не ест, только пьет воду... У Марины есть много достоинств, но чем больше мы общались, тем лучше стало выясняться, что у нас с ней нет общих интересов, и мы начали потихоньку отдаляться друг от друга...

После этого началось самое интересное! У меня появились друзья: девчонки, с которы-

ми очень хорошо общаемся по сей день. Я очень дорожу ими, они помогли мне остаться, когда я могла не выдержать и уйти с факультета. Первый раз такое случилось весной на первом курсе. На сцене во время танцевальной репетиции я получила серьезную травму позвоночника и сразу же попала в больницу. На носу была сессия, а я лежала там в ужасном состоянии. Честно, я не ожидала столько телефонных звонков от моих одногруппниц, сколько их поступило тогда, не ожидала такой поддержки. Я вернулась, когда почувствовала в себе хоть какие-то силы, радовалась всем встречам. Но с заданиями был настоящий аврал, и подруги помогли мне: давали свои лекции по всем предметам, все-все подробно объясняли, отвечали на мои вопросы в любое время суток. Мы украдкой от преподавателей вместе писали тесты и контрольные, к которым я по состоянию здоровья не успевала подготовиться. Эта сессия стала одной из лучших у меня, я получила по всем предметам «отлично»!

Второй раз я получила такую важную поддержку от них на четвертом курсе, когда родила дочку. У меня было все: и лекции, и точные формулировки заданий, и посещения в журнале тогда, когда на самом деле меня не было. Я думала, что не справлюсь, но все получилось как нельзя лучше.

Я очень люблю всех, с кем общаюсь, но самой близкой на журфаке для меня стала Татьяна Петрова. Очень многое мы с ней пережили за эти годы, столько всего обсудили, она доверила мне массу своих секретов...

Единственное, о чем я очень жалею, так это о том, что не сказала ей вовремя, что жду доченьку. Она узнала об этом вместе со всеми, когда я приехала осенью на учебу, и уже был виден живот. Мне кажется, тогда Таня обиделась на меня, стала меньше рассказывать о своей личной жизни. Но держалась она достойно, не задавала мне, как многие, сотню похожих вопросов: «Ты боишься рожать? Это же страшно!», «Какую дату тебе назначили?», «Ты уйдешь в “академ” или останешься с нами?», «Как ты будешь совмещать?» Нет, она общалась со мной точно так же, как раньше, будто во мне ничего не изменилось. За что я очень ей благодарна.

МОЕ ЛЮБИМОЕ ОБЩЕНИЕ

Я не так давно начала узнавать человека, о котором сейчас расскажу. На четвертом курсе я не могла присутствовать на большинстве ее

лекций, на пятом тоже была не на всех. Но совершенно точно могу сказать, что она замечательная, лучшая! Она — мой самый любимый преподаватель.

Итак, я расскажу о Елизавете Сергеевне Голоусовой.

Когда я в первый раз ее увидела, меня удивила ее манера общения со студентами: непосредственная, добрая и уважительная. Я хорошо помню лекцию, на которую пришла к ней впервые. Она объясняла нам какое-то коллективное задание, подходила к каждой группе. Мы сидели на возвышении, и она спокойно встала перед партой на колени так, как ей удобно, стала что-то уточнять.

С ней очень легко общаться, и мне очень нравится это делать. Мне близки ее мысли, советы, позиции по разным вопросам. А еще рядом с ней всегда уютно как в университете, так и за его пределами.

Недавно Елизавета Сергеевна пригласила меня в дискуссионный клуб на английском языке, я пришла туда вместо «пар» по психологии. У меня далеко не лучший английский язык, я с трудом формулирую на нем свои мысли, да и других не всегда понимаю. Но несмотря на это, я не почувствовала себя не в своей тарелке. Мне было интересно послушать других, наблюдать за эмоциями, услышать правильное произношение некоторых слов. К тому же после занятия можно было задать вопросы по английскому на родном языке, поговорить о чем-нибудь на русском.

У Елизаветы Сергеевны чудесный, запоминающийся голос, я уже говорила ей об этом. Раньше думала, что она с моей кафедры и в прошлом работала диджеем на радио. Оказывается, у нее, действительно, были такие мысли, но все сложилось иначе, о чем она не жалеет.

Мне не было скучно на ее «парах», напротив, я их ждала. Но кому-то было интереснее пообщаться между собой, чем послушать. На что Елизавета Сергеевна однажды сказала, что у нее нет такой харизмы как у Стровского, но на лекции не нужно разговаривать. А я считаю есть! Очаровательная харизма!

Если я когда-нибудь стану преподавателем (иногда появляются такие мысли), то, скорее всего, я буду держаться, как она.

СПЕШИ!

Уважаемый абитуриент! Студенческая жизнь пролетает быстро, как пять минут, и она чудесна, поверь мне! Поэтому постарайся получить от нее все самое лучшее, спеши! Успевай кроме учебы заниматься своими любимыми делами, творчески расти!

Любишь танцевать — танцуй, любишь петь — пой, нравится спорт — не бросай его! Я знаю людей, которые заикнулись на домашних заданиях и ничем кроме этого не занимались. Ели, спали, учились. Это же скучно!

Лично я учусь ничуть не хуже тех, кто живет таким образом. Но у меня была масса интересных приключений в этом городе, новых знакомств, выступлений с моей танцевальной группой, репетиций, постоянных походов в кино и на концерты и прочего-прочего! Первые годы я жила с замечательной девушкой Аней — моей подругой. Мы так любили общаться за чашечкой чая, что сидели на кухне по три-четыре часа, и при этом темы наших разговоров не заканчивались. Около часа или двух ночи я шла к себе в комнату и довольная садилась за уроки. Все это после насыщенного дня, двенадцати часов на ногах, длинных репетиций. Так что все, что ты хочешь успеть — успеешь, и обязательно найдешь время для дорогих твоему сердцу дел.

А еще я желаю тебе с пользой провести время на летней практике! Это замечательная возможность показать себя и сделать что-то, что пригодится тебе в будущем. Например, я очень увлеклась документальным кино, и с третьего курса летом я сама снимаю фильмы, в моем кармане уже две «документалки». Пригодится ли мне это в будущем? Конечно!

Если ты любишь телевидение и точно знаешь, что хочешь дальше работать на ТВ, то не теряй времени даром, ничего не бойся — иди сразу же после первого курса на телеканал, а не в редакцию газеты, как это делают некоторые телевизионщики. Учись работать перед камерой, брать интервью, думаю, тебе понравится! Лично я не теряла времени и очень довольна результатами. Успехов!

Кошкина Ольга

СЛОВО О ПРЕПОДАВАТЕЛЯХ

Говорят, жизнь каждого человека может стать сюжетом для целой книги или, по крайней мере, серьезного публицистического материала.

А если речь идет о преподавателях нашего факультета? Когда на пятом курсе вспоминаешь лекции и семинары, серьезные и курьезные случаи, зароненные в сердце мудрые фразы и собственные неуверенные вопросы в перерывах между парами, понимаешь: одного томика, пожалуй, оказалось бы мало. Особенно, если преподаватель, с которым как будто и видишься нечасто, и беседуешь-советуешься немного, все равно какой-то незримой нитью проходит через пять лет твоей учебы.

Рафаиль Лутфуллович Исхаков не был куратором моей практики или руководителем курсовой работы. Но зато он до сих пор остается той самой — незримой, но очень важной нитью.

Первый курс. Знаю, что экзамен я сдам легко, и все-таки накануне «часа икс» заучиваю ответы наизусть и по десять раз перечитываю их возле двери 438 аудитории. Не потому что боюсь не сдать — боюсь подвести саму себя и того, кто весь семестр читал этот курс, боюсь показаться некомпетентной.

Начинаю чеканить ответ, а Рафаиль Лутфуллович мягко останавливает: «Ольга Сергеевна, я вижу, что материалом курса Вы владеете прекрасно». И мое привычное, немного робкое «экзаменационное соло» тотчас превращается в дискуссию о том, как на практике совместить «изюм», этичность и объективность в материалах об освещении межнациональных отношений.

Третий курс. Этническая журналистика, запомнившаяся частыми встречами с незауряд-

ными гостями, а еще составлением генеалогических деревьев и чтением гумилевской «Этносферы».

Летняя сессия после третьего курса. Начало июня. Однокурсники сдают зачеты-экзамены, а я уже «отстрелялась»: сдала все досрочно и теперь готовлю презентацию сборника своих сказок в библиотеке Главы города. Накануне мероприятия заглядываю на кафедру печати по делам и встречаю Рафаила Лутфулловича.

— Придете?

— Приду.

И он действительно пришел на презентацию книги. Морально поддерживал и давал ценные советы перед началом непростого мероприятия, с восторгом делился впечатлениями после презентации. Словом, тогда мне казалось, что весь журфак «болеет» за меня, и этого было достаточно.

Борис Николаевич Лозовский и Владимир Федорович Олешко, после знакомства с которыми на январском Дне открытых дверей и укрепилась моя вера в том, что решение поступить на журфак было правильным.

Мария Федоровна Попова, от одного только взгляда на которую сразу становится солнечно на душе, и потому, уезжая на летнюю практику, я всегда старалась зажигать это солнце в своих материалах. Каждый раз радуешься, как ребенок, которого погладили по головке. Получалось ли? Не знаю — об этом пусть судят читатели моей районки и сама Мария Федоровна. Знаю только, что от этого света кажется: все коллизии в журналистике можно решить на раз-два, и что даже диплом — это, в общем-то, «пустяки, дело житейское».

Дмитрий Леонидович Стровский, благодаря которому я научилась «воду в ступке не толочь», забывать, что в словаре Ожегова есть слово «лень», и если говорить или писать — то только по делу.

Елизавета Сергеевна Голоусова, которая, во-первых, за два месяца занятий по курсу «Современные зарубежные СМИ» привила нам полезную привычку читать иностранные газеты с тем, чтобы видеть события в нашей стране в формате 3D. А во-вторых, накануне преддипломной практики «вооружила» подробнейшим знанием всех возможных социологических методов. Это, к слову, очень помогло, когда на самой практике в региональной газете стало ясно: тираж районки падает, потому что мы недостаточно хорошо знаем свою аудиторию.

СЛОВО ОБ ОДНОКУРСНИКАХ

Точнее, о творческих личностях. Настолько разных и по характеру, и по журналистскому стилю, что нарисовать весь коллектив несколькими штрихами не получится. Да и не надо.

Дима Комаров. Первый раз я его увидела перед творческим конкурсом: мы ждали собеседования в одной и той же аудитории. У меня тогда зуб на зуб от страха не попадал, а вот Дима преспокойно, без тени страха и неуверенности, рассказывал нам, будущим «коллегам по цеху», о Гуттенберге, мэре Чукотки и еще о тысяче интересных вещей. Идеальный студент журфака.

Мария Мелехина — моя самая идеальная соседка, с которой мы на первом курсе вместе переезжали (точнее, съезжались) из наших «четверок» в «двушку», вместе готовились к экзаменам и устраивали дни рождения — «в тесноте, да не в обиде».

Татьяна Петрова, Анастасия Крутикова и Ксения Звягина — идеальные редакторы. Когда в последнем семестре пришлось ответить на вопрос о том, кому поручить управление редакцией, я назвала именно эти фамилии. Выбрать из трех — было бы очень и очень сложно. Ответственность и целеустремленность, умение «красоту увидеть в некрасивом» и точно подмечать, казалось бы, ничего не значащие мелочи, любовь к философским размышлениям, тяга к аналитике и вместе с тем прекрасное чувство юмора. Чем не портрет идеального руководителя?

Все мы неидеальны, но сколько на нашем факультете тех, кто стремится к идеалу в чем-то своем и вполне успешно?

На первом курсе мы казались очень похожими. А сегодня? Разошлись, разлетелись по теле- и радиостудиям, по редакциям газет и кабинетам информагентств. Еще полгода — и кабинеты уже будут не просто в разных концах мегаполиса — в разных областях.

Каждый ли из журфаковцев навсегда свяжет жизнь с выбранной профессией, ведь кратковременные разочарования и мысли о том, что «Журналистика — это не мое» бывали у многих? Время покажет. Уверена лишь в одном: воспоминания о таком ярком, разношерстном и таком идеальном факультете останутся у всех.

СЛОВО О ЖУРФАКЕ

Сотни книг, кочевавшие из университетской библиотеки в комнату общежития и обратно... Тысячи встреч и разговоров, важных

и не очень. Потерянный на первом курсе диктофон и знакомство с «Вечеркой», с лихвой компенсировавшее пропажу. Публицистика для «Уральского следопыта» и телеобзоры для «Уральского рабочего», которые я отправляла в Екатеринбург из другой области, находясь на практике в районке.

Пять лет пронеслись как один день: кажется, что лето перед первым курсом — время совершенно доисторическое, и совсем не верится, что я могла не попасть на журфак. А ведь могла же...

С сочинением на творческом конкурсе проблем не было — я писала текст о знакомом журналисте, проработавшем в районной газете тридцать с лишним лет, и справилась с заданием часа за полтора.

А вот на собеседовании я «то краснела, то бледнела», особенно когда члены комиссии полистали мое портфолио и подняли на меня глаза:

— Почему Вы, собственно, решили поступать на факультет журналистики, а не на филфак или, скажем, в литературный институт?

— Я хочу, чтобы литература была моим хобби, — ответила я робко. — Потому что желаю связать жизнь с журналистикой и писать... (тут, вспомнив, что произнести слово «статьи» на поступлении — значит подписать себе смертный приговор, я споткнулась). Создавать такие материалы, чтобы они «цепляли» людей и заставляли думать.

— Ну хорошо, — экзаменаторы улыбнулись и обезоружили меня другим вопросом. — Опишите-ка в двух словах экономические отношения России и Китая.

— Транзитные грузоперевозки, — выпалила я и опешила. А потом...потом было томительное ожидание списков поступивших и счастливая тринадцатая строчка в рейтинге: я прошла на бюджет...

Каких-то пять лет назад... А помните, как говорил Сергей Довлатов? «В журналистике каждому разрешается делать что-то одно». Вот только чтобы понять, кем именно ты хочешь видеть себя в журналистике, надо еще на профессиональном старте попробовать себя в подготовке разножанровых материалов с разной тематической направленностью. За годы студенчества я успела побывать в шкуре репортера, аналитика и даже телеведущего. До тех пор, пока не поняла: еще со школьной скамьи мне хотелось заниматься художественной публицистикой — самостоятельно осмыслять

характеры и явления посредством художественных образов и помогать в этом читателю...

Если не лениться, то полезных теоретических знаний о том, как отточить технику создания художественных образов, за время студенчества можно накопить вагон и маленькую тележку. На спецкурсах и спецсеминарах с публицистическим уклоном вы и творчество «классиков жанра» во всех подробностях обсудите, и в технике работы современного журналиста разберетесь.

Чего не хватает — «доберете» на месте: чтобы с таким увесистым багажом путешествовать налегке, теорию обязательно надо подкреплять собственными практическими приемами. А их-то как раз и не хватает публицистам, только начинающим осваивать азы профессии. Перед ними стоит задача сложнее, чем просто «работать по свистку», ежедневно добывать и обрабатывать сведения. Творческая мастерская художника — это вам не кузница журналиста-информационщика. Здесь нет четких правил, когда и каким инструментарием пользоваться. И нет пошаговых инструкций, как отобрать информацию, выстроить текст и, главное, как вписать в этот самый текст самобытный художественный образ. Есть только рекомендации, а на вопрос о том, нужно ли применять те или иные советы и в каких пропорциях, вы уже отвечаете сами.

Крутикова Анастасия

ТВОРЧЕСКИЕ ДУШИ

Иногда мне кажется, что наш факультет называется не журфак, а факультет разносторонних, творческих личностей. У моих друзей есть огромное, если не сказать бесконечное, количество энергии, которое позволяет им заниматься еще чем-то помимо учебы.

Хотя мы и учимся вместе уже пятый год с Олей, но дружить мы стали курсе на третьем. Даже не помню точно, с чего началась эта дружба. Вообще с запоминанием дат и имен у меня всегда были проблемы. Надеюсь, вы простите мне отсутствие лирического вступления, и я продолжу. Ко всем учебным заданиям Оля относится очень исполнительно и потому не удивительно, что почти все ее сессии сданы на «отлично». Но кроме успехов в учебе она может похвастаться победами на литературном поприще. Помню, как проходила первая презентация ее книги, где присутствовали и преподаватели с нашего факультета. Она нервничала, но смогла собрать всю волю в кулак и провести мероприятие с гордо поднятой головой. Я уверена, что в будущем она опубликует не один сборник стихов, рассказов, и будет писать в более крупных литературных жанрах. Почему-то, представляя ее лет через десять, я вижу ее в тихой семейной гавани: Оля готовит большой вкусный ужин для всей семьи и делает все возможное для создания в доме уюта. Ведь кроме мастерства словесного Оля еще и рукодельница. Картины, вышитые крестиком, прямое тому доказательство.

Еще у меня есть странный друг, которого именую мечтателем — это Артур. Он может найти общий язык с любым человеком, почти постоянно шутит, при этом очень забывчив,

кроме того прогуливает иногда «пары» и к своим собственным проблемам относится не всегда со вниманием. Кто-то назвал бы такого человека «пофигистом», что не является правдой. Артур чистой воды мечтатель: сегодня он — писатель, завтра — чемпион киберспорта, а в будущем — хороший журналист. А кроме вышеперечисленных ролей можно назвать еще одну — спортсмен, любящий музыку. Какая же картина получится из этой палитры красок на самом деле? Это мы еще посмотрим. Вообще это странный товарищ (в хорошем смысле слова). Если хотите узнать почему, тогда вам придется с ним познакомиться лично.

Как говорится, Бог любит троицу. Саша — новый вид человека разумного: человек мега-активный и везде успевающий. Иногда кажется, что он — Карлсон XXI века, только вот кнопки и пропеллера не хватает. Он учится, параллельно работает в нескольких организациях сразу, разбирается в велосипедах, собирает оригами и даже в перерывах плотного графика ходит в кино! Теперь я просто уверена, что где-то у него и кнопка спрятана, и пропеллер.

Даже если в будущем Саша пойдет не по профессии (где из него получится смекалистый журналист), то из него выйдет хороший преподаватель. А такие качества, как постоянный позитивный настрой, организованность, маневренность в общении с разными людьми помогут ему добиться успеха. В любом случае со способностями, присущими Карлсонам XXI века, он прорвется в любом направлении.

На самом деле я рада, что учусь на журфаке и общаюсь с разносторонними людьми. Приведенные выше небольшие зарисовки о моих друзьях — это лишь маленькие иллюстрации, доказывающие, что журфак — это факультет творческих личностей. Если вы только поступили на журфак, то убедитесь в этом очень скоро.

И Я ТАМ БЫЛ, И ГРЫЗ ГРАНИТ ...

Ходят слухи, что поступить на журфак сложнее, чем учиться на этом факультете. И это, действительно... не так! Есть у нас предметы, на которых чувствуешь себя паровозом, поскольку начинаешь так пыхтеть, что дым валит из ушей.

Считается, что первая сессия — одна из самых сложных. Ее можно назвать главным испытанием первокурсника на силу воли, терпение, а также на смекалку.

Самым тяжелым для меня был первый экзамен — история России. На протяжении первого семестра мы писали проверочные работы на знание дат и имен, а также у нас проходили семинары. Каково же было удивление преподавателя (А. В. Антошина), когда почти все сидящие в аудитории (а это 25 человек) подняли руки, готовые к ответу. С этого момента началась «холодная война» за ответы. И так в нашей группе продолжалось на семинарах и по литературе, и по философии. В первую сессию у меня не было ни одного «автомата», поэтому приходилось учиться с утра до вечера. Именно потому без «автоматов» я сессии больше не сдавала.

Самый полезный предмет, как мне кажется, нам преподавала Э. В. Булатова — русский язык и стилистика. Именно здесь на протяжении нескольких лет нас учили формулировать мысль грамотно, выстраивать тексты в соответствии со всеми законами логики, а также находить ошибки в текстах разных жанров. Постоянные проверочные, самостоятельные, контрольные, дифзачеты и творческие работы не позволяли нам расслабиться. За что огромное Вам спасибо, Элина Валерьевна.

Самый же оригинальный подход к студентам нашел Д. Л. Стровский, когда преподавал нам историю журналистики советского периода на четвертом курсе. Когда мы были юными (курсе на втором) наши старшие товарищи рассказывали о песенных занятиях под фортепианный аккомпанемент в исполнении Дмитрия Леонидовича. Также от старшекурсников мы слышали страшное предсказание: все предыдущие сессии по сравнению с предстоящей сдачей Д. Л. Стровскому — просто «пшик», судьба готовила вас для этого самого главного студенческого испытания! И они оказались во всем правы. Сдать экзамен было не так просто: прочитать учебник и выучить его назубок, написать три теста на необходимый балл для допуска к экзамену, прочесть уйму литературы, законспектировать ее (а также постараться запомнить содержание конспекта), к тому же еще и реферат написать. Почти две недели я пыталась осилить весь заданный материал к самому экзамену, чем, кстати, занимались и все мои одноклассники. В конце нас ждало главное испытание — беседа с мастером, которая оказалась не такой страшной, как ее «малевали».

Перечислять предметы, где стоило попотеть, можно долго. Хотелось бы в заключение сказать «СПАСИБО» всем нашим преподава-

телям и поблагодарить педагогов, на занятиях которых мы не только узнавали что-то новое, практиковались, но и раскрывали себя.

СТУДЕНТ ОБЫКНОВЕННЫЙ. ПОДВИД – УРАЛЬСКИЙ

Чтобы абитуриенты знали, что их ждет впереди, мы публикуем эту статью с тонким намеком на ее научную составляющую.

Homosapience. Человек разумный. Вид — студент обыкновенный. Подвид — Уральский.

Студент — человекообразное существо, постоянно пребывающее в сонном и/или голодном состоянии, питается подножным кормом. Во время зимней или летней сессии может быть агрессивен. Безобиден в постсессионный период. Ареал обитания этих человекообразных очень широк. Чаще всего большие скопления студентов встречаются в специальном заведении — вузе, после окончания которого им выдается документ о переходе на следующий этап развития.

Каждый год старшие студенты проводят обряд посвящения для юных сородичей, только что вступивших в стаю. В середине осени молодняк Студентов Обыкновенных Уральских выводят на улицу, где их выстраивают в длинную колонну, и с криками и песнями ведут по самой длинной улице города. Этот обряд необходим по нескольким причинам.

Во-первых, это демонстрация силы. Такое шествие позволяет запугать Студентов Обыкновенных из других вузов.

Во-вторых, радостный дух студенческой жизни объединяет всех новичков между собой и дает им возможность лучше познакомиться друг с другом. После этого мероприятия каждый поступивший может с гордостью называть себя студентом.

И тут начинается самое интересное — процесс обучения. Ученые выделяют несколько возможных поведенческих особенностей студентов до сессии.

Студентус-лоботрясус — юные особи этого типа обычно ленятся на протяжении всего семестра и позитивнее всех остальных типов студентов относятся к жизни.

Далее выделяют студентуса-ботаникуса — такие ребята капитально готовятся и частенько паникуют, хотя выполняют все задания вовремя.

Третий тип — студентус-отчислянтус — таких намного меньше, но все-таки они встречаются (комментарии излишни).

Если на первых курсах большая часть студентов ходит на «пары» (специальные занятия, созданные как прикрытия для проведения над студентами тайных психологических экспериментов), то уже после второго курса у Студента Обыкновенного появляются такие качества как лень и хитрость. Сочетание этих качеств дает суперсилу, позволяющую Студенту Обыкновенному Ленивому и Хитрому пропускать занятия, успевая при этом делать все задания.

Однако мы забыли упомянуть Абитуриента Обыкновенного — Школьникуса Дипломированного, отпущенного на следующий этап «мозгоразвития». Абитуриенты в самом начале похожи на малюсеньких гусениц, которые за пять лет превращаются в куколку.

Если вам кажется, что пять лет, проведенные в куколке — это очень долго, то вы заблуждаетесь. Хотите проверить на себе? Тогда звание Студент Обыкновенный Уральский ждет вас. А вот кем вы, абитуриенты, станете в конце — распустите ли крылья в качестве прекрасной образованной бабочки или же выползете толстой ленивой волосатой гусеницей — зависит от вас самих. Дерзайте!

Мелехина Мария

НАСТОЯЩИЙ ТРУДОГОЛИК

Наша дружба с Олей Кошкиной началась на первом курсе. Мы жили в общежитии, и она сетовала на своих соседок по комнате, которые учились уже на старших курсах, и их жизнь начиналась ночью. Они бродили по комнате, громко пели, играли на фортепиано. Естественно, эти посиделки доставляли дискомфорт Оле. Она несколько раз ночевала у меня, а потом по счастливой случайности узнала от коменданта о свободной двухместной комнате. Спустя несколько дней мы туда благополучно переселились. С этого момента началась тихая и спокойная студенческая жизнь.

Всю первую неделю Оля поражала меня усидчивостью. Она каждый день училась: писала конспекты, что-то читала, могла за вечер осилить целый том «Заката Европы» Шпенглера. Ее начитанность и эрудиция и сейчас меня удивляют. Но каково же было мое удивление, когда она встала по будильнику в 8 часов утра в воскресенье! Так рано проснулась, чтобы сделать какое-то задание. И так каждые выходные. Оля почти все свободное от учебы время отдавала какой-то важной для нее работе: то стихи сочиняет, то едет на интервью по заданию редакции, то пишет материал в газету.

Однако в этой спешке Ольга никогда не забывала о своих близких. Она часто ездила домой, хотя путь занимает много времени — около пяти часов. Я думаю, для нее самое главное в жизни — это семья. Помню, как Оля старательно выбирала подарки для своей сестры. То игрушки в японском магазине купит, то пончики из «Ашана» привезет. Она, кажется, часами может разговаривать по телефону с родителями. Для нее очень важна поддержка семьи.

Что еще поражает меня в подруге, так это ее невозмутимость. Мне хорошо запомнилось, как мы готовились праздновать ее совершеннолетие. Утром пошли в магазин за покупками. По такому случаю решили взять бутылку шампанского. На кассе Олю попросили предъявить паспорт. Ее это нисколько не смутило. Подруга гордо протянула удостоверение личности. Кассир, увидев дату рождения, начала ворчать, мол, только что исполнилось 18 лет, а она сразу побежала покупать спиртное. Оля в ответ лишь улыбнулась и рассчиталась за продукты. На обратном пути я все возмущалась, что Олю обидели, да еще в такой праздник: «Что, человеку нельзя побаловаться бокалом шампанского в день своего рождения?» А Оля не придала разговору с продавщицей никакого значения. Уверена, она уже давно забыла про этот случай.

НЕ ТАК СТРАШЕН ЧЕРТ...

С этим преподавателем мы познакомились во втором семестре. Старшекурсники пугали нас, что она — настоящий тиран, рассказывали жуткие истории, нагнетая на нас ужас и страх, так что еще до очного знакомства в моей голове сложился определенный образ...

Любовь Анатольевна Третьякова преподавала у нас информационные жанры СМИ. В конце каждого занятия мы получали творческое задание: написать текст в том жанре, который изучали на лекции. На следующей паре Любовь Анатольевна разбирала наши творения. Большая часть работ ее не устраивали. Мы боялись замечаний этой строгой женщины, ведь она называла фамилии, обращалась к каждому студенту и смеялась над ним. Нам казалось, что в ее глазах мы никчемные и ничего не умеющие люди. Если она не назвала твою фамилию — это уже «плюс». Бывало, конечно, что ей нравились работы некоторых студентов, она зачитывала их с гордостью, но на следующей паре могла пристыдить этого же человека. За работу она ставила оценки по пятибалльной шкале. Низшей и самой позорной отметкой была «бред».

Помнится случай, как Любовь Анатольевна отправила всех студентов на улицу: нужно было обойти оперный театр, присмотреться к окружающим и написать репортаж. Мы вместе с Олей Кошкиной прослушали задание и решили выполнить его после всех «пар», таким образом, остались сидеть в аудитории. Но не тут-то было! Нас увидела Любовь Анатольевна. Назвала заблудшими овцами и немедленно от-

правила на задание. После этого были и другие задания «в полях». Особенно запомнился эксперимент: мы выясняли, как лучше всего в часпик добраться на общественном транспорте от корпуса на проспекте Ленина до УПИ и наоборот.

«Не так страшен черт, как его малюют», — гласит известная пословица. И Любовь Анатольевна Третьякова не так строга, как мы думали поначалу. Да, в какой-то мере она была строга, однако, у меня остались только положительные эмоции, связанные с этим преподавателем. И сейчас я с улыбкой вспоминаю то прекрасное время.

С НАМИ НЕ СОСКУЧИШЬСЯ!

*Если вы решили, что у вас получится,
то у вас получится. Если вы решили, что у вас
не получится, то у вас не получится.*

Генри Форд

Дорогой абитуриент! Ты решил, что журналистика — это твое призвание? Тогда смело поступай на этот «оранжевый» факультет. Здесь тебя ждут много интересных и творческих людей, ты получишь много новой и полезной информации.

В сентябре на первом курсе обязательно съездишь в «колхоз» на уборку картофеля — так ты сразу «убьешь двух зайцев»: поближе узнаешь своих однокурсников и сделаешь благое дело. Журфак — это тот факультет, где, действительно, не скучно: студенты пишут материалы в газеты, выпускают свои сюжеты на учебном радио и телевидении. На первом и втором курсах вместе со своей группой самостоятельно создашь учебную газету «Журналист», где проявишь свои профессиональные навыки. Кроме того, в рамках учебных занятий ты узнаешь, как верстать газету, как монтировать сюжеты (и радиийные, и телевизионные), сможешь сам научиться снимать на профессиональной камере. Для того, чтобы ты стал хорошим журналистом, тебя научат логично выстраивать свою мысль, а также поработают над твоей речью. Дискуссии, дебаты, самопрезентации — это все необходимо для твоей будущей профессии. А еще после каждого курса ты будешь проходить производственную практику. Если хорошо зарекомендуешь себя, то у тебя появится шанс остаться работать в этой редакции. Поверь, что много ребят с журфака работают в газетах, на радиостанциях, телеканалах, и при этом успевают учиться. Возможно, тебя ждет такая же судьба.

Помимо учебных дел ты увидишь жизнь студентов в общежитии. Наверное, ты думаешь, что студенчество — это сплошные вечеринки и праздники. Нет, это не так. Это просто период в жизни, который учит самостоятельности и дисциплине. Несомненно, жизнь в общежитии впечатлит тебя.

Если ты все-таки решил, что не можешь жить без журналистики, то добро пожаловать на наш корабль! Однако, тебе стоит немного напрячься: сдать ЕГЭ на высокий балл и успешно пройти творческий конкурс. До встречи!

Манина Дарья

МОЙ ДРУГ — НЕДУРАК

На факультете у меня появилась целая компания. Даже две. И очень тяжело выделить кого-то одного. Но я постараюсь.

Одна компания — мои «сестры». С одной вместе смотрим ночные трансляции рок-концертов, делаем стрит-арт проекты до четырех часов утра. С другой мы обсуждаем любимые сериалы, слушаем музыку, спорим, кто из актеров-геев круче, и далее по списку, что называется. А еще у нас обеих мамы — детские психологи. Случай в их практике — постоянная тема для разговоров. Мы называем себя сестрами, потому что смотрим на жизнь одинаково, наши вкусы в еде и одежде полностью совпадают.

Другая компания — подруги. С ними мы часто обсуждаем учебные дела. Но не забываем и о развлечениях. У нас даже есть своя песня. Это «Мой друг — дурак» группы SHRI-Ланка. Да, самоиронии нам не занимать. Кто мои подруги? — спросите вы. Это строптивая брюнетка, хохотушка с внешностью модели и еще одна девушка. О ней я расскажу подробно. Мы познакомились еще на подготовительных курсах. Тогда я сама с собой спорила, кто из нас самый толковый и будет учиться на «бюджете». Когда познакомилась с ней, то сразу подумала, что эта барышня будет работать где-то в деловой прессе. Она показалась мне до жути серьезной, немного стервозной и готовой, в случае чего, пойти по головам ради карьеры.

К моему удивлению, на «бюджет» она не поступила. Ближе мы стали общаться уже во время учебы. Карьеристка оказалась веселой девушкой с хорошим вкусом. И, кроме всего прочего, отзывчивой. Правда, прийти на по-

мощь она готова не всем, только самым близким. В этом мы схожи. Друзей любим до потери пульса и готовы ради них «в лепешку расшибиться». А все, кто за пределами этого круга, — как минимум идиоты.

Недавно, уже на пятом курсе, по дороге домой мы вдруг поняли, что почти одновременно похорошели. На 1 курсе у нас были «мордени» по циркулю, одежда на 2-3 размера больше, чудаковатые мысли в голове и странное отношение к жизни. Теперь мы похудевшие, стильно одетые, с нормальной работой и вполне сложившимся отношением к обществу и миру в целом.

Но еще осенью мы не могли ездить домой на одном автобусе. Все потому, что ездили мы в разные города. Я была весьма опечалена, когда узнала, что она остается жить и работать в Санкт-Петербурге. Причем это было случайно. Я была «на целине» со стройотрядом. Зашла вечером в ВК. Вижу пост у нее: «Приехала ненадолго. Кто хочет встретиться — звоните на “екебешный” номер». На вопрос, почему так рано едет с практики, я получила простой ответ: «За пуховиком». Тогда мне стало как-то особенно грустно и пусто. Я была очень рада за нее, но подумала: «А как же мы тут без нее?».

Однако прошло почти полгода, и она вернулась. Тогда мне было и радостно, что она вернулась, и обидно было за нее — уехала из такого потрясающего города, работу там оставила, не выдержав наплевательского отношения начальника к журналистской этике. Я могу еще очень долго описывать нашу Третью. Но просто скажу, что честнее, добрее и справедливее Александры Прытковой не найти.

ТОТ, У КОГО ЕСТЬ ПИЦЦА, ПИВО И ПЛАКАТ С ГОМЕРОМ СИМПСОНОМ

Сегодня холодно. Деревья в снегу, от машин валит пар. Воздух голубоватый и звенящий. Сажу на подоконнике и смотрю в окно. На фоне играет песня Forever Young группы Youth Group, знаешь ее? Если нет — обязательно послушай. В такие минуты меня начинают мучить флешбеки.

Вспоминается первый курс, лето, учеба, друзья, праздники, преподаватели и еще тонна всего. В этот раз мне вспомнился преподаватель с первого курса. Жаль, что он ушел из университета.

Когда первый раз его увидела, подумала: «мое! как я к нему на “Вы” буду обращаться!? Он же не старше моего брата!». Передо мной

стоял молодой человек, которому на вид было лет 25, в джинсах, кедах, футболке с принтом и пиджаке. По его одежде я поняла, что человек слушает что-то вроде индии-рока или поп-панка. Тогда я подумала: «Ну, что, выглядит интересно. Посмотрим, что скажет».

Обратила внимание на приятный, не низкий, не высокий голос, и интересную манеру говорить. Он не понижал интонацию в конце предложения и немного заглядывал окончания. Говорил немного спешно, как бы между делом. К тому же как-то интересно подергивал рукой, когда что-то объяснял. Это выглядело так, будто итальянцу привязали руки к корпусу на ленточку в 15 см. Он хочет размахивать конечностями, но не может.

Позже я отыскала нашего преподавателя «ВКонтакте». Я почти не ошиблась в возрасте — ему было 26 лет, в плейлисте — русский рок, инди и несколько интересных миксов. Посмотрев фото с его дня рождения, убедилась, что он не далеко от нас ушел. Пицца, пиво, игра «Guitar Hero», постер Гомера Симпсона со свиной на руках и песни под гитару — вот что я увидела на этих снимках. Еще неокрепший мозг первокурсницы сломался: с одной стороны это преподаватель, который будет принимать экзамен, а с другой какой-то родной по «шизе» человек.

Уже на экзамене я поняла, что не могу представить этого человека кричащим на кого-то. Помнится, я тогда работу оформила совсем неправильно. Думала, что сейчас он меня пошлет домой. Но нет, единственное, что сказал: «Дарья, ты меня расстроила!» А после того, как мы разобрали ошибки, он начал хлопать в ладоши, будто открывает-закрывает книжку. «Ну, где эта?» — последовал вопрос. Как оказалось, он имел в виду зачетку. И тут я поняла, что оставила ее дома. Но даже тогда он не рассердился на меня. «Ну, ты вообще даешь!»

А я все сижу на подоконнике и смотрю на заснеженный город. На душе стало тепло и светло. От воспоминаний о хорошем человеке всегда так.

P.S. Он ушел из университета, но я до сих пор могу ему позвонить и написать, если нужна какая-то помощь по работе: будь то номер телефона «большой» персоны или интервью для реферата.

ЛЮБИТЕ ЖУРФАК ТАК, КАК ЛЮБЛЮ ЕГО!

Привет, абитуриент! Пишет тебе пока еще студентка пятого курса факультета журналис-

тики. Пожалуйста, отнесись к этому тексту серьезно.

Хочу рассказать о журфаке, который ты уже не увидишь. У нас был старый паркетный пол. Когда его мыли, в коридоре стоял дивный запах дерева, как в бане. Облупленные стены сплошь были завешаны учебными газетами, рисунками, объявлениями. Чувствовалось, что здесь учатся творческие люди. На входе не было пластиковой группы. Кстати, самую первую поставили на 4-ом этаже. Тогда студенты ходили и гоготали: «Нас в террариум закрыли, чтобы другие смотрели на странных обитателей УрГУ». Все было до жути обшарпанное, но такое родное, чудесное. И у нас были славные традиции. Сейчас расскажу о них.

Традиция первая

1 сентября. На всех факультетах только учебные «пары». А у нас — настоящий праздник. Раздают профсоюзные билеты, все фотографируются на фоне рыжей ленты. Это был стенд с огромной надписью «Факультет журналистики». Он висел напротив входа в нашу скромную обитель и символизировал собой и газетную ленту, и кассетную пленку. Но вернемся к празднику. В перерыве громко играла музыка, раздавали конфеты, завернутые в оранжевый фантик с надписью «Будь с нами. JF». Я до сих пор храню свою обертку. Все это было официальной частью. Неофициальная начиналась в чудном месте под названием «заОперным». Скоро ты узнаешь, что это...

Традиция вторая

Колхоз. Не такой страшный, как в УПИ, где ребята месяц жили в диких условиях и работали до седьмого пота, но тоже «не сахар». В колхоз мы ездили всего два дня. Уезжали работать в шесть часов утра, возвращались вечером, часов в восемь. После первого дня единицы уезжали домой, остальные же собирались по квартирам и устраивали там ночные посиделки. А утром — снова на поля. Это было незабываемо!

Традиция третья

Посвящение в первокурсники. Старшекурсники забронировали корпус на турбазе, собрали нас. Программа была незатейливая: квест, небольшой банкет, свечка и дискотека, но все было очень душевно. Там же мы получили в наследство «флешку» с лучшими работами последних лет.

Традиция четвертая

В студенты нас, конечно, посвятили, но до первой сессии мы были «абитурой». Потому

весной нас ждала еще одна «база». На этом празднике жизни были уже все курсы журфака. И здесь мы, наконец, официально стали студентами.

Эти традиции, как мне кажется, сейчас забыты. Я смотрю на студентов младших курсов и впадаю в уныние. Они какие-то чужие друг другу, конкуренты. А это неверно. Журналисты — это огромное братство. Никто тебе не поможет с материалом, если нет дружбы. В нашем братстве все, даже преподаватели и деканат. Ни один декан так не заступает за своих студентов, как наш Борис Николаевич. Я для себя вывела такую формулу журфака: УрГУ — наш дом, журфак — квартирка, а люди, живущие в нем — семья.

Я очень надеюсь, дорогой абитуриент, что ты также сильно полюбишь наш факультет. Что возродишь наши традиции и, когда начнешь писать тексты для «Автографа», тоже будешь плакать...

Мерзлякова Вероника

О ПРЕПОДАВАТЕЛЯХ

Преподаватели факультета журналистики отличаются остротой ума, красным словцом и душевным отношением к студентам. Они всегда задают много, заранее зная, что студенты будут выполнять их в самый последний момент. Тем не менее сделают это хорошо, иначе какие они тогда журналисты?!

Одним из самых запоминающихся преподавателей за пять лет моего обучения был Юрий Игнатьевич Рягин. Это человек с большим жизненным опытом, который не просто интересно ведет свои лекции и заставляет о многом задуматься, но и всегда найдет ответы, если у тебя есть вопросы. Вопросы могут касаться и не лекционного материала, это могут быть вопросы о жизни в целом.

Помню, на одной из лекций Юрий Игнатьевич сказал, что если мы наберем в интернет-поисковике: «Как взорвать Белый дом», то нас вычислят, проверят и, в конечном счете, будут отслеживать. Меня охватило любопытство, так ли это на самом деле. Придя домой, я первым же делом залезла в просторы Интернета и нашла в поисковике: «Как взорвать Белый дом». Не поверите! Там действительно присутствует инструкция, а также люди на форумах делятся своими размышлениями по этому вопросу. Особо вчитываться я не стала. Не знаю, отслеживают ли меня сейчас спецслужбы или нет. Но мне кажется, что Юрий Игнатьевич привел такой пример не случайно, а в целях практики и знал, что ничего серьезного не случится.

Также на журфаке присутствует Дмитрий Леонидович Стровский — человек, экзамена которого начинают бояться еще за несколько лет. Свои лекции он читает интересно, неформально. Иногда даже с шутками и песнями. Такое может быть только на факультете журналистики. Дмитрий Леонидович — хороший оратор, умеет зацепить аудиторию. Остро ставит проблемы общества, коря «Иванов, не помнящих родства своего».

Если ты всегда хорошо учился, выполнял все задания вовремя и был уверен, что учеба тебе по плечу, значит, ты еще не сдавал предмет «История отечественной журналистики» у Дмитрия Леонидовича. Бессонные ночи и горы книг тебе обеспечены.

Сначала думаешь: «А зачем мне все это?», но, прочитав 70 книг о журналистике советского периода одна за другой, чувствуешь себя победителем шоу «Самый умный».

Помню, когда сдавала экзамен по истории отечественной журналистики, Дмитрий Леонидович задал мне вопрос по одному из прочитанных мной произведений. Я начала нервничать, так как знала ответ, но в голове все перемешалось. Он это понял и сказал: «У Вас есть 30 секунд, чтобы попросить помощи аудитории». Я опешила.

— Время пошло!

Стремглав выбегаю в коридор и тараторю вопрос. Мне кидают пару ответов. Забегаю назад в кабинет.

— Вы опоздали на 10 секунд. Ваш ответ?

Проговорила все, что я могла уловить из коридорной суматохи сокурсников. Д. Л. Стровский долго думал, просматривал мои рефераты и неожиданно сказал: «Давайте сюда Вашу зачетку».

Это были одни из самых счастливых минут в моей жизни.

О ДРУЗЬЯХ-СОКУРСНИКАХ

Дружба на факультете журналистики — вещь нетривиальная. То она есть, то ее нет. Я уверена, что к пятому курсу многие сменили себе друзей, так как поменялись интересы, разошлись дороги. А вообще, на журфаке присутствует дух единства. Значит, дружба все-таки есть. И не важно, будете ли вы дружить «после», случись беда — сокурсники-журналисты придут на помощь. За все время у меня были две самых близких подруги в разные годы учебы в университете. Дружба с каждой из них началась в общежитии № 3.

Первый день учебы был ярким, оранжевым, как символика журфака, с конкурсами, фотосессией и тремя парами после.

В тот день я познакомилась с Настей Якимовой. Сейчас она учится на заочном отделении, но это уже совсем другая история.

— Я из Асбеста — сказала она. — Это как «ass» и «best».

— А я из Нижнего Тагила, — созвучных слов на тот момент не придумала.

Мы сидели вместе на парах, ездили домой в общежитие. Могли часами сидеть в «Пицца Миа» со стаканчиком кофе и болтать обо всем на свете. Делили проблемы, переживания, помогали друг другу. Иногда мы думали, что наша дружба похожа на сериал, и фантазировали, что могло бы с нами еще приключиться.

Мы проживали в разных общежитиях, а позже Настя переехала ко мне в комнату. Было весело. Много можно вспомнить, начиная от того, как мы пытались снять видеоролик «Клопы наступают», и заканчивая совместным обустройством комнаты и удалением из нее ненужной мебели, например, пианино, которое занимало много нужного места.

Настя взрывная, эмоциональная и веселая. Все время придумывала разные штуки, которые мы пытались воплотить в жизнь. С ней мне не было скучно. Однажды она предложила пойти исследовать вечерние улицы города Екатеринбурга. Ведь мы были первокурсницами, город знали плохо. Все для нас было ново и необычно. Взяли фотоаппараты и пошли. Это было в ноябре, примерно часов десять вечера. Обошли близлежащие окрестности улицы Большакова, цирка, Гринвича. Фотографировали здания, пейзажи и обстановку.

Все было здорово, и казалось, что мы будем дружить всегда.

Коса на камень нашла ближе к весне. Честно говоря, я уже и не помню почему. То ли бытовуха стала камнем преткновения, то ли просто задружились, что называется.

Пути наши разошлись, мы перестали общаться. И лишь спустя год взаимного молчания заговорили друг с другом вновь. Конечно, дружбу уже не вернешь, да и не нужно нам этого было. Но, если признаться честно, то я много раз думала о том, что бы было дальше, если бы мы снова начали дружить? Какой сюжет придумал бы сценарист нашего сериала?

Скорее всего, наша дружба закончилась потому, что сериал закрыли, а новых серий не сняли.

Второй подругой была Ольга Кошкина. Дружба началась с совместного похода на физкультуру и общих тем про кулинарные рецепты. Действие разворачивается все в том же общежитии № 3, только с Олей мы жили на разных этажах.

Ольга — творческая личность. Мечтательница и поэтесса. Я очень гордилась ее успехами, радовалась ее новым достижениям, например, когда в Екатеринбурге состоялась презентация ее новой книги. Мне нравятся Олины стихи. В каждую строчку она вкладывает частичку себя. В свое время я тоже писала стихи, и Ольга стала одной из немногих, кому я дала их прочитать.

Я думаю, что нас объединил творческий подход. Мы обе занимаемся рукоделием, только в разных направлениях.

Мне бы очень хотелось, чтобы Олины книги выпускали большим тиражом. Я думаю, что они были бы интересны людям разных возрастов. А мне было бы приятно, что я училась, жила и дружила с таким человеком, как она. Почему дружила? Наверное, потому, что все когда-нибудь заканчивается. Но я нисколько не жалею о том, что у меня была такая подруга.

АБИТУРИЕНТАМ

Дорогие абитуриенты! Если поступили на факультет журналистики, знайте: ваша жизнь изменится кардинально. Здесь вы встретите удивительных людей. Поймете, что прочитать 60, а то и 70 книг за неделю — это реально. Проспать пару, но все-таки быть на ней — это возможно. А уж вспомнить на зачете по зарубежной литературе, из какой книги герой, когда одно и то же имя упоминается в пяти или шести произведениях, — это ерунда!

Главное — читайте, учите и делайте все работы вовремя, чтобы ваши хвосты не тянули вас вниз.

Пять лет учебы действительно пролетают незаметно. И с каждым годом все больше начинаешь ценить студенчество. Ведь не зря говорят, что студенческие годы — самые лучшие годы юности.

И не важно, будете вы работать в дальнейшем по специальности или нет, главное — помните, что раз вы уже поступили на факультет журналистики, значит в вас течет журналистская кровь, значит рано или поздно вы найдете свое русло. Не бойтесь обращаться за помощью к преподавателям, сколько бы лет назад вы ни окончили институт, они будут вас помнить, помнить каждого в отдельности и всегда поста-

раются помочь. Наш институт могут переименовывать сколько угодно, объединять с другими вузами города, но атмосфера, царящая на факультете, всегда будет по-особенному семейной, теплой, уютной. Цените это и гордитесь тем, что вы уже журналисты, юные акулы пера.

Могильникова Кристина

КАКИМ БЫТЬ ДОЛЖЕН ЖУРНАЛИСТ?

Считаю, что на нашем потоке много талантливых людей, которых уже сейчас можно называть журналистами. Они очень амбициозные, упертые и образованные. Но среди лидеров я выделяю одного. Сразу хочу оговориться: она не является моей близкой подругой, мы просто хорошо знакомы еще с подготовительных курсов. Ее зовут Анастасия Довгая.

Как я уже сказала, познакомилась мы на воскресных курсах, когда учились в 11 классе. Уже тогда она четко знала, чего хочет, и была уверена в своем выборе. Мы общались не очень много, но периодически диалоги все-таки случались, поэтому я как минимум знала ее имя.

Ближе узнать этого человека мне удалось на первом курсе. Человек-батарея. Сама всегда бегающая заряженная и заставляет двигаться все вокруг. Причем я говорю не только об одушевленных предметах. Конечно же, такие амбиции не могут не сказаться на карьерном росте, поэтому уже на втором курсе она начинает работать на 41 канале и делает свою работу так качественно, что очень скоро ее берут в штат. Лично убедиться, как она снимает сюжеты, мне удалось один раз. Мы оказались на съемках в одном месте, правда, от разных телекомпаний. Ее оператору все сочувствовали: она не только сама бегала, выясняя обстоятельства случившегося, но и помощника своего загоняла. Зато какие потом выходят сюжеты! Некоторые телевизионные ветераны не в силах такой материал выпустить.

Проработав на телеканале несколько лет, Настя ушла оттуда, поняв, что это ее уже не интересует. Долго она, конечно, не отдыхала, сразу приступила к новой работе. Сейчас занимается PR.

В ее жизни очень много учебы и работы. Сейчас она старается развиваться во всех направлениях, пока у нее есть такая возможность. Учит языки, не так давно ездила в Штаты на все лето, занимается фитнесом и вообще старается всегда выглядеть на высоте.

На мой взгляд, это отличный пример того, каким должен быть журналист. Современным, ловким, шустрым, талантливым. Без лишней скромности, но с хорошими манерами.

БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

Гилевич Григорий Александрович. Этот преподаватель не читал нашему потоку лекции, он не появляется в УрГУ, и многие студенты вообще не знают о нем. Но мне повезло, я знакома с Григорием Александровичем с первого курса. Он региональный руководитель вещательной корпорации «ПрофМедиа», куда входят «Авторadio», «Юмор FM», «Energy» и «Radio Romantika».

Так как своим направлением я выбрала радио, моим руководителем практики сделали Григория Александровича. Это и стало поводом для знакомства. Как я уже сказала ранее, в УрГУ он бывает редко, поэтому виделись мы два раза в год. Но меня это не очень тревожило, а его тем более. Лучше я узнала этого человека, когда выбрала его спецкурс. Суть курса сводилась к итоговой работе — созданию своего радио. Звучит заманчиво. Но! Проект — только на бумаге, то есть самая занудная работа, теоретическая часть. Самый «сок» я пропустила. Годом ранее ребята на его спецпрактикуме создавали свою радиопрограмму. В начале — совместная разработка, а потом — запись в студии. Жалею, что не смогла себя проявить в этом задании. Зато не жалею, что хоть и не в полном объеме, но ухватила полезный материал от этого преподавателя.

Это очень интересный человек. Во-первых, он с огромным опытом работы в СМИ. Было очень интересно послушать, как начиналась его работа на радио. Стартовал он на радио завода ЖБИ, был одним из создателей «Радио СИ», руководил «Русским Радио», «Радио Шансон» и «Радио Динамит». Лауреат Национальной премии им. Попова в области радиовещания. Стажировался в Лондоне на BBC, в США.

Во-вторых, он с огромным жизненным багажом. Помимо журналистики Григорий Александрович занимается йогой. Иногда он приходил к нам на «пары» с иголками в руке. Со временем мы уже не обращали на это внимание. Он очень любит ходить по культурным мероприятиям и часто критиковал нас за наше незнание.

Ну и, в-третьих, всегда интересно послушать, как человек добился таких успехов в своей профессии. Как говорят: «Хочешь быть успешным, общайся с успешными людьми».

Мне не хватило наставнических советов от Григория Александровича, поэтому я и пишу у него выпускную работу. Буду учиться быть профессионалом у профессионала.

ЗАЧЕМ НАМ ЖУРФАК?

Зачем нужен факультет журналистики? Журналистом можно стать без диплома журфака? Во время поступления в УрГУ, на этот родной уже факультет, у меня не возникало таких вопросов. А сейчас задумываюсь. Я, конечно, не жалею о том, что училась здесь: замечательные преподаватели, интересные студенты, понимающий деканат. Но достаточно ли этого, чтобы быть хорошим, успешным журналистом?

Первое, что хочется отметить, на журфаке царит какая-то своя атмосфера. Особенно резко ты начинаешь чувствовать ее в начале своего учебного пути. Помню, когда поступала на факультет, рассказывала школьным друзьям: «Там половина студентов в себе, а половина не в себе». Со временем мнение, конечно, изменилось: как оказалось, просто на журфаке много ярких личностей, которых нужно узнать лучше, чтобы понять их мир. Здесь ты начинаешь думать иначе, по-другому смотришь на вещи. Особая атмосфера — это, кстати, один из доводов, почему наш факультет нужен. Правда, от этого безудержного творчества некоторые студенты забывают про учебу. Но, видимо, потому, что журналистика и красочное мышление тесно связаны, наш деканат и считается одним из самых лояльных.

По причине этой лояльности многие студенты начинают работать уже с первого курса. Я, например, тоже работаю уже четыре года. И это второй огромный плюс. Журналисту, безусловно, необходимо владеть теоретическим, базовым материалом, но научиться этой профессии можно только на практике. Для этого мы и проходим практику каждое лето, начиная

с первого курса. Не слышала еще об очных отделениях других факультетов, где бы практика была сразу после года обучения. Но благодаря этому многие к пятому курсу уже активно работают в СМИ. Плохо, конечно, что из-за работы меньше времени остается на освоение теоретического материала, но с этим уже каждый справляется самостоятельно, как может.

Кстати, о теории. Говоря о факультете журналистики, невозможно не отметить преподавателей. На мой взгляд, это исключительные люди. Большинство из них активно работают в СМИ и всячески помогают талантливым ребятам пробиться. Здесь преподают не только сухую теорию, много материала, который нам очень пригодится в дальнейшей работе.

Таким образом, проучившись пять лет на факультете журналистики, могу сказать, что это место мне очень помогло не только развиваться как личности, но и дало возможность реализовать себя в дальнейшем, познакомив с важными людьми. Спасибо факультету журналистики за это!

Мохов Андрей

ГЕНИАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

На каждой паре следишь за временем: 20 минут от начала, 40 минут, половина занятия прошла, осталось полчаса, всего лишь 10 минут...

Но был единственный преподаватель, лекции которого существовали вне времени и даже все пространства. Галина Сергеевна Радич. Историк. Востоковед. Только в ней я видел пример положительного фанатизма, по ее голосу и взгляду было видно, что она прямо живет своим предметом, но при этом остается в реальности (в отличие, допустим, от преподавателей литературы).

Галина Сергеевна на парах открывала для студентов ворота в параллельные миры далекой чужой Древности, с ней мы тонули в зыбучих песках Египта и отмывались в красных водах Нила, сражались с толпами викингов и погибали от Молота Тора, возрождались на жертвенных алтарях диких племен Амазонки, строили Великую Китайскую Стену и выпрыгивали из Троянского Коня с дикими воплями.

Особенно запомнились занятия-экскурсии: походы в музеи, посещение чайной церемонии. Когда видишь, с каким интересом преподаватель участвует в твоём развитии, сам начинаешь впитывать всю получаемую информацию. Просишь дополнительного материала.

Для меня Галина Сергеевна стала образцом преподавателя — совмещение уникальных знаний и эмоционально-красочного повествования, гармонично соединились в ней, и это давало студентам мощный стимул к обучению, плюс практические занятия и рекомендации по самостоятельному изучению завершили гениальную систему преподавания.

ЛИЦА ФАКУЛЬТЕТА

Одного из толпы выделять нельзя, ибо без толпы он уже не тот. Поэтому буду рассказывать о всей толпе. На первом курсе нас было полторы сотни человек, на пятом курсе осталось меньше полусотни. В том числе парней было человек 20, осталось 4.

С парнями у нас была особая атмосфера на парах физвоспитания. Грубый примитивный юмор, неадекватное поведение, нехватка кислорода в мозгу. У нас даже был для этого термин особый — ПФС (постфизкультурный синдром). Беготня по грязи в парке не очень вдохновляла, но любую неприятную ситуацию можно пережить, если смеяться над ней. Этим мы и занимались. В тренажерном зале было намного лучше. Подвальное помещение, интересные железки прямо располагают к общению. Тут оттачивались навыки злословия и остроумия. Теперь о некоторых из нас подробнее.

Дима Комаров. Шуточки. Актерские издевательства. Наигранная атмосфера абсурда. Интеллектуальный юмор. Разрядка любой обстановки. Уникальное сочетание слишком разных интересов.

Артур Хамзин. Советы. Выброс энергии. Ходил в столовку со всеми и с каждым. ВЕЛИКИЙ АРХИВАРИУС всяя университета. Упорство.

Саша Патрушев. Собеседник на любую тему с любым человеком. Комичные ситуации. Вопросы на парах. Человек, который за беляш готов на любой глупый спор. Велосипед. «Лучше быть полосатым, чем волосатым».

Саня Кремнев. Доучился с нами до второго курса. Остался на второй год, отчислился, ушел в армию, вернулся, пытается восстановиться. Темная сторона силы. Юмор на любителя. Философ по жизни. Никогда не унывающий сельчак. Громкий.

Денис Полуэктов. Перешел на заочку. Мотивировал на физкультуре на личном примере. Интересуется всем, что видит. А то, что видит, фиксирует на свой фотоаппарат. Старший. Женатый. Целеустремленный.

Альбина Хасаншина. Староста. «Я не пойду на пару, отметь». «А где у нас пара?». «А что задали?». Однажды уговорил ее поехать летом в лагерь, работать вожатой. Сработались. Все праздники в ее квартире.

Ксюша Башкирцева. Редкое для девушек чувство юмора. Серьезные вокальные данные.

Сильнейшая целеустремленность. Никакой паники перед экзаменами.

Я, ТЫ И ЖУРФАК

Бесконечное множество раз подумайте перед поступлением. На любой факультет. Половина студентов исчезает на полпути. Расставьте приоритеты. Высшее образование уже давно не гарантирует хорошую работу. Часто случается так, что люди, которые сразу после школы устроились трудиться на самую незамысловатую должность, уже через пару-тройку лет становятся опытными специалистами. Это больше касается, конечно, общественных сфер деятельности. Согласитесь, что уже достаточно вакансий, которые не требуют особой теоретической подготовки. Мой дядя с кое-как полученным средним специальным образованием продвинулся по службе с самых низов до управляющей должности, построил загородный коттедж, устроил свой бизнес и вообще хорошо живет.

Совмещать учебу и работу очень тяжело. При этом обязательно учитывайте тот факт, что журналистика требует постоянной практики. Домашние задания преподавателей бывают далеки от действительной работы в средствах массовой информации. Те, кто к пятому курсу чему-то научился по профессии, узнал большую часть на практике, а не в стенах университета. При этом я не работал в СМИ (летняя производственная практика не в счет), не могу создавать качественные тексты (и навык написания миллиарда рефератов в этом плане вообще не спасает). Если можешь быть уверен, что справишься с двумя делами сразу — флаг в руки.

Не говорю, что образование вообще не нужно, это не так. Просто надо выбрать то, чем точно хочешь заниматься, а поступать «лишь бы куда-нибудь» не стоит. По своему окружению могу сказать, что значительная часть студентов вообще не собирается работать по специальности. От этого нет и интереса к учебе, отсюда плохая успеваемость и мучения.

Журфак лично мне был интересен в основном из-за людей — одноклассников, некоторых преподавателей.

Предметы, лекции которые я посещал с удовольствием, не были связаны с профессией журналиста, это, скорее, общее развитие и смежные специальности (филология, философия, социология, психология).

Нечаева Дарья

МЫ В НЕЕ ПОВЕРИЛИ

Во все времена, во всех вузах, на всех факультетах и на всех курсах были девочки-отличницы. Лучшие из лучших. Наш поток не исключение. У нас одна из отличниц — Настя Довгая.

С первого учебного дня она больше других задает вопросы, никогда не пропускает занятия и самой первой сдает все задания. Никто не удивился, когда сразу после первой практики Настя стала работать на одном из телеканалов Екатеринбурга. При этом «погоня за двумя зайцами» оказалась вполне успешной. Когда Настя стала репортером, это никак не отразилось на учебе. Она, как штык, на всех «парах», а контрольные и рефераты, как и прежде, сданы вовремя и только на высокий балл. Совмещать учебу и работу пытаются многие, но делать оба дела качественно способны не все. Но только не Настя. Конечно, она не одна такая. Но на ее успехи обращаешь внимание.

Про таких, как Настя, говорят — идет напролом. Действительно, для этой девушки нет невозможных задач. Как бы это ни было сложно, она добивается своего. Настя одна из первых поехала работать в США по программе Work and Travel. Многим известно, отличное знание языка — не гарант получения американской визы. У Насти же встреча в консульстве не вызвала никаких сложностей. Она смогла очаровать и убедить своих собеседников в том, что должна лететь в Америку. И полетела!

В Вашингтоне в Музее новостей (Newseum) Настя, как и многие посетители, записала стенд-ап. Выглядело это так: ведущая в интерактивной студии говорит подводку и сообщает, что на прямой линии с ней журналист Анас-

тасия, которая передаст обстановку с места события. В этот момент в эфире появляется Настя и на отличном английском проговаривает подготовленный текст. Это видео вскоре появилось на страничке Насти ВКонтакте. Дело происходило летом, поэтому многие подумали, что так проходит Настина практика. А все потому, что она действительно могла это сделать.

Настя Довгая — это классический пример типа девушек, которых называют карьеристками. Добиться всего самой и ни от кого не зависеть — вот ее жизненное кредо. Я думаю, в будущем она станет известным журналистом. Мы еще увидим ее на телеэкране в качестве ведущей или репортера как минимум федерального канала. Я уверена, Настя сможет проявить себя и за пределами нашей необъятной Родины, ведь не зря мы все тогда поверили ей, а главное — поверили в нее.

СВОЙ ПАРЕНЬ

Преподаватели бывают разные: строгие и не очень, молодые и почтенного возраста, практики и теоретики. Пожалуй, на нашем факультете собрались все возможные типы (вся «палитра» разных типов) наставников, которые могли бы нас чему-то научить. За пять лет обучения сложились свои вкусы и предпочтения. На чьи-то «пары» как на крыльях летишь, а на чьи-то хочется «забить». Когда из-за работы мне приходилось пропускать «пары» Геннадия Николаевича Шеварова, мне искренне становилось грустно. На мой взгляд, он идеальный преподаватель. Геннадий Николаевич — человек свободы, ей он учит и своих студентов. Быть свободными в мыслях — не думать штампами, быть свободными в творчестве — находить вдохновение в любой мелочи, быть свободным в своих действиях — у Шеварова даже посещение лекций было свободным, что противоречит идеологии пресловутой балльно-рейтинговой системы.

Шеваров Геннадий Николаевич не походит ни на одного другого преподавателя. Он имеет все положительные качества, которые могут только быть. После первой же встречи с ним, стало понятно, Геннадий Николаевич имеет огромный опыт и невероятный профессионализм. Очередной раз я в этом убедилась, когда я пришла к своему руководителю диплома, чтобы обговорить тему выпускной работы. Я давно вынашивала идею документального фильма, у меня уже были некоторые наработки, при

этом я никак не могла все структурировать. После десяти минут общения с Геннадием Николаевичем в моей записной книге уже был план фильма, приступать к съемке можно было на следующий день.

А еще мне очень нравится манера Геннадия Николаевича общаться со студентами. Он никогда не отказывает в помощи, несмотря на свою занятость. Все девушки с журфака для него красавицы, а молодые люди — свои парни. Да он сам — свой парень. Его биологический возраст точно не совпадает с внутренним. В его душе живет молодой человек, такой же свой парень. Геннадий Николаевич всегда идет в ногу со временем, говорит на одном языке со студентами. Сленг или жаргонизмы из его уст нисколько не режут ухо, как это бывает обычно, когда взрослые люди начинают молодиться. Геннадий Николаевич может провести всю «пару», сидя на парте. И это здорово! А еще он радуется таким простым вещам, на какие мы, молодежь, порой не обращаем внимание: «Ух ты, ты реферат на цветном принтере распечатала, еще и картинки вставила», — и, как ребенок, начинает рассматривать иллюстрации, кажется, содержание самого реферата ему уже не интересно, а в зачетке несомненно будет красоваться только «отл».

Я думаю, такое отношение к миру или к жизни — это главная отличительная черта Геннадия Николаевича. Своим предметам учат все, кто-то лучше, кто-то хуже, это не важно. Важно то, что Геннадий Николаевич своим примером показывает, что в этой жизни нужно радоваться каждому моменту, каждому мгновению, каждой секундочке. Тогда ты никогда не состаришься, никогда не зачерствеешь, ты будешь интересным человеком, творческой личностью и настоящим журналистом, способным в повседневной жизни найти для себя что-то интересное.

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Дорогой друг, если ты надумал поступать на факультет журналистики, подумай об этом еще раз! Наверное, это самый нестандартный или «неклассический» факультет на свете. Ты не найдешь другого такого факультета, где было бы так много неформального общения с преподавателями и неожиданных встреч с интересными людьми.

Считается, что Уральский федеральный университет дает классическое образование.

Получишь ли ты его на журфаке? Пожалуй, да. И в довесок — массу всего неклассического: взгляд на этот мир, отношение к современному обществу, политике или, к примеру, религии.

Но если ты прошел вступительное испытание, значит, справишься с остальными. Во время учебы публиковаться предстоит с завидной периодичностью, почти в каждом семестре. Летом тебя ждет практика. Нужно быть готовым: практика ждет, а вот в редакциях городских СМИ тебя не всегда ждут. В этом нет ничего страшного, мы все через это прошли! Если ты сможешь проявить весь свой профессионализм, то получишь приглашение на работу. Многие студенты журфака остаются в штате уже после первой или второй производственной практики, и начинают работать по специальности, еще не получив полного образования. Так что студенты на факультете тоже «неклассические».

А какие у нас преподаватели! У каждого из них свой подход к студентам. Вы никогда не услышите от Марии Федоровны Поповой имена студентов «Даша, Маша, Петя или Дарья, Марья, Петр». Она с невероятной любовью относится к каждому студенту и только с теплотой говорит о них, поэтому у нее только «Дашеньки, Машеньки и Петеньки». А на парах Геннадия Николаевича Шеварова вам будет предложено смять листок бумаги и рассказать, на что он стал похож, а после этого написать сценарий документального фильма про этот скомканный лист. Алексей Владимирович Фаюстов своим студентам задает переписать сказку «Колобок» так, чтобы из литературного произведения это получился проблемный журналистский материал: репортаж с места события, корреспонденция или что-то другое.

В факультет журналистики либо влюбляешься раз и навсегда, либо разочаровываешься в нем на всю жизнь после первого месяца обучения. Но если ты уже сейчас понял, что это твое — поступай на наш факультет, на самый «неклассический» факультет классического университета.

Патрушев Александр

ПРАЗДНИК СТУДЕНЧЕСТВА

За пять лет учебы я познакомился с огромным количеством интересных людей. Больше всего мне запомнился второй курс, когда я сменил специализацию. Оказавшись в другой группе я, во-первых, иначе взглянул на факультет и, во-вторых, обрел новых друзей.

В тот год мы решили вместе отпраздновать наступление Нового 2011 года. Арендовали квартиру на ночь с 29 на 30 декабря. В тесной «однушке» собрались одиннадцать человек из разных групп. Эта предновогодняя ночь была одной из лучших в моей жизни. Если не учитывать тот факт, что на следующий день мы должны были поехать в университет. К счастью, лишь для того, чтобы проставить зачет. Однако и это было непросто, ведь ночь была абсолютно бессонной. Но было, конечно, весело!

Другое яркое событие в студенческой жизни, которое сразу приходит на ум — это так называемый экватор. Староста нашей 203 группы Альбина Хасаншина организовала эту встречу у себя дома. Для меня ребята были новым коллективом — я недавно перевелся в их группу. Так что у меня было целых два повода для праздника. И вечер получился таким, что хватило бы на два праздника, за что ребятам большое спасибо. Время летит так быстро, что, кажется, будто это было еще вчера.

Сейчас хочу сказать пару слов о некоторых студентах, с которыми мне довелось учиться на факультете. **Настя Крутикова**. Это та девушка, без которой я бы не преуспел в учебе. В труд-

ную минуту она всегда помогала мне. Здорово, что нашел такую хорошую подругу на факультете.

Андрей Мохов. Однокурсник, с которым мы неоднократно спорили на беляши. Это было нашей традицией. Причем спорили по самым разным поводам. Начиная от учебы и заканчивая чем-то абсурдным. Например, кто быстрее доберется от Ленина, 51 до учебного корпуса на Куйбышева: он на автобусе или я на велосипеде. Это было всегда более чем забавно. Вообще, если бы существовала какая-нибудь премия за остроумие, ее получил бы именно Андрей!

Артур Хамзин. Человек, который всегда думает, что все «хреново», но при этом вполне успешно учится и успевает работать. С ним всегда можно поговорить «за жизнь».

Альбина Хасаншина. Помимо того, что Альбина отличная староста, она умела организовывать нас и в делах учебных, и в развлечениях.

Безусловно, всех не перечислить, с каждым сокурсником было по-своему интересно учиться. Уверен, что со многими из них будем продолжать общаться и после окончания университета!

РАДИЙНАЯ АТМОСФЕРА

Для меня одним из самых интересных преподавателей на факультете стал Григорий Александрович Гилевич. Всегда с большим удовольствием я ходил на его необычные «пары». Наверное, первый вопрос, который вы можете задать — в чем же выражается эта самая «необычность»? Причин здесь несколько. Во-первых, его «пары» проходили непосредственно на радиостанции! Во-вторых, расписание было составлено так, что мы занимались в вечернее время, что было еще приятнее. Казалось, что учебный день уже закончился, и мы идем не на «пару», а на интересную встречу.

На спецкурсе «Организация работы радиостанции» мы раз в неделю собирались в переговорной, садились за один большой стол и погружались в радиыйный мир. В неформальной обстановке, легким и доступным языком Григорий Александрович растолковывал нам непонятные технические термины, принципы работы радиостанции. Пары пролетали незаметно. Я всегда любил радио, а после таких семинарских занятий, которые преподнес Григорий Александрович, я стал по-новому смотреть на радио.

В другом семестре, на спецсеминаре «Утреннее шоу на радио», нам представилась воз-

можность записать свою программу. Конечно, это был не прямой эфир, работали мы исключительно для себя, но этот кураж от студии, микрофона и самого процесса записи вдохновлял на все сто! Мы не просто изучили теорию, но и осуществили ее на практике.

Вы будете смеяться, но в университете я видел Григория Александровича максимум раза три за все время учебы. Однако его «пары» запомнились больше других.

ВПЕРЕД, К НОВЫМ ЖУРНАЛИСТСКИМ ПОДВИГАМ!

Приветствую всех, кому еще только предстоит пройти через все испытания и сюрпризы, которые приготовил для вас факультет журналистики. Кто-то из вас сделал осознанный выбор, потому что знает, чем хочет заниматься в жизни. Кто-то решил поступать на нашу специальность просто из любопытства, чтобы узнать — а что же это за штука такая, журналистика?! В любом случае, вас ждет целый мир открытий. Но, не стану лукавить, они не всегда будут приятными.

Первый курс и летняя практика помогут вам понять, насколько удачно вы выбрали факультет. Я никогда не забуду свою дебютную практику на радиостанции «Город FM». Одним из первых моих заданий была серия опросов. С диктофоном в руках я приставал к горожанам, чтобы узнать их мнение по самым разным вопросам. Из этих ответов делал полноценный радиыйный сюжет. Готовить материалы было непросто, но необыкновенно интересно. Помню, когда слышал их в эфире, всякий раз ощущал кураж. Он вдохновлял меня на новые журналистские подвиги.

Старайтесь практиковаться и в учебное время. Ведь за эти четыре года вы должны не только получить диплом, но и хорошо подготовить себя в практическом смысле. Поверьте, работодателю куда важнее ваш опыт. А учеба пусть подпитывает вас новыми знаниями.

Еще один совет: не стесняйтесь знакомиться с ребятами со старших курсов. Таким образом, вы сможете не только заранее узнать, что вас ждет в следующих семестрах, но и обрести новых друзей.

И в заключение отмечу, что время летит очень быстро. Когда я поступал в университет в 2009 году, я думал, что 2014 год — это еще так далеко, что даже думать об этом не стоит. Но вот этот год настал. Так что, друзья, цените время!

Петрова Татьяна

МОЙ САМЫЙ СТРОГИЙ И ДОБРЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ — ВЛАДИМИР ОЛЕШКО

«Сегодня? Как сегодня?! Все-таки сегодня...» — проносится в моей голове, когда узнаю, что сдавать домашнюю работу нужно именно сегодня.

— Да, Танюш, сегодня, — понимающе кивая головой, подтверждает Настя. — Попробуй к нему подойти, объяснишь ситуацию.

Он — это Владимир Федорович Олешко, что читает у нас курс «Введение в теорию журналистики». Он отпустил нас с прошлой лекции... гулять. Да, именно гулять, чтобы увидеть и услышать то, о чем захочется написать в домашней работе. И вот я узнаю, что сдавать эссе нужно сегодня!

Владимир Федорович в своем кабинете. Он сидит за столом и что-то читает. «Здравствуйте...» — я освобождаю руку от дверной ручки и подкрадываюсь к столу. «Здравствуйте», — отрывает взгляд от бумаг и вопрошающе обращает его на меня Владимир Олешко.

— Владимир Федорович, понимаете... — начинаю я мямлить. — Я не знала, что домашнюю работу нужно сдавать сегодня. Сегодня у нас лекции нет, и я подумала, что эссе можно принести на следующую пару...

— А, может быть, вы просто никуда не ходили, поэтому и написать вам не о чем, — строго глядит на меня Владимир Федорович.

— Честное слово, ходила...

— А почему не написали? — смягчая тон, спрашивает Владимир Олешко.

— ... — я не нашла, что сказать. Про себя подумала: не захотела, как всегда, отложила на потом. Я виновата. На выполнение домашнего задания В. Ф. всегда дает достаточно времени.

— А как вы будете работать? Как будете соблюдать «дедлайн»? Знаете, у журналистов есть такая шутка — по отношению к тем, кто не сдает вовремя материалы. «Не написал? Так мы твою фотографию сейчас поставим! На том самом месте на полосе, где должен быть твой материал». До трех часов жду ваше эссе! Можете написать от руки.

Сгорая от стыда, я спешу на пару медицины, а после нее сажусь в коридоре писать эссе. «Подвыпивший мужчина по-прежнему шел за девочкой, которая несла котенка. Вдруг он остановился, но продолжил кричать ей вслед: “Леля, Черепашку продай!”» — дописываю последние строки, уже не заботясь о почерке. Преодолеваю переход, бегом поднимаюсь на четвертый этаж, с силой дергаю ручку двери, «вот, возьмите» — протягиваю несколько вырванных из блокнота страниц, а мысленно себя уговариваю «только не смотри в глаза, только не смотри»... Бормочу «до свиданья» и, как ядро из пушки, вылетаю из кабинета. Без пяти минут три. Я успела!

Тогда я получила хороший урок. На протяжении всей своей первой практики, получая очередное задание от главного редактора, мое воображение тут же рисовало строгого Владимира Федоровича, громко ударявшего кулаком по столу: «Только попробуй не сдать!» Этот вымышленный персонаж заставлял меня писать ночью, засиживаться на работе допоздна или приходить в редакцию рано утром, только чтобы материал дописать, сдать его без опозданий. Впрочем, было у этого выдуманного героя, помимо внешности, еще одно важное сходство с Владимиром Олешко реальным — строгость, не знающая никаких снисхождений. Так мне тогда казалось. На самом деле, у моего воображаемого персонажа с реальным человеком ничего общего, кроме той самой внешности, нет.

Через два года, когда Владимир Федорович читал у нас лекции по психологии журналистики, я заболела и на два месяца выпала из учебного процесса. «Приходите на экзамен. Со всеми работами», — спокойно сказал мне Владимир Федорович на последнем занятии, окруженный толпой ребят, которые, так же как я, жаждали услышать ответы на свои вопросы. Через три недели, пытаясь как-то себя успокоить, но ненароком прокручивая в своей голове ту историю с первого курса, я скользнула в аудиторию. Владимир Федорович улыбнулся, и, пролистав мой реферат и пару эссе, вынес

вердикт: «Я ставлю вам автоматом... “пять”». Я удивленно посмотрела в зачетку: «Я сдала?! Я сдала!» Владимир Федорович, вы лучший!

А ЗА ДРУЗЕЙ ЖУРФАКУ Я СКАЖУ СПАСИБО

Я смотрю, как вдаль уплывает автобус. Как будто вбирая в легкие воздух, он выпускает в свой теплый салон людей и исчезает за поворотом, чтобы там, на следующей остановке, снова сделать выдох-вдох. Мне сказали, что сегодня на улице холодно.

Несколько минут от нескончаемого потока автобусов и машин мой взгляд обращает на себя потолок, который, как я слышала от своих соседок, «выглядит уж очень неприглядно». Все разговоры прерывает появление нашей постовой медсестры. Врываясь в палату, она ставит капельницу у моей кровати и приказывает: «Лежи! Я скоро приду!» Но пока она не пришла, я вновь поворачиваюсь к окну: автобус..., машина..., автобус... Автобус..., капельница..., потолок... Автобус..., потолок..., капельница... Я боюсь, что, когда в больницу придут мои друзья-одногоруппники, раствор Рингера не успеет закончиться.

— Привеет!

Настин и Ленин веселые голоса я слышала до того, как сами девочки преодолели последнюю лестницу, ведущую на четвертый этаж. Увидев меня не в привычных их глазам платье или джинсах, а в желтом махровом халате они бросаются меня обнимать. В руках у девочек скачут разноцветные воздушные шарик. Коридорную тишину нарушает вопрос «Таня, как ты?»

Мы сидим на диване, я рассказываю о том, как я лежу в больнице, девочки, сочувствующе кивая головой, спрашивают: «Как чувствуешь себя?», «А было очень больно?», «А что было потом?»...

Звонит телефон. На том конце провода — Даша и Ксюша, они огорчаются, что пока приносить мне ничего нельзя. Они немного заблудились, но уже бегут.

— Привет!.. Мы очень волновались. Как ты? — еще не отдышавшись, обнимает меня Даша, а Ксюша, как всегда, целует в щеку.

Проходя по коридору мимо, другие обитатели больницы с любопытством смотрят на нас. Над спинками кресел в разные стороны порываются улететь воздушные шары. Объясняя на пальцах, какие домашние работы, когда и кому сдавать, одновременно девочки меня успокаивают: «Все будет хорошо!», «Не переживай!».

«Сдать сессию мы тебе поможем!»... Я рада, что в то время, как самое страшное у меня уже позади, но все еще не закончилось, они здесь, рядом, со мной.

Настя. Самый позитивный человек из всех, кого я знаю. «Все у тебя получится! — всегда пишет мне в социальной сети Настя, когда я начинаю жаловаться, что ничего не успеваю. — «Ведь все же хорошо, все пройдет, верь!». Восхищаюсь Настиней искренностью, добротой, простотой и тем, что каждый день, каждый час ее лицо украшает прекрасная улыбка.

Лена. У этого человека энергии через край. Всегда удивляюсь, как она успевает и хорошо учиться, и дом в полном порядке держать, и танцами заниматься, и таких «и» можно привести еще много. А наши с Леной походы в столовую или кафе после пар стали для меня уже неким ритуалом. Во время таких встреч мы говорим обо всем, что нам интересно, что приносит нам радость или, наоборот, заставляет переживать. «Купила новое платье? А какое оно, когда в нем придешь?», «А ты уже написала реферат? Нет?! И я не написала...»

Даша. Очень умная, спокойная, доброжелательная. На первом курсе Дашу выбрали главным редактором нашей учебной газеты. Всем, кто вступает в эту «должность» бывает тяжело. Но, столкнувшись с трудностями, Даша не опустила руки. Даша — молодец! Даша справилась! Она сплотила нас, не совсем еще смыслящих в журналистике «первокурс», в единую команду, и в итоге мы выпустили хорошую, по мнению преподавателей, а, по моему, так самую лучшую газету. И когда редактором следующей учебной газеты назначили меня, без Дашиных советов, без Дашиной помощи я бы просто не справилась.

Ксюша. Ее у нас на журфаке, я уверена, любят все — и студенты, и преподаватели. И я ее, конечно, тоже люблю. За то, что она такая трудолюбивая, отзывчивая, внимательная ко всем и каждому, верная своим принципам, но умеющая прощать и не бояться доверять людям. За нашу переписку, за долгие разговоры в университете и по телефону (и не важно, сколько времени показывают часы). За то, что есть вещи, о которых знает только она, и которые рассказать я могу только ей. Потому что знаю: она всегда выслушает и все поймет.

Журфак дал мне единомышленников, с которыми интересно учиться, обмениваться лекциями и домашними заданиями, спорить. Но, самое главное, журфак дал мне друзей, которые

на протяжении всех тех двух месяцев, которые я провела в больницах, писали мне и звонили, которые помогали, поддерживали, спасали, возрождали к жизни. Спасибо Вам! Я никогда Вас не забуду.

НА ЖУРФАКЕ КЛАССНО УЧИТЬСЯ! НО НА ЖУРФАКЕ ДАЛЕКО НЕ ЛАФА

Каждый раз, когда ты поднимаешься на четвертый этаж, тебя встречает оранжевая вывеска с названием нашего факультета. В коридорах ты можешь услышать, как играют на гитаре, хором поют песни, или увидеть девочку в костюме феи, что раздает конфеты всем подряд. Факультет журналистики — веселый факультет.

«Здравствуйте! Здравствуйте, мои хорошие» — говорит Мария Федоровна Попова, войдя в аудиторию или просто пробегая мимо. «До свиданья, мои дорогие! До свиданья», — прощается Иван Васильевич Малахеев со студентами, заканчивая пару. На факультете журналистики хорошие преподаватели.

Не удивляйся, дорогой абитуриент, что после пар тебя ждет дорога... нет, не домой, а в библиотеку. А домой от количества набранных в библиотеке книг ты будешь возвращаться заметно потяжелевшим. На журфаке ты узнаешь всю отечественную и зарубежную литературу с древности до наших дней. На факультете журналистики тебе придется много читать.

В каждом учебном семестре тебе обязательно нужно будет сдать реферат, эссе, еще реферат, еще одно эссе, и еще пару-тройку творческих заданий, а еще пять-шесть контрольных... Отдохнешь на каникулах!

На философии ты узнаешь, что на свете жили, оказывается, такие философы, как С. Кьеркегор и М. Шелер, а на психологии — К. Роджерс и В. Франкл. Ты проведешь социальный эксперимент, к примеру, проверяя реакцию людей на то, что ты уснул у них на плече в общественном транспорте. Ты запишешь свой стенд-ап и будешь рад или, наоборот, расстроен, когда увидишь себя в кадре. Ты увидишь, как преподаватели с чувством читают на лекциях стихи или исполняют песни, аккомпанируя себе на рояле. Ты запишешь в тетради среди различных рекомендованных для просмотра преподавателем спектаклей и фильмов строчку «обязательно съездить в Париж!!!»... Учиться на журфаке очень интересно!

Наш факультет журналистики — один, и для каждого он свой. Для меня он такой.

Попова Мария

СУДЬБОНОСНОЕ СОВПАДЕНИЕ

Вопросов, о ком из преподавателей писать, у меня не возникло. Как-то, еще не познакомившись с Марией Федоровной Поповой, просто пролистывая в августе журфаковский сайт, я поняла, кто будет моим любимым преподавателем.

А Борис Николаевич, когда оглашал списки поступивших, прочитав мою фамилию, сказал: «Ой, есть у нас уже Мария Попова». Только потом я поняла, какое это судьбоносное совпадение.

Поначалу она меня не знала и не замечала, хотя в сентябре на первом курсе уже общалась и обнималась с моими однокурсниками! Словом, я жутко ревновала! Все преподаватели уже не по одному разу спросили, не родственники ли мы, а однокурсники подмигивали мне, стоило Марии Федоровне заглянуть в нашу аудиторию! Но мы были еще не знакомы. Я думала, что мы все пять лет будем просто здороваться в коридоре, и она никогда не спросит у меня: «Как дела, моя хорошая?» — как у других ребят. А я никогда не пожалуюсь ей на злобного редактора, и не получу от нее совета...

Но пострадала я от безответной любви, честно говоря, недолго. Во втором семестре первого курса мы, наконец, познакомились! А в конце первого курса она взяла меня себе под крылышко и стала руководителем практики, взяла только меня одну из моей группы! Нужно ли говорить, что я была самым счастливым человеком? Лучшего я и пожелать не могла! Мария Федоровна Попова — руководитель моей практики!

Началось самое страшное и волнительное — как не разочаровать своего любимого

наставника! Эх, сколько я ни старалась, но впечатлить Марию Федоровну я долго не могла. Она ставили «пятерки», а я не верила, чувствовала, что жалеет... А так хотелось, чтобы похвалила, обняла, показала мои материалы другим девочкам — своим практиканткам. Но это только подстегивало! И каждое лето я старалась прыгнуть выше головы, чтобы только удивить мою любимую тещку.

Но люблю я ее, не потому что я Маша Попова, а потому что Мария Федоровна — самый чуткий, добрый и ласковый преподаватель. Она научила быть честным к читателю, к своей газете и к себе. А это не так-то просто.

Альбус ХАСАНБлдор

«Нет, с ней-то я уж точно не буду общаться!» — подумала я, когда первый раз увидела Альбину.

Мы приехали с папой и сестрой подавать документы. Зайдя в универ, сопровождающая меня делегация, конечно, свинтила в столовую. В приемную комиссию пошла одна. Пока я сидела и заполняла бумажки, в кабинет зашла семья из трех человек: дочка, папа, мама. На всю аудиторию они принялись рассказывать, как хотят поступить на журфак, сколько у них грамот и публикаций. Короче, они мне мешали!

«Ужас, взрослая девка с родителями пришла!» — подумала я. На этом наша первая встреча с Альбиной закончилась.

Первого сентября в нашей группе выбирали старост. Как, оказалось, заявили себя на должность старосты сразу две девочки из нашей группы. Да, я и Альбина. Мы рассказали немного о себе, и группа начала голосовать. Голоса разделились поровну. Не осталось ничего другого, как бросить монетку, потому что все спешили: надо же было бежать «заоперный»! Альбина тогда выиграла... Я поняла: нам действительно не по пути, мне нужно уйти из этой группы, меня такое положение дел не устраивало!

После продолжительных споров и разборок я все же осталась в 103 группе... Но Альбина мне не стала нравиться больше!

Я уже не помню, что тогда такого произошло и сломалось во мне (наверно, об этом помнит Альбина, если что, смотри автограф Альбины Хасаншиной), но уже летом после первого курса я оказалась у нее в гостях... в Татарстане!

Потом началась продолжительная история любви: знакомство с родителями и близкими друзьями, переписки до глубокой ночи, со-

вместное времяпровождение, ну, а потом... мы стали жить вместе, готовить друг другу завтраки, ужины и строить планы на светлое будущее.

Что я там говорила? Никогда не буду с ней общаться? Вот уже пятый курс, а мы все так же вместе. Если было можно, я бы на ней женилась, но, пожалуй, оставлю эту привилегию кому-нибудь другому.

Альбина — это все мои пьянки, все мои сплетни и интриги, все мои контрольные работы, все мои будни и праздники, это весь мой журфак.

ПОСТАВЬ ЦЕЛЬ

Я шла на журфак с твердым намерением — помогать людям. Стровскому на вопрос: «Почему журналистом хочешь работать?», я так и ответила: «Хочу помогать людям». Оканчиваю пятый курс и по-прежнему так думаю. Если ты думаешь о журналистике иначе, не читай этот текст дальше.

Ты можешь написать миллион остроумных, интересных текстов. Но если твои материалы не приносят пользы людям, зачем ты их публикуешь? Называйся тогда литератором, писателем... как угодно, но не журналистом. Вокруг столько бед и проблем! А если тебе все равно, тогда займись другой профессией!

Я люблю свою работу — и буду делать ее хорошо, ведь только в этом случае можно принести людям пользу. А если в какой-то момент пойму, что хорошо не получается... сменю профессию.

Я не буду зазывать тебя или отговаривать. Из обучения в таком университете, как УрФУ, несомненно, даже заядлый двоечник что-то вынесет. Каждому — свое. Так и с факультетом журналистики. На журфак приходят с разными целями, мою — ты уже понял. Если и решишь поступать, определись с целью на берегу, работай над ней, тогда точно все получится.

Прыткова Александра

ЛЮБОВЬ, ЧТО ПОДОПНЕТ

— Вася, где Вася Иванов? Воот, молодец, Вася, отличная заметка! Тааак.. Маша Василькова! Машенька, хорошо написала — интересный заголовок. Дальше.. так... Саша Прыткова! Где? А! Сашенька! Дура ты, Саша! Не, ну кто ж так заметки пишет?!

Вот так я и познакомилась с Любовью Анатольевной Третьяковой поближе. Это было на одной из первых пар, на самом первом курсе. Она вела у нас что-то вроде «практики работы журналиста» или «жанров» — сейчас уже не вспомню. Но хорошо помню ее стиль работы. Быстро объясняет специфику жанра, а потом — задает моментально написать соответствующий ему текст.

Но самое интересное случается на следующей паре: Третьякова начинает оглашать результаты. Она зачитывает работы, особенно останавливаясь на кривизне конструкций, неверно изложенных фактах, дурацких заголовках. И если поначалу публика была разговорчива, и преподавателя не было слышно, то через какое-то время все притихало и слушали. Ну, и смеялись, конечно. Но делали это с осторожностью, оно и понятно: следующей на очереди могла быть твоя, кривым почерком написанная заметка.

Именно на тех занятиях мы впервые поняли, что такое «облажаться с текстом». Поняли, насколько это тяжелое ощущение — настолько, что хочется сделать все, чтобы твой текст был самый выверенный, точный, без провалов.

Позже, начав работать и, естественно, ошибаться, я в такой ситуации испытывала схожие с «первокурсными» чувства. И мне не хотелось их повторения.

Некоторым такая манера оценки работ не нравится. Мол, неприлично это — при всем потоке так критиковать студента, пусть и написавшего чушь. Я с такой точкой зрения не согласна и полностью встаю на сторону преподавателя. Уж лучше сейчас, сидя в аудитории, понять, что ты делаешь не так. В конце концов, этот стыд — лишь десятая часть того, что ты испытываешь, облажавшись на работе. Да и насчет жесткости: не думаю, что увидев ошибку в вашем газетном тексте, редактор выразит свои мысли по этому поводу иначе, чем крепким русским словом.

Поэтому, на мой взгляд, Любовь Третьякова на кафедре печати — одна из главных по сбиванию короны с головы. Да, мы молодцы, что поступили, да, некоторые даже на бюджет. Но пишем мы все равно коряво. И об этом, не стесняясь, нам говорит только она. Разбирает ошибки, доводит их иногда до абсурда — так, что однокурсники икают от смеха. Долбит в одну и ту же точку, подкалывает — делает все, чтобы мы осознали важность своего слова, его последствия.

Наверное, этой заинтересованностью и безразличием к студенту она мне и запомнилась. Как преподаватели обычно больше любят своих двоечников — потому что в них больше вкладываешь, так и студенты больше любят преподавателей, которые к ним были строги и требовательны. По крайней мере, у меня вышло именно так.

НЕПОНЯТНЫЙ, НО ПОНИМАЮЩИЙ

С этим человеком мы познакомились еще за год до поступления на факультет — на подготовительных курсах. И поначалу эта персона меня никак не заинтересовала. Станный художавый мальчик старался не обращать на себя внимания, сидел, насколько я помню, не в авангарде — все подальше старался. Длинная челка, широкоплечее черное пальто, серьезный взгляд.

Вот, пожалуй, таким было первое о нем впечатление.

Потом было поступление, первые курсы — началась череда гулянок в стиле «Журфак»: квартирники с песнями, стихами, разговорами до рассвета. Там выяснилось, что тот самый скромный однокурсник отлично играет на ги-

таре, умеет тонко и умно шутить. И все это — не становясь развязным рубаха-парнем, сохраняя какую-то недосказанность или загадочность... или задумчивость — называйте, как хотите.

Прошло почти шесть лет, теперь я зову его Димася (его, конечно, жутко раздражает, но в этом ведь вся соль). Даже по прошествии стольких лет со знакомства, наполненных постоянным общением, я до сих пор не могу сказать точно, что это за человек, о чем он думает, мечтает. Обычно он больше слушает, чем рассказывает. А потом искренне удивляется: «А я разве не говорил? Ну да... сдал на права.. так еще в начале недели». Этот человек героически выдерживает потоки моих истерических нелогичных размышлений, пытается найти в них рациональное зерно, разложить все по полочкам. Психоаналитик, не иначе.

Именно с ним можно ночью накануне зачета перебрасываться по сети тупыми картинками с еще более тупыми подписями и смеяться.

Он пишет: «Аля, помоги с заголовком...», я делаю вид, что помогаю. И он понимает, что я только делаю вид, но потом все равно снова просит помочь. И так без конца.

И даже когда он будет лысый и старый Дмитрий Алексеич, я все рано буду звать его Димася. Потому что даже к тому моменту мне вряд ли удастся его понять.

ЗДЕСЬ ПРИДЕТСЯ РАБОТАТЬ

Думаю, среди студентов и выпускников, с которыми вы уже успели поговорить о журфаке, были те, кто, загадочно затягиваясь сигаретой, говорили, что журфак — чушь, и тут тебя ничему не научат. Так вот, забудьте тот разговор.

Просто надо понять, что журналистика, по большому счету, ремесло — поэтому, ей можно научиться только «в полях». Согласитесь, даже если прочитать сто книг о гончарном мастерстве, без должной практики кувшинчик красивый не получится. Поэтому надо всерьез относиться к ежегодной практике, а не болтаться туда-сюда в ожидании подписанной редактором характеристики. Кстати, будьте готовы к тому, что эту самую характеристику вы сами себе и будете писать. Редактор напишет ее сам разве что под страхом мучительной смерти.

И не надо бояться того, что вы ошибетесь или того, что вас переписывают редакторы. По поводу первого: банально, но ошибаются все. Я как-то раз брала комментарии у важного дядьки, отлично пообщались, долго потом по

этой теме переписывались... и в тексте я делаю ошибку в его фамилии. Одну букву меняю на другую. Конечно, это ужасно. Но не смертельно.

По поводу второго. Когда я только пришла в «КоммерсантЪ», редактор меня предупредил, что график ненормированный — сижу, мотаю головой. Еще, говорит, у нас новички тексты по три раза переписывают от начала до конца. Что делать? Сижу, киваю. Конечно, потом, переписывала. А после — редактор переписывал, приговаривая: «Ну что за конструкции? Мда... хотя... я, когда в “Коммерс” пришел, тоже так коряво писал». Мораль: поначалу коряво пишут все. Другой вопрос, кто когда начал... и на какой период времени у человека это самое «начало» затянулось.

Берите от практики все. Не получилось в одном издании — идите в другое. Постарайтесь уже курсу к третьему понять, какая именно журналистика вас интересует: спортивная, культурная, бизнес, социальная. Тогда сразу становится понятен круг изданий, в которые можно пойти на практику, а впоследствии — остаться.

Да, если зовут — оставаться надо. Как угодно: нештатником, на половину ставки, но надо оставаться. И не надо бояться, что времени не хватит. Хватит вам и на ваши заметки, и на чтение, и на зубрежки. Даже на хобби хватит, не переживайте.

В итоге, к третьему курсу в СМИ работает уже почти половина, а то и больше человек. И как после этого можно заявлять, что журфак ничему не учит? Может, он не дает конкретных практических навыков в том объеме, чтобы выпускать готовых специалистов, но он дает возможность постигать ремесло прямо в редакции. В итоге, на потоке к концу обучения уже формируется своя журналистская тусовка: часто такое бывает, что приходишь на пресс-конференцию, а там одни знакомые лица. Как говорится, за одной партией сидели. Да, если перспектива постоянно видеть лица однокурсников даже после окончания университета вас удручает, то нам остается лишь развести руками. Иначе не будет.

В общем, молодцы, что пришли. Ищите, нащупывайте и хватайтесь. Нам такие нужны.

Родионова Ксения

ВОЛШЕБНИК ФАКУЛЬТЕТА

Геннадий Николаевич Шеваров на нашем третьем курсе начал вести спецкурс «сценарное мастерство». Это была любовь с первого взгляда. К преподавателю, к предмету. Пары вдохновения! Так я их окрестила про себя. Вот, допустим, нам, студентам, преподносят фотографию. И из этой фотографии сходу мы должны родить историю. Включается бурная фантазия. Самые непредсказуемые сюжеты в ход!

Геннадий Николаевич похож на доброго дедушку-волшебника, седые волосы, пронзительный взгляд. Потенциал студента он видит сразу. Хочет, чтобы каждый думал, каждый давал свободу своему творчеству. Как-то раз Волшебник пустил по аудитории бумагу и попросил всех оставить на ней свой след. Кто-то нарисовал закорючку, кто-то оставил цитату. «Вот видите, какие вы все — разные, какой у вас может быть разный взгляд на одну и ту же задачу», — игриво посмотрел на нас Геннадий Николаевич. Так же и в жизни. Нельзя мести всех под одну гребенку, нужно давать возможность раскрыться каждому. Для этого и существует на свете творчество. Творите, господа!

Волшебству Геннадий Николаевич учился всю жизнь. Еще в молодости он работал журналистом в Алтайском крае, а снял более 40 фильмов! И на этом он не собирается останавливаться.

Геннадий Николаевич учится у Жизни, он повсюду собирает ее истории и рассказывает их другим, чтобы они тоже могли учиться. Но самый главный урок, который преподавал он лично мне — любая история должна быть цельной. Если есть хорошее начало или конец, этого мало. Должен быть и хороший конец,

и яркое начало, и сильная середина. Только тогда эта история будет прожита, пережита, изжита. И на листке, на экране, в жизни.

Знаю, что Геннадий Николаевич из тех людей, к кому можно обратиться за советом в любую секунду. И он не просто открестится от студента как от назойливой мухи, а действительно поможет. Ему лет уже немало, и он собирается уходить из университета. Грустно! Сколько талантливых студентов он воспитал! Некоторые, будучи уже взрослыми тетями и дядями, до сих пор звонят ему, интересуются его жизнью, здоровьем. «Мы с тобой все равно будем дружить. Не забывай меня, а я не забуду тебя!», — улыбается он глазами в ответ. Мне то доподлинно известно, что в душе ему — всегда 18.

Геннадий Николаевич, вы — самый добрый из всех волшебников.

СЕМЬЯ

Рыжая-рыжая конопатая, стриженная под мальчишку, с ослепительной улыбкой в тридцать два и соколиными глазами, сразу ухватывающими суть, это **Марина Шеина**. Главная неизменная и самая ценная ее черта — ответственность. На нее всегда можно положиться. Если сказала — сделает.

Гром среди ясного неба. Не умеет молчать, все про всех знает, журналист по призванию. В любой ситуации сумеет защитить себя и своих близких. Эта девушка с огненными волосами и пламенным характером — **Алина Имамова**.

Таинственный зеленоглазый взгляд. Мила, умна, находит повод для улыбки во всем. Любого выслушает, если нужно подбодрит, поддержит. Казалось бы, хрупкая девушка, но работать жаждет в горячих точках. **Наташа Шадрина**.

Вместе это трио — гремучая смесь. Особенно — на парах. Им всегда найдется, что обсудить, о чем перешепнуться. Будь то про учебу или про то, кто же будет готовить вечерний ужин. Тут, чтобы не мешать преподавателю, спор может разгореться на тетрадном листке.

Вместе живут они со второго курса (Марина с Натальей аж с первого). Своей крепкой дружбой они обязаны общежитию. Родом из разных мест, Невьянск, Камышлов, Верхняя Синячиха, здесь они приютились под одной крышей.

Пять лет (!) — рука об руку, нога в ногу. Подготовка к занятиям — вместе. Как говорится, одна голова — хорошо, а коллективный мозг — лучше. Подсказать, внести сомнения, покритиковать, исправить, помочь, сделать это проще,

когда рядом такой тыл из одноклассников, такая семья. Презентации, дебаты, защиты — втроем. Дни рождения, Новый Год — вместе.

Они и сами практически не заметили, как повзрослели. Я помню, как на первом курсе, Алина, бегала по общежитию в длинных шортах и просторной футболке — пацанка! Она бегала в гости, ко всем и каждому, и всюду, где бы ни была, сообщала футбольные новости. Вот же рьяный болельщик! А сейчас — солидная дама. В пиджаке или строгом платье, на каблучках, в очках, волосы собраны в пучок. Алина ныне серьезный человек, работает в ГТРК. Но футболу в душе верна, и, думаю, иногда, по вечерам, включая прямой эфир чемпионата, она превращается в ту неутомимую болельщицу-первокурсницу.

Марина Шеина выглядит человеком цельным. Видно: знает, чего хочет. Все у нее получается хорошо да ладно. По учебе — в передовиках, жизнерадостна и притягательна для друзей. Вроде бы все хорошо, но на душе беспокойно. Несколько лет она металась из стороны в сторону, успела попробовать многое, не зная, куда приложить свой бесконечный поток энергии. Прошла практику и на радио, и на ТВ, и в печати. И в театре играла, и в хоре пела, и на концерты «Курары» ходила. А потом в какой-то момент ее полностью захватил мир кино. Вот она пишет рецензии на фильмы Фестиваля документального кино «Россия», вот она уже встречает гостей фестиваля, готовит документы... И вот, Марина работает в кинокомпании «Снега». Уверена, она на этом не остановится. Может быть, решится снимать фильмы сама.

Наталья — отдушина коллектива. Если она улыбается — все у всех хорошо. Если состроила мину, сердится или злится, а еще хуже обижена — худо дело. К тому же она человек практичный, трезвый. Когда надо — приземлит. И внимательный, заботливый. А еще очень стойкий. И сильный. Любые неурядицы и невзгоды переживет с поднятой головой.

Мне кажется, они и дальше будут идти вместе по жизни. Дружить семьями, помогать друг другу, поддерживать друг друга. Университетская скамья — одно из самых сильных воспоминаний, которое может связать на всю оставшуюся жизнь. Ведь столько вместе прожито и пережито. Берегите себя, не потеряйте друг друга.

СБЫТЬСЯ

Дорогие абитуриенты.

Хочется сказать вам пару слов. Если вы только что окончили школу и сейчас думаете, что стоите перед выбором всей вашей жизни, бросьте эти думы. Страшно перед неизвестностью. Но страшнее потратить время драгоценной жизни впустую. Все может поменяться в любую секунду. Вы можете поступить в университет, даже на бюджет (если вы умны и приложили достаточно стараний, ничто не сможет вам помешать в этом), но первый курс может показать, что журналистика — не ваше. Вот просто не ваше, и все. Окажется, что вы просто любили писать свои мысли, впечатления, но это совсем не то, что требуется на факультете. Что делать?

Я бы на вашем месте не спешила и подумала. Не торопилась бы поступать в университет сразу после школы. Поработала бы волонтером, побольше узнала о разных профессиях и занятиях и искала бы себя. А уже тогда, когда бы пришла полная уверенность в том, что эта профессия — мое будущее, стала бы учиться. Старательно, потому что осознанно.

Так было и со мной. Я жаждала поступить на факультет и поступила. А начав учиться, поняла: не мое. Половина из той информации, что нам давали, казалась мне ненужной. Ну зачем мне математические формулы, утомительная медицина, занудная логика: я же творческий человек! Мне нужен просто листок и ручка, и целая Вселенная откроет в тот же миг передо мной свои двери. Если учеба воспринимается как борьба с самим собой, она превращается в тяжелое, порой непосильное ярмо. Казалось бы, простые задания, но рука не подымалась их сделать. Курс сменялся курсом, студенты становились старше, отношение к учебе менялось. Кто-то выбыл из игры навсегда, кто-то тоже вступил в борьбу с самим собой, а самые счастливые делали то, что велит им их душа. И смотреть на них — радость. У них горят глаза, они уверены в том, чем занимаются, они верны себе и своему делу.

Нет, я не жалею о времени, проведенном в университете. Восприятие мира, да и учебного процесса с возрастом поменялось. Пользу, урок для души и ума можно извлечь из каждой ситуации, что преподносит Жизнь. Университет — это ее своеобразная мини-модель, здесь своя иерархия, свои законы и вершители студенческих судеб. Здесь немало умных, хоро-

ших людей, которые с радостью помогут вам сориентироваться в дальнейшей жизни.

Ну вот, мои «пару слов» растянулись на несколько абзацев. То, чего я Вам, дорогие абитуриенты, желаю от всего сердца — это «сбыться», как сказал в своей книге «Цитадель» Антуан Де Сент Экзюпери. Сбыться или осуществиться — значит понять, кто же ты есть, что тебе в этой жизни нужно, к чему лежит твоя душа, и следовать зову своего сердца до конца. Когда вы будете выбирать дело своей жизни, отбросьте денежный фактор, мнения друзей и родителей, решайте сами. Самые счастливые люди — те, кто занимаются своим делом. Главное — думать об этом, не переставать искать, а решение может прийти в любую минуту.

Смирнова Екатерина

«МИР И СПРАВЕДЛИВОСТЬ», ИЛИ МОЯ ПРЕКРАСНАЯ МОНГОЛКА

Все началось с сущего пустяка — с поднятого платка или переданной ручки, уже трудно вспомнить — но вылился этот микропорыв в настоящую дружбу. Даже сейчас, когда Цээгий использует любую возможность, чтобы сбежать в Монголию к ребенку, хрупкая гармония сохраняется — гармония остается константой.

«Ты действуешь на меня умиротворяюще», — однажды сказала она мне, не сразу припомнив сложное русское слово. Это взаимно: все мои проблемы решаются, стоит мне оказаться в тенетном мире ее общежитской комнаты, где всегда накормят странной монгольской пищей — твердым молоком, о которое запросто можно сломать резцы, или, чего доброго, жареными огурцами. Так и сидим: едим жареные огурцы, обсуждаем последние новости или рассматриваем ее фотографии, на которых маленький пухлощекий мальчик изображен в самых разных позах и ситуациях: голенький и принаряженный, лохматый и только что помытый, что-то жующий или охотящийся за муравьем. Сына, кстати, она назвала Энха-Мгаланом, что в переводе с родного означает «Мир и справедливость» — показательно, поскольку стремление достичь этих благ зачастую определяет ее судьбу и поступки.

— Мне не нравится Екатеринбург, не нравятся мои одноклассники — слишком агрессивные, — говорит она мне.

— Что ты имеешь в виду? Хамят?

— Не хамят, но как будто с самого начала, еще не зная человека, желают ему недоброго. Когда речь на парах заходила о толерантности, все начинали кричать, как бешеные, и доказывать, почему некоторые люди, мигранты в том числе, ее недостойны. Я сидела, вжав голову в плечи, и переживала — интересно, они обо мне так же думают? Несправедливо!

Вжатая в плечи голова — частая для Цээгий поза, поскольку боится она всего, кроме физической боли. У монголов на каждую царапинку и шишку есть свой шаманский наговор, поэтому все заживает быстрее, чем на кошке.

Кстати, о кошках! Удивительно, но монголы, которых с трех лет учат ездить на лошади без седла, почему-то боятся главных героев всея Интернета. Едва завидев вдалеке моего томного котика, неторопливо вываливающего персиковый животик из кресла, Цээгий начинает волноваться, а ее движения становятся более порывистыми. Именно поэтому для сиделок мы выбираем ее комнату с «плачущими» обоями — плачущими, потому что потеки времени и пыли на их обесцвеченных узорах напоминают потеки туши на женских щеках.

На одной из «стен плача», прямо над столом радушной хозяйки, висит всего одна фотография в скромной деревянной рамке и со скромной композицией из трех душ — Цээгий, ее мужа и сына. На фотографии все трое странно серьезные и, несмотря на молодость, как будто заранее умудрены тяжким опытом — даже крохотный Энха-Мгалан с меланитовыми глазками, казалось бы, уже знает все о жизни горной и дольной. Хотя разве это странно для ребенка, которого зовут «Мир и Справедливость»?

Стремление к миру и справедливости — вот, что руководит Цээгий в поисках жизненного пути — за это я ее и люблю, а она всех любит просто так. От всей души желаю подруге дотянуться до этих двух неоспоримых благ и повторить в сыне свои лучшие черты, ибо Цээгий — это один из немногих людей, в ком я вообще не чувствую зла.

МУДРОСТЬ, ГОРДОСТЬ И БЕЗУМНЫЙ ПАРАД «СТРОВСКИЗМОВ»

Мне повезло и не повезло одновременно, когда я на собственном опыте обнаружила единственную слабость Дмитрия Леонидовича Стровского — женские слезы. Не повезло, ибо для того, чтобы довести меня до слезоиз-

вержения, были приложены все необходимые усилия, однако неоспоримый плюс заключался в том, что меня сразу же перестали мучить и быстренько отпустили самостоятельно укрощать стихию. Других слабостей у Дмитрия Леонидовича, казалось бы, и нет, а сила его заключена не в игле, а в колких репликах, которые я привыкла про себя называть «стровскизмами».

Полагаю, что для многих моих сокурсников последние два года университетской действительности всегда будут ассоциироваться с безумным парадом «стровскизмов», в котором почетные места занимают Иван Иванович Пупкин и Крыжополь об руку с Урюпинском. Крыжополь и Урюпинск — это заменители города N, те точки на карте, куда Дмитрию Леонидовичу хочется возвращаться снова и снова, так что, дети, — внимание! — будете плохо знать географию — свой «зачет по Стровскому» не получите!

Впрочем, когда дело касается зачетов, то в гораздо большей степени Дмитрий Леонидович ценит способность к смелым суждениям и поступкам, поскольку это свойственно, в первую очередь, ему самому. Он нередко становится первополосным героем, когда борется за свою честь и честь близких — например, в ходе своей тяжбы с разгневанным сквернословом Александром Пулиновичем или во время знаменитой голодовки 2009 года, когда он протестовал против решения городского департамента по образованию о ликвидации школы № 199, в которой учился сын Никита. «Голодовка — это ужасное состояние, отказываться добровольно от пищи в течение восемнадцати дней — крайне опасное занятие без подготовки, желудок сводит так, что дышать трудно. Но мне своими действиями хотелось сказать, что нельзя так просто взять и проехаться по людям катком», — воспоминания о событиях почти пятилетней давности до сих пор вызывают у Дмитрия Леонидовича благородное негодование.

Совсем недавно, в сентябре 2013 года, Дмитрий Стровский добавил в свой послужной список еще одно амплуа — он стал настоящим профессором дальнего плавания, войдя в преподавательский экипаж учебного корабля MT Explorer, курсирующего по всему миру в рамках учебного проекта «Семестр на море». Уральский профессор был привлечен университетом Вирджинии на маршруте между британским Саутгемптоном и Санкт-Петербургом и в течение недели консультировал иностранных студентов по вопросам культуры, исто-

рии, современной политики России и эволюции отечественных СМИ. Ну, и, конечно, он не мог не применить к ним свое экспериментальное «оружие» — пассажирам корабля почастливилось бегло изучить узловые моменты истории России XX века сквозь лупу песенной культуры... в «живом» исполнении преподавателя. Кстати говоря, на аналогичные лекции-концерты, которые Дмитрий Леонидович ежегодно устраивает для студентов четвертого курса, всегда выстраиваются очереди из выпускников, которым в свое время по разным причинам не довелось посетить уникальное действо — этот преподавательский маневр весьма популярен на журфаке, как и сам Дмитрий Леонидович.

Дмитрий Леонидович Стровский всегда остается одним из самых приятных и долгоиграющих воспоминаний о факультете журналистики УрФУ — не только благодаря содержательности его лекций, но и благодаря его стремлению помочь студентам решить самые главные вопросы. К ним, как известно, вовсе не относится история математики или принципы критики речи и литературного редактирования — Стровский ведет подготовку по нравственным вопросам, учит любить и быть любимыми, учит оставаться интересными и сохранять отношения с другими людьми в их романтической целостности, учит, наконец, гордости и самопожертвованию — зачастую на личном примере.

Знакомство с ним — это чуть больше, чем просто знакомство с преподавателем: это столкновение с гораздо более высоким наполнением бытия и быта. Выводы из этого столкновения каждый делает сам, а, главное, каждый сам решает, что с ними делать — можно, конечно, забыть совсем и остаться таким, как есть, а можно задуматься и начать меняться. Перемены в отдельных головах — это двигатель всей планеты, неизменными остаются только мудрость, гордость... ну, и безумный парад «стровскизм».

ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ. ВСКРЫТЬ ЧЕРЕЗ 150 ЛЕТ

Через 150 лет мир изменится до неузнаваемости, а сейчас он скучен и убог. Поэтому, дети, абитуриенты, вчерашние школьники, готовьтесь к этому заранее и не стройте иллюзий. Вы находитесь в цветущем возрасте, от которого нет никакой пользы, кроме искусственно увеличенного количества возможностей.

Это касается не только будущих «журфаке-ров», но всех моих потомков — живите так, как подсказывает текущий момент, не слушайте родителей, не пытайтесь подстроиться под окружающих — вам важнее стать не журналистом, поваром, плотником, а человеком. Если вы не чувствуете склонности к тому факультету и тем дисциплинам, которые выбрали, бросайте все это, не задумываясь, и бегите в Тибет. Не тратьте время, не жалейте нервы.

Если же вы не ошиблись в выборе, то беритесь за гуж, потому что журналистика — это не вздохи на скамейке и уж точно не вдохновенный полет пера под пение муз. При серьезном отношении к профессии, это настоящая каторга, которая не позволяет сделать лишний вдох — это удушливый бег внутри темной людской пещеры и тщетные попытки найти источник света или самому стать им. Вы неоднократно будете чувствовать глубокое разочарование и желание все бросить, потому что «вас не понимают» и потому что «вокруг одни идиоты» — пока до вас не дойдет, что главный идиот — это вы, раз решили взяться за воспитание общества и избрали для этого такой нелепый метод.

Впрочем, не пугайтесь так сильно, ибо одновременно со всем вышесказанным ничто не пробуждает такую бурю приятного волнения, как создание нового текста и как ожидание реакции на него со стороны аудитории. Это характерная особенность любого творческого занятия, а журналистика, безусловно, идет об руку с творчеством. Радостнее и важнее всего осознавать то, что журналисты, по большому счету, выступают в качестве новых летописцев и своим бойким стилем создают то понимание исторического момента, которое будет бытовать в будущем. Именно поэтому необходимо тысячу раз задать себе вопросы — хочу ли я этим заниматься? Достаточно ли я компетентен для роли летописца? Хватит ли у меня сил? Если ответы на все эти вопросы будут положительными — тогда журфак это твоя стихия, мой юный друг!

Суслова Александра

МУЗЫКА НАС СВЯЗАЛА

Помню, как я впервые увидела ее... Н-да, не так должен начинаться рассказ о подруге. Это уже что-то из романистики. Но тем не менее...

Я помню, как впервые увидела ее. В разноцветной пачке и с кучей косичек на голове. Сказать, что незнакомая девочка мне не понравилась — это ничего не сказать. С самой первой минуты она начала меня просто раздражать! В тот день я, как послушная дочь, поддалась на уговоры мамы «одеться попримечнее». И в итоге, на вступительных экзаменах появилась в простых джинсах и белой рубашке. Неординарную натуру во мне выдавали только ярко-красные волосы. А она, девочка в пачке, напротив, надела на себя все самое кричащее, совершенно не заботясь о мнении окружающих.

Это уже потом я узнала, что «приличие» на журфаке — понятие относительное, а свобода самовыражения приветствуется в любом виде. В тот же день я злилась на всех вокруг: на себя, на незнакомку с косичками и, самое главное, на маму, решившую поучить меня одеваться.

Первого сентября я вновь встретила одного из главных персонажей своих рассказов о поступлении — «девочку в пачке». Оказалось, ее зовут Даша Манина, и она учится со мной в одном потоке.

Первое впечатление, как ни крути, штука важная, именно поэтому, как мне кажется, до третьего курса мы с Дашей совсем не общались. Просто не возникало такого желания. Вот пишу сейчас этот текст, а свободной рукой на-

бираю Маниной смс: «Сис, ты помнишь, как мы с тобой общаться начали?» Я вот, признаться, не помню. Знаю только, что случилось это на почве музыки. Группы «30 Seconds to Mars», если быть совсем точной. Случайный разговор на «паре», и вот мы уже планируем совместную поездку в Америку, в шесть утра перед «парамии» «украшаем» городские стены триадами и считаем друг друга практически сестрами. Я в спортивном костюме и пижаме срываюсь к ней в гости в четыре утра, чтобы посмотреть прямую трансляцию из LA... Ох, сколько всего сразу вспоминается!

Тем временем мне приходит ответ: «А хз... неформальная семья», — лаконично и ровным счетом ничего не понятно. Но я улыбаюсь. Странноватая у нас дружба получается. Но в этом-то и весь смысл!

«СКОЛЬКО У ТЕБЯ?»

«А Рябова в интервью сказала, что двоечников любит даже больше, чем отличников. Потому что она нас всех лично знает и переживает за каждого», — не было на журфаке человека, который бы не слышал этой фразы. Она внушала обладателям «хвостов» гордость, а отличников, как мне кажется, немного расстраивала.

Честно признаюсь, сама я этого интервью никогда не видела. Больше того, нет никаких доказательств, что оно вообще существовало. Но, согласитесь, приятно думать, что тебя любит замдекана! Вот мы и думали.

Так уж сложилось, что в кабинете Татьяны Алексеевны я стала частым гостем. Еще на первом курсе в слезах пришла к ней писать заявление на отчисление, а через полчаса вышла в приподнятом настроении и с кучей хвостовок в руке. Строгая с виду Татьяна Алексеевна всегда может поддержать и успокоить студента. Мы, должники и двоечники, знаем это лучше других.

Конечно, бывают дни, когда показываться в деканате, откровенно говоря, страшно. Обычно — после летней сессии. Когда у тебя хвосты, а через пару дней должен выйти приказ об отчислении.

«Сколько у тебя?» — со вздохом спрашивает Татьяна Алексеевна, отрывая от ведомостей уставший взгляд. В конце июня у нее много посетителей, и все как один допытывают, отчислят их или нет.

«Была бы моя воля, я бы никого не отчисляла, вы же знаете. Но это не мы решаем. Надо

ждать пока выйдет приказ. Сдавайте пока все свои хвосты!» — обычно в конце этой фразы она улыбается. И вроде уже не так страшно становится. Понимаешь, пока не отчислят. А в сентябре-то ты уж точно все сдашь и возьмешься, наконец, за ум! И все мы знаем, чем это обычно заканчивается...

НЕТУ ЛУЧШЕ ФАКУЛЬТЕТА АПЕЛЬСИНОВОГО ЦВЕТА

Ближе к выпуску неизбежно начинаешь вспоминать свой первый курс. Кажется, только вчера мы все переживали на вступительных, а сегодня уже сдаем последнюю сессию и пишем выпускную работу. Я помню, как впервые увидела нашего декана — Бориса Николаевича. Это был день устного собеседования.

Середина июля. Утро. УрГУ им. А. М. Горького. Темный коридор четвертого этажа. На полу — протертый тысячами ног деревянный паркет, на стенах — калейдоскоп рисунков, студенческих газет и рекламных плакатов (уверена, до ремонта журфак был намного... душевнее что ли). В углу сиротливо пристроились театральные кресла, жесткие, у них еще сидение опускать нужно. Мы ждем своей очереди уже три часа. Желающих поступить — море. Жутко хочется спать и кушать (именно это состояние в процессе учебы для всех нас станет привычным). Сердце стучит уже где-то в желудке, а в голове идет напряженная работа. Каждый пытается вспомнить весь курс истории России, потому что, говорят, вопросы на эту тему за дверью 438-ой задают очень часто.

Измученные ожиданием студенты, кажется, никак не реагируют на то, что из деканата выходит главный человек на факультете — Борис Николаевич Лозовский. «Вы чего такие вялые!? — в шутку возмущается он так громко, что все мы тут же просыпаемся. — Что это такое! Где блеск в глазах, задор, молодцеватость?» — смеется декан.

Молодцеватость!? Да, это слово я запомнила на всю жизнь!

Немного поболтав со студентами, Борис Николаевич отправляется дальше по своим делам. А мы продолжаем ждать. Но уже не спим, а радостно обсуждаем произошедшее.

Какова же мораль? Зачем я вам все это рассказываю? Сама еще точно не знаю. Наверное, пытаюсь показать, что журфак — это факультет, которому под силу растормошить даже самого сонного студента, зарядить его позитивом и новыми идеями.

В завершение истории добавлю только одно: с того самого дня «молодцеватость», рекомендованная Борисом Николаевичем, стала неотъемлемой частью моего характера. И я об этом ни капельки не жалею!

Сыч Дарья

ЧЕЛОВЕК-НИРВАНА

Все началось с первого сентября — Дня знаний, на который я не попала. В свой первый учебный день я забыла студенческий билет. Поняла это, уже подходя к дверям университета. Было ужасно обидно. Вернулась только на следующий день, когда все организационные вопросы уже были решены. Узнав, в какую группу меня определили, я отыскала старосту и познакомилась с другими ребятами из нашей 103-ей. У нас была замечательная группа, но два человека мне особенно дороги. Это Вероника Мерзлякова и Альбина Хасаншина, она же — староста.

С Альбиной мы стали общаться близко после Дня первокурсника. Это была факультетская вечеринка, организовали ее в клубе «Нирвана». Что это за место, мы не знали. Почему-то решили ехать на автобусе, наивно думая, что сами найдем этот злосчастный клуб. Сверились с картой, попытались запомнить, куда нам направляться и отправились навстречу приключениям. Происходило все это в конце октября. Помню, на следующее утро выпал первый снег. Но для нас зима наступила на день раньше. Для этой вечеринки мы вырядились в летние платья, сверху накинули плащики. На ногах — туфли на высоких каблуках. Пометавшись с полчаса по безлюдным улицам Сортировки, мы заказали такси, и с горем пополам добрались наконец до «Нирваны».

Но тут оказалось, что название отнюдь не говорящее. Вместо нирваны нас ждала огромная очередь у входа. Радовало одно — почти все лица знакомые. Когда вся эта толпа попала внутрь, было жутко тесно. Но нас с Альбиной это не заботило — мы так долго ждали эту

вечеринку! Мы слышали, как на сцене проводили конкурсы. Уговаривали друг друга пойти туда:

— Ну все, пошли вместе, я одна боюсь!

— Да нас вдвоем не возьмут!

Мы так и не осмелились подняться на сцену, но это не помешало нам как следует повеселиться. Мы танцевали, пока совсем не обессилили.

Так началась наша дружба. И продолжается до сих пор. За эти пять лет мы почти сроднились: делимся сокровенным, часто ходим друг к другу в гости, а однажды я даже ездила в ее родной город Заинск, в Татарстан. Семья Альбины очень радушно встретила меня. В их доме царит атмосфера счастья и позитива, она передалась и мне. За те десять дней, что я гостила у Альбины, мы успели съездить в Казань и Набережные Челны. А ведь перед поездкой я долго сомневалась, стоит ли ехать. Сейчас даже представить не могу, что могла лишиться себя этих воспоминаний! Я очень рада, что встретила с Альбиной. В ней я нашла эту самую нирвану!

СПРАВЕДЛИВЫЙ НАСТАВНИК

Однажды мне надо было уйти с лекции за 20 минут до ее окончания. Я специально села возле двери, чтобы как можно незаметней покинуть аудиторию. И вот этот момент настал, я встаю и осторожно, как мышка, крадусь к выходу, как вдруг меня останавливает голос преподавателя, Ильи Викторовича Зиновьева:

— Девушка, а вы куда пошли?

Этот вопрос оказался настолько неожиданным, что я даже не сразу сообразила, что ответить. Пробурчала что-то невнятно, и незамедлительно получила ответ:

— Надо заранее предупреждать, перед «парой»!

Я вышла из аудитории и еще пару минут пребывала «в шоке». Сколько раз студенты уходили с «пар» пораньше, и никто никого никогда не останавливал. А меня отчитали за это! В общем, Илья Викторович показался мне очень строгим, а эта его борода придавала образу еще больше суровости. После этого случая я стала побаиваться его.

Вскоре после этого мне представился второй случай столкнуться с Ильей Викторовичем. Мое научная работа, это было наше семестровое задание, оказалась провальной. Надо было переделать. К слову сказать, это было только начало учебы (курс первый или второй), и за это время меня никогда не просили что-то

переделать. Потому я сразу заключила: дело не в моей работе, просто преподаватель очень строгий.

Дальше — больше. Через пару недель выяснилось, что этот преподаватель будет оценивать мою практику. Я жутко испугалась, когда увидела в списке руководителей летней производственной практики напротив своей фамилии «Зиновьев И. В.». Вплоть до осени меня не покидала мысль, что выше тройки за эту практику я не получу. Но к моему удивлению, я получила четверку.

Однако со следующей практикой было гораздо сложнее. Ее я проходила на том же канале, что и в предыдущем году, но в этот раз ударно поработать мне не удалось. Было много других практикантов, и меня, как самую опытную, отпускали на задания редко. Мол, надо дать возможность снять сюжеты новеньким.

В итоге к отчету о практике я наскребла пару сюжетов и несколько видеорядов. Помню, как стыдно было идти с этим к Илье Викторовичу, я была готова к чему-то неприятному. Однако он и в этот раз меня удивил. Он просто дал мне несколько дельных советов и внушил, что в следующий раз обязательно получится лучше. После этого Илья Викторович изменился в моих глазах. Он стал добрым и понимающим преподавателем, а теперь — и руководителем моего дипломного проекта.

ВЕК ЖИВИ — ВЕК УЧИТЬСЯ

Когда я поступала, у меня не было альтернативы. Я просто не нашла другого факультета, где могла бы учиться. И вообще, в течение этих пяти лет я думала об этом вопросе, но ответ так и не нашла.

Все решилось само собой: сначала была школа журналистики, после девятого класса пошли первые публикации. Стало интересно, захотелось заниматься этим профессионально. К тому же, до университета я занималась только печатной журналистикой, а хотелось поработать и на телевидении, чтобы быть универсальным специалистом.

Когда я говорила, кем буду работать, большинство, как правило, удивлялись и завидовали. «Наверно очень интересно! Каждый день что-то новое! Да вы и на месте то не сидите, не то, что офисные работники!». А все потому, что профессия наша совсем другого рода, творческого.

Сейчас, заканчивая журфак, я понимаю, что сделала правильный выбор. И если кто-то

сомневается, нужно ему это или нет, я скажу точно — нужно. Банально говорить, что здесь очень интересно, но это так. Помню эту эйфорию от первых лекций. Вчерашняя школьница, я с головой окунулась в мир журналистики. За эти пять лет я прочитала «тонны» зарубежной и отечественной литературы, прошла несколько производственных практик. Кстати, именно во время практики понимаешь, журналистика — это «твое» или нет. И если «да», то уже после первого курса ты имеешь хорошее представление о будущей профессии. Главное, можешь начать работать параллельно с учебой.

Так что, если вы все-таки решили пойти по нашему пути, то вам потребуется терпение и упорство, а также ответственность. Помните о том, что самое главное — это вовремя сдавать зачеты и экзамены. А если сдать сразу не удалось, то вовремя пересдавать. А мне остается только пожелать вам удачи.

Тарбеева Анастасия

ЧАЕПИТИЕ У ШЛЯПНИКА

*Стоит посмотреть на этих нормальных ребят
и на эту слегка чокнутую леди,
и сразу хочется пару раз стукнуться головой
о ближайшее дерево, для полной уверенности,
что меня никто никогда не вылечит,
потому как наше безумие — отличная штука.
Макс Фрай, Лабиринты Эхо.*

Наше безумие началось еще в очереди на собеседование. Ожидание длинной в три часа творило чудеса, и постепенно все ребята в очереди стали чуть ли не родными братьями и сестрами. Она запомнилась мне как «гостья» — неместная девушка с задорным характером. Я запомнилась ей как девушка с красными губами и в красной кофте (безумие — в тот день я была в белой кофте и вовсе не с красными губами). В сентябре мы встретились вновь. Нашли друг друга глазами и, не сговариваясь (молчаливый диалог ведь не считается?), сели за одну парту. Так, за одной партой, рядом по жизни мы и провели пять лет.

Теперь мы даже живем рядом: нас разделяют какие-то сотни метров — пара домов. Мы мыслим одинаково. Мы слушаем одну музыку, читаем одни книги. Живем одним делом — журналистикой. Мы — братья по разуму и сестры по оружию. За эти пять лет чего только не было: и обиды, и смех, и общие переживания. Была поддержка длинной в километры слов и джоули тепла. Были десятки смс: «Ты опять проспала?» И десятки ответов: «Да, опоздаю,

займи мне место, пожалуйста», «Да, не приду. Дашь лекции?» Были сотни слов, но каждое из них дорого до сих пор. У меня все еще лежат ее рисунки, у нее, уверена, все еще хранятся мои.

Пять лет для безумия — лишь начало болезни. Безумие потенциально не излечимо. Да мы и не хотим лечиться: нам нравится наш мир, который мы создали своими руками. Я уверена, что еще через пять лет я вполне смогу подписаться под каждым из этих слов. Ведь мы еще не раз встретимся на безумном чаепитии у сумасшедшего Шляпника.

НЕ ОБЕЩАЛА ВЕРНУТЬСЯ, НО ВЕРНУЛАСЬ

Примерно, месяц назад на факультете я столкнулась с потрясающей женщиной. И не поверила своим глазам. Это ведь не может быть она?! Она же уехала из Екатеринбурга несколько лет назад. Или все же может? Вдруг она ненадолго вернулась в город, решила «постальгировать» и зашла в родной университет?

Ответов на свои вопросы я тогда не нашла: слишком торопилась на «пару». А потом как-то и забылось. Но через несколько дней одна из студенток залетела в аудиторию с громким криком: «Любовь Анатольевна Третьякова вернулась!» И все же она.

Впервые с Любовью Анатольевной мы познакомились на первом курсе. Она читала лекции по «Информационным жанрам». Сильная, властная, строгая женщина произвела тогда на меня просто неизгладимое впечатление. Она завораживала. Вызывала уважение. И одновременно злость. Она заставляла работать. И не заставляла, но уже хотелось сделать что-то самому. Она была настолько прекрасной в своем сарказме, что я поняла — это оно! Это мой куратор практики.

Именно благодаря ее предмету я впервые попала в редакцию «Вечернего Екатеринбурга» и познакомилась с Николаем Владимировичем Королевым, которого я до сих пор считаю своим первым и главным наставником. Именно благодаря Любви Анатольевне я познакомилась с Юлией Трапезниковой — редактором журнала «Товарный рынок», в котором потом проработала с огромным удовольствием два года. И именно благодаря Любви Анатольевне я усвоила уроки журналистики, которые не стерлись из памяти и спустя пять лет. И я боюсь, что уже не уйдут никогда.

Помню, как, разбирая один из материалов моей практики, Любовь Анатольевна вскрик-

нула: «Ты кого пытаешься выставить идиотом: его (героя материала) или себя?! Следи и за его речью тоже».

И мне никогда не забыть, как, уходя с багажом знаний из кабинета, где обосновалась Любовь Анатольевна, она сказала мне: «Прощай, зайчик». Плохо, что попрощаться пришлось на четыре года. Хорошо, что, не пообещав вернуться, она вернулась. Ведь и у нынешних журналистов теперь будет самая прекрасная, строгая, но справедливая, твердая, но мягкая внутри преподавательница.

ТЕАТР АБСУРДА

Журфак — это театра абсурда. То здесь, тот там можно услышать фразы, которые ни у одного здорового человека в одну картинку не сложатся.

— Ты мясо сделал?

— Конечно, а то как же!

— Я сегодня успел только рыбу собрать....

— У-у-у, так вам до финала еще далеко.

— Он мне мешает.

— Так спусти его в подвал.

— Вы где сегодня?

— ММР в СМИ на КСЕ.

Однако не спешите убежать из этого странного места. Прислушайтесь. Всего четыре года, и вы станете мастерами. Слушайте, услышите голоса «древних», нашептывающих тайные знания. Почувствуйте кожей этот мир, проникните в него всем своим разумом. Откройте себя людям, знаниям, технологиям.

Изучите язык аборигенов, слейтесь с местным населением. Четыре года — и вы сможете выйти в большой мир. Мир, где теперь вы сможете понимать причинно-следственные связи. Мир, где вы точно найдете аналог в мировой литературе. Мир, который откроется вам с совершенно неожиданной стороны.

Посвятите себя журналистике и вы ни на секунду не пожалеете об этом. Ведь журналистика подарит вам множество новых знакомств, постоянные встречи, театры, семинары, выставки. Она подарит вам с десятков хороших друзей. Она подарит вам эмоции.

Подарите и вы ей что-нибудь. Подарите ей себя.

Тренина Алена

ПЕРВОЕ ЛИЦО ФАКУЛЬТЕТА

Когда-то на первом курсе нам задавали работу — написать портретную зарисовку о друге или преподавателе и сохранить ее до пятого курса. А потом открыть и почитать. Моя первая портретная зарисовка, конечно же, была о первом человеке факультета. Совсем недавно моя зарисовка нашлась, и мне действительно было очень интересно снова перечитать. Приведу ее в том виде, в котором она была написана четыре года назад.

«Этого человека знают не только на факультете журналистики, но и далеко за его пределами. О нем шутят ребята, его по-отечески любят девочки, некоторые его боятся, и все, без исключения, им восхищаются. Бросив, как обычно, лаконичное “здрасьте”, мужчина в коричневом пиджаке спускается по лестнице с четвертого этажа университета. Строгий взгляд, опущенные уголки губ и суровое выражение лица, редко изменяемое эмоциями — внешний вид выдает в нем человека сдержанного, серьезного, мудрого.

Он не любит давать интервью и не болтает попусту, потому что, как профессиональный журналист, знает цену каждому слову, предпочитая ему дело. Я вспоминаю свою первую встречу с ним, это было на организационном собрании перед творческим конкурсом для поступления на журфак. Бывает, иногда долго не можешь понять, нравится тебе человек, или нет. Но этот преподаватель мгновенно и однозначно расположил к себе манерой разговора, обилием уместных шуток, краткостью и четкостью излагаемой мысли. Он с легкостью завоевывает внимание публики, никогда не бывает скучным и неинтересным, всегда может под-

твердить свои слова множеством примеров и интересных историй из личной практики.

Как выяснилось недавно, он еще и отменный кулинар и может приготовить не только «газетную», но и настоящую утку».

Конечно же, все поняли, кого я тогда имела в виду. Борис Николаевич Лозовский за годы нашего обучения нисколько не поменялся, даже не постарел совсем. Мы же все, в том числе благодаря ему, за пять лет изменились очень сильно. Надеюсь, еще много десятилетий все будет оставаться именно так.

САМЫЙ ДРУЖНЫЙ КУРС

Университетские годы дали мне бесценный опыт общения и огромное количество интересных людей в окружении — друзья, коллеги, преподаватели. Среди них университетские друзья, конечно, занимают особое место.

Как будто только вчера собрались мы на своеобразное знакомство с группой в Харитоновском саду. Помню, большинство людей тогда уже запросто общались между собой, потому что почти все ходили на подготовительные курсы. Я же не знала никого.

По характеру своему в новых компаниях я очень медленно схожусь с людьми, поэтому знакомства завести не успела даже во время творческого конкурса. Сначала мне было приятно видеть в нашей группе если не знакомых людей, то хоть какие-то знакомые лица — огненно-рыжую Алину, которую я запомнила еще с творческого конкурса, на который она приходила с таким же огненно-рыжим братом и Веронику с фотоаппаратом, которую я тоже запомнила с творческого конкурса по ее фото-портфолио. Потом я познакомилась с Дашей Козачок, смех которой, пожалуй, до сих пор помнят местные «харитоновские» птицы. Домой оттуда мы поехали вместе с Юлей, потому что, как оказалось, мы жили в одной стороне, а город я до сих пор знала очень плохо. После этого дня мы с Юлей постепенно стали ездить вместе не только из университета, но и на все пары.

А помните, как на младших курсах нас считали самой сплоченной группой? В то время как другие группы разбивались на компании и стремились быть ближе к старшекурсникам, мы все праздники всегда отмечали вместе, почти полным составом. Конечно, со временем эти традиции немножко забылись, многие выросли и более четко определили свои интересы, внутри нашей группы тоже сформировались

свои компании. Но я продолжаю считать нас самым сплоченным и дружным коллективом, потому что мы все так же хорошо общаемся друг с другом и, я уверена, вспомним все самые лучшие моменты нашего студенчества на своем выпускном вечере.

Я надеюсь, что окончание учебы не станет причиной потери тех связей, которые сложились у нас. Конечно, с большинством группы я буду регулярно видаться и всячески пересекаться в дальнейшем, такая уж у нас профессия. Но, знаете, я не хочу, чтобы мы стали теми людьми, которые перебрасываются лишь парой слов о работе и обращаются друг к другу только за тем, чтобы попросить диктофонную запись или поделиться контактами. Я очень хочу, чтобы мы хотя бы изредка собирались вместе, вспоминали студенчество, делились новыми впечатлениями, обсуждали все, что волнует нас в этот момент.

ИЗУЧАЙТЕ СВОИ ИНТЕРЕСЫ

Что я могу сказать абитуриентам? Ведь еще вчера я сама стояла в холле УрГУ со своими документами и думала, на какие факультеты подавать документы, но не успела оглянуться, как уже заканчиваю этот вуз. Сейчас я вижу свое поступление на факультет журналистики как череду счастливых случайностей. Так что давайте лучше расскажу вам историю...

Начнем с того, что я родилась в Шадринске — городке на 70 тыс. жителей в Курганской области. Перспектив с образованием там, конечно, никаких. Единственный государственный вуз — пединститут — (а учителем я хотела быть меньше всего) и пара филиалов Москвы и регионов, в которых, если регулярно оплачивать учебу и нагружать «сверху», можно вообще не появляться и закончить на «отлично» очное отделение. Я думаю, такая перспектива стоит перед многими абитуриентами из регионов. Главное — сделать первый шаг и не бояться идти дальше того, что готовит тебе родной город. Когда встал выбор, куда нести окаянные результаты ЕГЭ для поступления, я сказала: «Екатеринбург!» — просто потому что мне нравился этот город.

Стою я, значит, в этом холле УрГУ и думаю, что мне делать. Рядом кипит мама, терпеливо ждет в машине папа. За день это был третий екатеринбургский вуз, в который мы приехали и второй, куда подавали документы (вообще, мама очень хотела, чтобы я пошла в УрАГС, поэтому первым делом мы отдали документы

туда). Я оказалась перед веселой и располагающей к себе Мариной Николаевной, рассказывающей мне о прелестях поступления на журфак. Когда я уже почти согласилась подать сюда документы как на приоритетный факультет, она добавила, что обязательно нужно будет приехать в университет в июле еще раз для сдачи творческого конкурса. И вот в этот момент я чуть не совершила самую большую ошибку в жизни! Как только выпускные экзамены позади, не очень-то хочется куда-то ехать летом и сдавать еще одни.

Спасибо маме, которая не позволила мне дать задний ход и убедила, что ничего страшного в этом нет. Я махнула рукой и согласилась, подумав, что буду решать проблемы по мере их поступления (да и в УрАГС не хотелось).

Как-то днем в августе меня разбудил звонок из деканата. Мне сказали, что я прошла на бюджет — так и решилось, какой специальности буду учиться. Радости мамы не было предела, ведь я поступила в такой престижный и уважаемый вуз. А вот я почему-то чувствовала себя спокойно: в глубине души знала, что поступлю именно сюда. Стоит сказать, что творческий конкурс сдавала не с «пустого места». Чтобы подтянуть мой русский и литературу перед ЕГЭ, мама (опять же, спасибо ей) записала меня на курсы в вышеупомянутый пединститут, где я познакомилась с редактором газеты «Шадринский Курьер» Валентиной Вишневской (выпускницей УрГУ). Благодаря этому знакомству к творческому конкурсу я уже имела несколько публикаций в газете. Чуть раньше в школе меня попросили заняться давно существовавшей, но плохо работавшей школьной газетой. Так я сдала творческий конкурс.

Оглядываясь на то время, я порой думаю, что случайно подготовленное портфолио для творческого конкурса и случайно сданные на высокий балл ЕГЭ по русскому языку и литературе помогли мне поступить на случайно выбранный факультет. Но случайностей не бывает. Наверное, то, что я сдала хорошо именно эти предметы и набрала необходимое количество практики, говорит: это было мне интересно с самого начала, только я не прислушалась к себе и потратила год времени, силы, деньги на репетитора для подготовки к еще двум, казалось, лишним предметам. Так что, ребята, дерзайте! Изучайте себя, ищите возможности, прислушивайтесь к способностям и не теряйте время зря. После школы оно летит очень быстро!

Фризен Вероника

ПАРА СЛОВ О ДРУЖБЕ НА «ВЫ»

*Человек есть нечто, что должно превзойти.
Фридрих Ницше.*

На четвертом курсе в нашем расписании обнаружился загадочный предмет «религиоведение». Загадочен он был тем, что половину семестра его просто не было. На первой лекции в ноябре появилась усталая дама, присела за преподавательский стол в 438 аудитории и тихим голосом, недолетающим даже до вторых парт, начала вещать. Что именно она вещала, для большинства из нас осталась загадкой, но в конце своего выступления она сказала, что следующее занятие будет вести другой человек.

Через неделю мы познакомились с Глебом Памировичем, магистрантом философского факультета, на которого усталая дама переложила обязанность просветить нас в религиоведческом плане.

Сконфуженный интеллигентный мальчик бодрился перед невнимательной аудиторией, пытался докричаться до последних парт, чертил на доске схемы, показывал презентации и... через игнор добивался нашего внимания, подкупал стараниями и увлеченным рассказом.

Ребята нашли его профиль Вконтакте, показывали друг-другу старые снимки, где он — не теперешний образцовый преподаватель, а обладатель длинных волос и хипарской наружности. Зачетные работы он тоже принимал через социальную сеть, ко всем обращаясь на «Вы» даже при простой переписке. Там мы и разговорились, после того, как он попросил меня, старосту, рассказать ребятам об оценках. Прообщавшись интенсивно несколько дней,

я решила пригласить его в кино. Это было не рядовое посещение кинотеатра, а фильм в мой День рождения. Я звала многих, пришли только трое, в их числе Глеб Памирович.

С тех пор мы дружим. Сначала я пыталась перевести наше общение на «ты», ведь разница в возрасте у нас совсем небольшая, но он сказал, что ему нравится уважительное обращение, и мы так и остались на «Вы».

Он помог мне подготовиться к экзамену по истории философии: четыре с половиной часа увлекательно объяснял мне суть воззрений Хайдеггера; он бы еще объяснял, если бы я не начала жаловаться на кашу в голове. Он один из немногих поддержал меня в самый страшный период моей жизни, когда казалось, что рухнуло все. Он писал-писал мне ночи напролет, давая понять, что есть вещи неизменные, например «Вы» с той стороны монитора.

Его энтузиазм и любовь к знанию всегда вдохновляют и восхищают меня. Сейчас по пятницам он собирает всех желающих изучать «философский немецкий». Это как обычный немецкий: алфавит, правила чтения, простые конструкции, только на примерах текстов немецких философов. Он сам это придумал и теперь воплощает. А еще Глеб Памирович мечтает о собственном институте философии, где все обучение проходило бы в беседах (как это было в античности). Я почти уверена, что он сможет воплотить свою мечту, и в этом институте все будут обращаться друг к другу на «Вы».

КОГДА НЕ ПИШЕТСЯ НИ О КОМ, КРОМЕ НЕЕ...

*Женской дружбы не бывает.
Народная мудрость.*

На моем столе горка скомканных листочков, а на ноутбуке файлы с текстами, которые никто не увидит. Здесь может быть написано, конечно, только о ней.

Должна признаться, я не умею дружить с девочками, подружки всегда вызывали у меня некоторое недоумение. Так или иначе, долгой дружбы я ни с кем не водила. Исключением стала только она — моя Ксюша Звягина (не путать с Ксенией Бугровой — о ней здесь речи не будет).

Любовь «по умолчанию»

Казалось, что она любит весь мир и никому не отказывает в понимании. Помню, на первом курсе ей в руки попался мой текст, где я говорила, что могла бы назвать ее другом. Она тогда искренне возмутилась: «Мы ведь и так друзья!

Ты разве не уверена?». А я никогда не была уверена, наверно, именно поэтому мы так долго «продержались» вместе. Гораздо позже я поняла, что такая безоговорочная любовь ко всем и каждому — Ксюшина «настройка по умолчанию», но долгое время казалось, что это какое-то притворство.

Генератор тепла

Сомнения развеялись, когда я познакомилась с ее семьей. Ксюшины «бабуля» и «дедуля» встретили меня — незнакомую им девочку — объятьями и словами «наша дорогая девочка приехала». После этого я поняла, откуда у моей новой подруги такая безоговорочная любовь ко всем окружающим. Стало ясно, откуда все эти «обнимашки», «целовашки» и душевная теплота, которой она так легко делилась.

Мотивация и кипишливость

Ксюша всегда очень серьезно относилась к учебе. Если моей стратегией всегда было дотянуть до последнего, а потом все по-быстрому сделать, то она начинала нервничать за полгода до сдачи курсовой, за месяц до сессии и за две недели до зачета. И сначала это жутко раздражало, но потом стало мотивировать готовиться и учить все заранее. Иногда Ксюша составляла мне в этом компанию.

Кое-что о том самом...

Не думаю, что наша дружба продолжится за стенами университета, но я бесконечно благодарна журфаку за то, что познакомил нас, а Ксюше, за все то тепло, которым ты делилась.

МОЯ ОРАНЖЕВАЯ ПОЛОСА

*Геология — не настоящая наука.
Шелдон Купер.*

Я думаю, что люди на нашем факультете делятся на две категории: первые, пришли сюда из любви к профессии; другие — чтобы дать себе время. Эти категории не статичны, существуют перебежчики: кто-то разочаровался в журналистике, кто-то, наоборот, проникся ею; одни бросали учебу, другие решили завершить начатое. Но всем в равной степени журфак дал шанс стать профессионалом, научиться настоящему творчеству. И это лучшее из всего, что могло быть.

Мне факультет дал в первую очередь отсрочку... Нет, я не парень, и армия мне не грозила. Дело в том, что выбирать что-то конкретное сразу после школы мне не хотелось, но приличия требовали, чтобы я куда-то поступила. Пять лет назад я рассудила так: нужно место,

где можно получить вполне себе реальную профессию (филология с философией отпадали), где программа будет максимально обширной и разнообразной (не педагогика или туризм), чтоб было не скучно (не политология и экономика), чтоб учиться бесплатно (не реклама). И таким образом я попала на журфак. С журналистикой была знакома не понаслышке и рассудила, что это именно то, что нужно.

Не уверена, что моя дальнейшая жизнь будет связана с этой профессией, но факультет дал мне неоценимый опыт и знания, на основе которых я буду продолжать свое образование. Журфак стал оранжевой полосой моей жизни: продлил мое беззаботное детство, отсрочил время действительно серьезного выбора, помог повзрослеть, за это я очень благодарна.

Хамзин Артур

КАЖДЫЙ ЧТО-ТО ДАЛ...

Что сказать о преподавателях. Многое как-то и забылось в процессе учебы. Я просто скажу то, что больше всего запомнилось.

Запомнилась **Мария Федоровна Попова**. Ее знают все. Это душевнейший человек, и она никогда не откажет, если нужна помощь. Мария Федоровна очень много занимается первокурсниками, да и старших не обделяет своим вниманием. К ней всегда можно подойти с просьбой.

Валерий Михайлович Амиров. Профессионал в своем деле (и руководитель по диплому, к которому мне сейчас стыдно придти без каких-либо дополнений к уже написанному). У Валерия Михайловича одна из интереснейших дисциплин за весь период обучения, и лекции читает он крайне увлекательно.

Рафаиль Лутфулович Исхаков когда-то затянул меня в Студенческое научное общество. Мы проводили много времени на студенческих чтениях, где защищаются курсовые. Полезно, зачастую интересно, но, к сожалению, не всегда.

Юрий Владимирович Чемякин. Об этом человеке только положительные воспоминания. Он принимал у меня вступительные экзамены, проводил собеседование. Хорошо с ним общались на протяжении всего периода учебы. Он первый преподаватель, поинтересовавшийся моей сдачей госэкзамена.

Нельзя не вспомнить **Дмитрия Леонидовича Стровского**. Он серьезный специалист в PR, имиджологии и отечественной журналистике. Сдать ему порой — проблема, но потому-то сложно забыть материал с его курсов. Пообщаться с Дмитрием Леонидовичем всегда при-

ятно. Также он постоянно старается организовывать встречи с иностранными специалистами разных областей: журналистики, социологии, PR и других.

Еще был **Юрий Викторович Казарин**, и его забыть сложно. Веселые и полезные лекции. Думаю, сокурсники поняли и моментально вспомнили все о нем.

На самом деле куча воспоминаний, но чтобы все описать, потребуется вечность. Я остановлюсь на сказанном. Хочется поблагодарить всех преподавателей за то, что дали нам.

Особенная благодарность, хоть и не преподавателю, но человеку, который всех держит на факультете «в форме» и заставляет нас как то двигаться и учиться — **Татьяне Алексеевне Рябовой**. Татьяна Алексеевна, большое спасибо вам.

Трудно сказать, пересекутся ли в будущем наши дороги. Жизнь покажет. Всем преподавателям удачи, здоровья и терпения на таких студентов, как я. Спасибо вам.

БУДЕТ ЧТО ВСПОМНИТЬ

Журфак обладает своим шармом. Нельзя точно сказать, кто или что создает здесь такую атмосферу. В основном, наверное, люди, с которыми вы учитесь. В этом плане мне повезло. Сложно говорить за выпускники ушедших лет, но на сегодня я рад учащимся со мной людям. Многие за это время выпустились, в частности, курс ММР, поступавший вместе с нами, некоторые ушли сами, а некоторые отчислены. Не хотелось бы выделять кого-то из общего числа, но все-таки отмечу нескольких.

Дмитрий Комаров. Совершенно неординарный человек, которого не опишешь в двух словах «актер, журналист». Очень целеустремленный. Мы проучились с ним пять лет, и могу описать его как совершенно уникального человека. С ним мы еще с первого курса начали хорошо общаться. Я очень рад, что познакомился с ним, потому что я могу охарактеризовать его только с положительной стороны. Он умеет правильно распределять свое время. Умудряется и много работать, и отдыхать. Я вспоминаю, как мы праздновали Новый год вместе, как ходили в университетский тренажерный зал и многое другое.

Вероника Фризен. Она тоже особенная. Что-то есть в ее характере, и оно притягивает людей. Занимается фотографией. Нравятся ее снимки. Очень жизнерадостная. Достаточно серьезно подходит к любому делу. Наше обще-

ние началось не на первом курсе, но сейчас я, наверное, не вспомню на каком.

Андрей Мохов. С ним мы провели много времени за совместной подготовкой к экзаменам, и не только. Знатный оператор. Хочется немного бреда вперемешку с юмором? Добро пожаловать! Сложно описать все, что делали вместе, и это касается не только Андрея, но также и остальных. Все это время проведено с большим удовольствием.

Александр Патрушев. Ну, тут можно сказать одно — это Саша. Поток энергии, вечно бушующий фонтан энтузиазма. Он крайне энергичен, легок на подъем. Может сказать что-то дико смешное, что точно запомнится и привяжется на пару недель. Тоже нередко вместе готовились к экзаменам.

Можно было бы описать еще очень много людей, но этот список почти бесконечен, да и к тому же всего и не упомнишь. Желаю всем удачи и очень хотелось бы не ограничиваться общением в течение учебы. Уверен, что продолжим общаться и в дальнейшем.

НЕЛЕГКИЙ ВЫБОР

Доброго времени суток всем абитуриентам. Говорят, что вам предстоит нелегкий выбор профессии, на самом же деле все проще. Ничего сложного в этом нет, вы просто должны выбрать то, что вам нравится, и развиваться в этом направлении. К тому же поступление не ставит крест на других интересах

Если вы ждете каких-то слов и пустых аргументов, которые рекомендуют поступление на факультет журналистики, то зря. Все зависит от того, что вы хотите получить, чего вы ожидаете от него? После этого факультета вам будет проще работать в СМИ, и это поможет, если вы собираетесь работать в социально или политической сфере журналистики.

Никто не сделает за вас выбор. При этом вы сами не должны ориентироваться только на теоретический интерес. Важно, чтоб вы испытали себя на практике, ощутили, насколько вам это нравится. Многие идут сюда с конкретной целью — работать где-то в определенном месте, но диплом журналиста вам не гарантирует этого, как и любой другой диплом. Это уже является делом вашей личной целеустремленности. Вы должны понимать свою работу. Это, конечно, тоже не гарантирует вам успех, но вам точно будет проще работать.

Мое личное напутствие вам: пробуйте, без этого никуда.

Хасаншина Альбина

С КОГО НАЧИНАЕТСЯ МОЯ ЖУРНАЛИСТИКА

— Что за мода в вашей группе, выходя отвечать, не брать с собой зачетную книжку? — возмущается преподаватель.

— Это плохая примета: ложить на стол преподавателю зачетную книжку — экзамен не сдашь, — объясняю я.

— Это что еще за «ложишь»? — на меня обращается испепеляющий взгляд, — Хасаншина, лучше уйди с глаз моих, пока я не передумал тебе поставить зачет!

Чтобы не сделать еще какую-нибудь оплошность, я спешу удалиться из аудитории, благо «зачет» уже есть.

У каждого студента есть такой преподаватель, общение с которым оставило в памяти неизгладимый отпечаток. Впечатление это может быть как положительным, так и отрицательным. Наверное, кто-то больше других запомнил строгих лекторов. Я же хочу рассказать о другом преподавателе. При мысли о нем у меня не тряслись судорожно коленки и не вылетал из головы весь экзаменационный материал. Наоборот, воспоминания о нем вызывают на моем лице только улыбку. Этот преподаватель — Роман Валерьевич Краснов. Те, кто еще только поступил на факультет журналистики, его, наверное, и не знают, во всяком случае, как преподавателя, потому что года три назад он сменил род деятельности.

Мое же знакомство с ним началось еще на вступительных экзаменах. На собеседовании Роман Валерьевич задавал мне вопросы об ис-

тории России, о журналистике. А в первом семестре моей группе посчастливилось познакомиться с ним на дисциплине «Технология работы журналиста». Этот предмет занял почетную первую строчку в моей зачетке. Именно Роман Валерьевич поставил мне первое «отлично». Эта оценка дала мне стимул и дальше учиться на одни пятерки (правда, этот настрой пропал сразу после экзамена по Отечественной истории, который принимал Алексей Валерьевич Антошин).

Благодаря Роману Валерьевичу и его предмету я познакомилась с методами и приемами журналистской работы. За полгода преподавания в нашей группе он на многое закрывал глаза — и на перешептывания, и на то, что мы красились, сидя за первой партой, и на мои ошибки в словах «класть-ложить». Учил верно распознавать жанры журналистики, когда мы путались. Немного жаль, что наше общение так скоро закончилось. Я очень рада, что моя учеба на факультете журналистики началась с лекций такого замечательного преподавателя, как Роман Валерьевич.

«МАША ПОПОВА. ЧТО ЖЕ В НЕЙ ТАКОГО?»

Эти слова в последнее время я слышу чаще, чем припевы ее любимых песен. От нее самой. От Маши Поповой. Сама придумала — сама напела. И действительно, что же в ней такого? Талант, ум, красота, оригинальность, спокойствие, стремление к цели, любовь к жизни, — вот что. Да, и длинные густые волосы. А что меня с ней связывает? Большая дружба, которая началась со студенческой скамьи.

Первый раз я увидела Машу (именно Машу, а не Марию — она не любит, когда ее так называют, лучше по-простому — Маша), когда подавала документы в УрГУ. Серьезная, неприступная девочка в желтом плаще — мое первое впечатление о ней. Потом — Первое сентября. По принципу «орел или решка» выбирали, кто будет старостой в нашей группе — я или она. А что самое интересное — тогда я была уверена в том, что нас будет связывать только учеба в одной группе. Но все оказалось совсем иначе.

Нас связывает много приятных и смешных моментов. Вместе сбегали с «пар», сдавали друг за друга зачеты, писали работы и прикрывали друг друга. Работали в сессию, вместо того, чтобы готовиться к предстоящим экзаменам. Отрабатывали прогулы по физкультуре, и довольные собой, шли есть пиццу в «Pizza Mia». И пели песни под настроение. Помню, в дожд-

ливый день вышли из университета и затянули: «о-о-осень, осень..» Теперь смех пробирает, когда вспоминаем наши музыкальные потуги. А сколько слез было пролито! Но плакали мы не от горя, это были слезы от безудержного смеха, который достигал нас в самый неподходящий момент.

Теперь, оглядываясь назад, с улыбкой вспоминаю свои студенческие годы и дружбу с Машей. Наша дружба, крепкая и нерушимая, не ограничивается только университетом, она перенесла на своих плечах не одно событие, столько историй было — хоть книгу пиши! Знаете, когда долго общаешься с человеком, начинаешь перенимать его манеры поведения, общения с другими людьми. Так и я иногда замечаю за собой, что говорю с ее интонациями, а в ее речи иногда проскакивает мое слово-паразит «уж».

А недавно она с грустью и надеждой в глазах спросила у меня: «А когда мы закончим учиться, ты же будешь приезжать ко мне в гости?» Конечно, буду! Но это будет уже совсем другая история.

ЕСЛИ ТЫ НЕ «ТЕХНАРЬ», ТОГДА ТЕБЕ К НАМ!

От многих студентов университета вы можете услышать, что на журфаке учиться легко и интересно. В какой-то мере, это действительно так.

У нас тут не нужно делать сложных математических вычислений. К второму-третьему курсу вы вообще забудете, как решать элементарные алгебраические примеры и геометрические задачи, и что такое логарифмы, и что делить на ноль нельзя (или можно?). Хотя дисциплина под названием «Математика» в расписании нервишки вам пощекочет.

На журфаке нет химии и физики, поэтому вам не придется задумываться над вопросами типа: а что будет, если в этой пробирке я смешаю этот элемент и этот? А не взорвется ли весь университет? У нас нет биологии и анатомии, а значит, в первую сессию вам не придется идти в морг и рассматривать человеческие внутренности, дабы узнать, что и где находится.

Зато у нас много литературы, как отечественной, так и зарубежной. Читаем везде: и на лекциях, и в автобусе по дороге в университет и обратно. Вам все еще кажется обучение на факультете журналистики легким и увлекательным? Тогда вам точно сюда! Значит, вы истинный гуманитарий и без труда напишете любой публицистический материал! Желаете,

чтобы вас, ваши работы и стремление стать настоящим журналистом заметили? Тогда работайте — над собой, своими ошибками. И постоянно совершенствуйте свои профессиональные навыки.

И еще. Пожалуй, главный вывод, который я сделала после пяти лет учебы на факультете: журналистика — профессия творческая. В ней важна не столько теория, которую вам будут преподавать в течение четырех лет, сколько практика. Это то, чего так мало в рамках учебных занятий, и что вам придется наверстывать на летней стажировке, и во время семестра, если повезет устроиться в городские СМИ. А повезти может в одном случае — если вы будете упорны и целеустремленны. Тогда и в учебе вам повезет, и на работу вы будете ходить как на праздник.

Церябина Дарья

ЭКЗАМЕН НА ДВОИХ

Мы сидим в коридоре, наполненном шумом экзаменационной суеты. Внутри все колотится от волнения. А у них сердечко бьется в два раза сильнее, чем у нас. Потому что за двоих...

Мне хочется написать о девочках, которые, в отличие от меня, не побоялись стать мамочками-студентками. Которые, будто бы черпая силы из улыбок и вздохов своих крошечек, продолжают бегать на «пары», сдавать эссе и никогда не ждут поблажек. Лена Кондратьева, Наташа Верещагина, Маша Мелехина, Цэги...

Мы ноём долгими бессонными ночами о «невыносимой тяжести Бытия», обставив себя книжками и грязными кружками из-под кофе. А они, чтобы не разбудить малышкой, пока те не хнычут и мирно посапывают, работают «дядлами клавиатур» на кухне. И без всякого капучино: беременным и кормящим нельзя.

Меня поражает их спокойствие, видимо, подаренное Свыше в качестве бонуса к материнству. Мы коротаем «окно», проклиная все на свете за потраченные впустую полтора часа. А они тем временем невозмутимо читают книжки и отправляют домой смс: «Ну как вы там?» Наверное, похожий вопрос еще недавно задавали тому, кто жил под самым сердцем, ходил вместе с ними в университет и волновался на маминых контрольных...

Все эти девять месяцев они сосредоточенно впитывали материал лекций. Сами, сидя на парах, прислушивались: пнул ли ножкой, пощекотал ли локотком, притих ли, уснув под размеренный гул аудитории?

Нам не дано распределить свое время, совершенно не занятое ничем и никем жизненно важным, так, чтобы вовремя сдать все учебные

работы. Они, кажется, умудряются подчинить себе саму природу. Только закроют сессию (без единой тройки!), как через несколько дней маленький человечек просится наружу. Будто бы эта кроха не хотела тревожить маму и отвлекать ее от таких важных историй математики и философии.

Теперь каждый семестр — полгода жизни их малышкой. Сколько всего меняется в ребенке за это время! Пока мамы грызут гранит науки, не успевают оглянуться, как их дочки-сыночки начинают грызть печенье, сушки, а потом, глядишь, и корочку маминого диплома — невкусного, но такого желанного...

ПЛАКАТЬ — ПО РАСПИСАНИЮ?

*Слезы — это слабость,
можно их простить себе.*

Город 312.

Они заставляли меня плакать. Регулярно и систематически. Она — верх эпатажа и элегантности в одном лице. Он — эмоциональный интеллект и просто Друг. Любовь Анатольевна и Геннадий Николаевич. Кнут и пряник. Мои боль и отдушина журфака. Или наоборот?

Каждая первокурсная суббота означала одно — я буду плакать. «Приползшая» с физкультуры и как всегда не готовая услышать: «Из всей вашей толпы журналистами станут трое», я еле дышала в ожидании «момента икс». Тогда еще до отказа забитая аудитория (ведь за каждый пропуск нужно было, о Боже, приносить публикацию!) взрывалась от гомерического смеха — то ли искренне радушно, то ли попросту нервического. Естественно, хихикала и я, преодолевая невыносимое напряжение в ожидании оценки.

И вот! Этот неловкий момент, когда ты слышишь до боли знакомые фразы... Это написала ты. Эту ересь изобрела ты, родимая. Сейчас ты посмеешься вместе со всеми и через секунду осознаешь, что снова попала впросак. Ребята чуть поутихнут, и Любовь Анатольевна начнет «разбор полетов» твоих бессмысленных фраз. Опять двойка. Опять вернешься домой (в промерзлую общагу) заплаканной. Опять будешь рыдать маме в телефон, что переводишься на «заочку». Опять, наревевшись, уснешь в обнимку со своей обидой до самой полночи...

Подскакив на втором этаже железной кровати, я поняла: «Опоздала!» С осыпавшейся на щеках тушью и растрепанной косичкой, натянула джинсы и майку (как сейчас помню, с надписью «Make art, not war») и выбежала на ве-

черный «семичасовой» мороз. В университете оказалось непривычно пусто, но «пара» преподавателя с ничего не говорящей фамилией Шеваров еще не закончилась. Четверть, полчаса, восемь... Наконец, из аудитории стала выполнять чуть уставшая и загадочно улыбающаяся компания.

Я нырнула на кафедру (лекция почему-то шла там). Две девчонки что-то живо обсуждали с Геннадием Николаевичем — человеком, которого я видела впервые. К нему пришла за утверждением темы курсовой работы, которую интуитивно выбрала в папке кафедры. «Милая, а ты кто? Какой курс? Чего глаза такие грустные?», — спросил Шеваров. Часовой разговор с пожилым и очень странным незнакомцем закончился моими жалкими всхлипами. Просто от неожиданной искренности и осознания того, что я не одна такая на этом факультете. Просто в знак зарождения новой традиции — плакать на журфаке от радости.

...Оказавшись один на один с госпожой Третьяковой, которая, казалось, совсем не знает меня в лицо, я с ужасом ожидала ее вердикта. Наверное, это был самый длинный экзамен за все пять лет! Каменная оболочка на моей первокурсной виноватой физиономии долго не рушилась. Но тут Любовь Анатольевна выпалила совершенно неожиданно: «Даша! Девочка, ну что с тобой не так? Вот пишешь-пишешь, все прекрасно, мне ведь нравились твои работы. Но вдруг — раз, и опять какую-нибудь чушь придумаешь!» Мы говорили и говорили, пока она не выставила меня с четверкой за дверь: «Иди уже, пока я сама не разревелась. Все у тебя будет хорошо!» И мои слезы нескончаемым потоком лились, как и дожди в этот холодный, субботний и такой справедливый день...

ПОТОМУ ЧТО НА СТОЛЬКО ДЕВЧОНОК ПО СТАТИСТИКЕ...

Три. Только три девочки не подняли руку в ответ на вопрос Дмитрия Леонидовича Стровского: «Кто из вас хочет замуж?», на последней трогательной лекции. Отчаянные феминистки против всех остальных (в том числе меня) — «отчаянных домохозяек».

Помню, как на первом курсе мы по традиции гадали по книжкам с Мариной, Наташей и Катей посреди бессонной «общажной» ночи. Рассуждали, что не хотим замуж, ведь «больно рано, не нагулялись еще». Через год коллективная неудача на личном фронте стала объектом иронии и сплетен на нашем журфаке. Будучи

третьекурсницами, мы дружно осознали масштаб надвигающейся «стародевечьей» катастрофы и впали в вялотекущую депрессию. Даже Элина Владимировна Чепкина считывала фрейдовские мотивы в придуманных нами рекламных слоганах... Четвертый курс волею судьбы подарил нашим барышням десяток принцев из самых разных уголков страны (от Югорска до Владикавказа), и тема «замуж» обрела самые четкие очертания.

Наш курс можно считать одним из самых удачных на факультете за последние годы. Наверное, только каждая четвертая выпускница собирается работать по профессии, зато каждая вторая оказалась «пристроенной»: на семнадцатой страничке паспорта у трех девочек уже не пустуют строчки в графе «Дети», у многих на безымянном пальце блестит колечко — не обручальное, так в честь помолвки.

В своем обращении к будущим журналисткам я задалась вопросом, о чем сильнее мечтают девушки: о красной «корочке» или «штампованном» паспорте, об отличном дипломе или личном счастье, о блестящей должности или роли мамы? О чем будут рассказывать внукам: как бегали на свидания или в университет?

«Думаю, что к окончанию четвертого курса я буду мечтать о получении красного диплома, а свадьба будет в планах. Куда торопиться? Нужно делать все по порядку: сначала “корочка”, потом создание семьи. Лет через пять вижу себя успешной журналисткой или уже редактором (это как пойдет), но одновременно и примерной семьяниной. Уверена, журналисту несложно успешно вести рабочие и семейные дела одновременно, тем более я планирую найти работу, которая будет идеально для этого подходить. А выйдя на пенсию (может, я и на пенсии буду внештатным журналистом, корректором или преподавателем по специальности), безусловно, буду вспоминать молодость. И мысли мои будут, в первую очередь, о веселом студенчестве, ведь с журналистами не соскучишься! Впереди еще немало радостей, нужно же копить воспоминания для старости!» — Маргарита С., 1 курс.

«“Отличный” диплом или замужество? Красный диплом. Хотя красный — не обязательно. Главное — получить образование и уже найти хорошую работу, получать опыт на практике. Над этим нужно пыхтеть самому, а замужество... Наверное, тут распорядится судьба! Лет через семь представляю себя человеком, который будет совмещать и то, и другое.

Конечно, работа — дело хорошее, но как сказала Мэрилин Монро: «Карьера — чудесная вещь, но она никого не согреет...»», — Таня Д., 2 курс.

«К окончанию “универа” сильнее мечтаю выйти замуж, но все же хотелось бы видеть себя и успешным журналистом. Не звездой Первого канала, конечно, нет, а просто человеком, успешно совмещающим любимую работу и семью. Но если встанет выбор, я, скорее, отдам предпочтение семье и личной жизни. А про молодость... В конце концов, студенчество, учеба на журфаке и личная жизнь в моем случае неразрывно связаны, так что вспоминать буду все понемногу, если доживу, конечно!» — Света П., 3 курс.

Быть может, госпожа Чепкина была права, говоря, что мы слишком заиклены на «делах сердечных». Но, знаете, наличие любимого человека почему-то греет душу сильнее, чем запись в моей трудовой книжке... Будьте счастливы, и каждый — своим счастьем!

Чадова Ксения

КТО СЕЛ НА МОЙ СТУЛ, ИЛИ ОДА ДРУЖБЕ

Если отталкиваться от русской народной сказки, то она — Машенька, а я — Медведь. Стоило мне только уйти, как она села на мой стул, и, вернувшись, я обнаружила свое место занятым незнакомой девушкой. Но в первоисточнике проказница убежала от ответственности, а в реальной жизни она предложила мне сесть на этот стул вместе.

18 июля 2009 года стал днем нашей дружбы. Это был вступительный творческий конкурс. Мы прошли собеседование и после знакомства отправились на премьеру очередной части фильма о Гарри Поттере. В момент эмоционального накала держали друг друга за руки, переживали и плакали, когда сюжет развивался не так радужно, как нам хотелось. Далее — обмен контактами, многочисленные сообщения, звонки. К Первому сентября я знала: в этот огромный, еще неизведанный мир под названием «студенческая жизнь», я шагаю не одна, а вместе с интересной, веселой и чуткой девочкой — Наташей Носовой.

Колхоз, первые вечеринки и поездки на турбазу, посиделки журфака «за оперным», зачетные недели и сессии, мое участие в конкурсе «Мисс и Мистер УрГУ-2011»... Все это обязательно останется в моей памяти как лучшая пора моего студенчества.

На протяжении долгого времени мы с Наташей не переставали изумляться тому, насколько похожи наши привычки, мысли, взгляд на мир. Как книга привносит новые знания в жизнь, так и наш союз: эти пять лет мы, развиваясь, дополняли друг друга. И сейчас, словно два зеркала, стоящие напротив, своими отражениями мы создаем бесконечную глубину.

Я могу описывать это как историю любви, историю становления великой дружбы, которой горжусь и всем желаю. Факультет дал мне не только бесценную информацию. Журфак подарил мне бесценного Друга. И я безмерно благодарна Вселенной за то, что в нужном месте и в нужный час факультету не доставало лишь одного стула.

СКАЖИ МНЕ, КТО ТВОЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, И Я СКАЖУ, КТО ТЫ

Честное слово, я планировала писать лишь об одном преподавателе, но позже поняла, что ограничиться этим будет против моей воли. Поэтому далее — моя первая пятерка претендентов на звание «Лучший преподаватель факультета журналистики».

5. Алексей Валерьевич Логинов. Если вам нравятся остроумные, немного загадочные и склонные к рефлексии мужчины, то Алексей Валерьевич придется вам по вкусу. На втором курсе в общей группе «вконтакте» мы создали тему «Волшебный журфаковский цитатник», куда общими силами записывали броские фразы студентов и преподавателей. И, надо сказать, больше всех в этом преуспел наш философ Алексей Валерьевич. Вот один из перлов: «Я просил прийти на эту “пару” только тех, кто готов интеллектуально пострадать. Здравствуй, мазохисты! А это кровавая тряпка осталась от предыдущей “пары”...».

4. Юлия Владимировна Лебедева. Ее «пары» по психологии — это театр одного актера. Эгоцентризм, конгруэнтность, самоактуализация — все это она могла продемонстрировать нам, принимая разные образы, будь то психически нездоровый человек, пессимист или просто «блондинка».

3. Марина Александровна Мясникова. О, эта женщина! Сколько слез было пролито студентами, которым не очень везло со сдачей зачетов. Сколько умных людей почувствовали себя пустоголовыми. Сколько любителей хлеба и зрелищ были довольны. Не счесть! Ее энергичность и непредсказуемость не позволяли нам расслабиться.

2. Борис Николаевич Лозовский. Искрометное чувство юмора. Неподражаемая мимика. Всежурфаковская любовь. Все это про него. Факультетский папа, он ругал своих непослушных детей за долги и пропуски, но всегда защищал их при необходимости. На его лекции к нам, пятикурсникам, приходило много гостей. Это были самые разные специали-

ты — генерал, омбудсмен, чиновник, главный редактор газеты и так далее. Всякий раз, когда кто-то из студентов оказывался в неловком положении, Борис Николаевич был на его стороне. В такие моменты у меня было ощущение, что мы птенцы, которые находятся под надежным родительским крылом. Не зря еще в первый год учебы мы получили в наследство от старших курсов кричалку-оберег: «Наш журфак не знает горя, ведь декан — Лозовский Боря!»

1. И, наконец, господин Стровский. Для меня этот человек — непререкаемый авторитет. **Дмитрий Леонидович** мотивировал нас тянуться к знаниям, быть компетентными журналистами, нескучными профессионалами. Долго я буду помнить ту лекцию по истории отечественной журналистики, которую наш мэтр провел в актовом зале. Он играл на рояле и пел песни советского периода. А истории про маму и кошку Лизу — разве они могут оставить равнодушными? На последней «паре» я плакала и искренне радовалась тому, что есть такие преподаватели, как он.

И вне конкурса — те люди, которые учили и без лекций. Это **Марина Николаевна Белькова** и, конечно же, **Татьяна Алексеевна Рябова**.

Дай Бог здоровья им — Учителям с большой буквы, которых я буду вспоминать исключительно с благодарностью.

Шадрина Наталья

КУДА ЖЕ ОН СПЕШИТ?

Он всегда немного опаздывает на пары. В то время, когда аудитория уже начинает гудеть, он бежит по лесенкам через одну ступеньку. По быстрым шагам мы уже слышим, что он — рядом. Наверное, делает глубокий вдох — и входит к нам. Лицо его при этом имеет розово-красный оттенок, волосы немного взъерошены, наспех скидывает на стул верхнюю одежду, и уже готов нас успокаивать своим знаменитым — «Коллеги!»

Юрий Владимирович Чемякин — преподаватель, с которым многие ребята нашего курса столкнулись одним из первых. Это было на подготовительных курсах для поступления на журфак. Молодой мужчина каждое воскресное утро встречал нас около 438 аудитории: следил, чтобы никто не потерялся, чтобы все добросовестно занимались. Мы, еще будучи зелеными абитуриентами, не понимали, как о нас заботятся: вроде бы все как в школе. Одно удивило: мне казалось, что преподаватели в университете должны быть куда старше, высокомернее, ну, мэтры, одним словом. А тут общение на равных...

Потом к Юрию Владимировичу я попала на собеседование. Перед творческим конкурсом жутко переживала, ночь практически не спала, по дороге в универ на десятый раз, как молитву, повторяла имена известных журналистов.

Как только зашла в аудиторию, села — понимаю: руки дрожат... Думаю, сейчас еще язык заплетаться начнет... А Чемякин посмотрел на мою фамилию в списке и так радостно спрашивает: «А вы не из Шадринска случайно?» Я говорю: «Нет, из Невьянска». Оказалось, что

сам он родом из Шадринска и подумал, что мы земляки... Вот так легко разрядил обстановку.

Потом Юрий Владимирович спросил про столицу США, дальше про политику Хрущева, затем, как я отношусь к Горбачеву — пока второй преподаватель Роман Валерьевич Краснов не остановил... Это я уже потом поняла, что фамилия Чемякин у студентов журфака ассоциируется с экзаменом по истории журналистики.

На протяжении пяти лет он вел у нас то «Корпоративную прессу», то «Историю зарубежной журналистики», то «Международное гуманитарное право», в промежутках делал газету для абитуриентов... А недавно и вовсе пришел на пару Бориса Николаевича Лозовского к нам, пятикурсникам. На этом занятии выступал интересный гость, и у Юрия Владимировича глаза блестят — вместе с нами записался в наш «список-переключку», с удовольствием прослушал лекцию...

Тут я подумала, что сама ответила на свои вопросы: куда он спешит, откуда прибегает, к кому торопится потом. Наверное, именно Юрию Владимировичу нужнее всех бы был тот самый маховик времени из книги о Гарри Поттере. Потому что хочется, чтобы такие люди успевали сделать, как можно больше...

ЭФФЕКТ ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ

За пять лет учебы почти у каждого из нас появилось огромное количество университетских знакомых, десятки приятелей с курса и несколько настоящих друзей из уже родной группы.

Но рассказать хочется о девушке, которая была и остается для меня загадкой, — девушке, к которой с момента нашей первой встречи я полностью поменяла свое отношение...

Вечером, накануне 1 сентября 2009 года в рекреации общежития № 3 собралась шумная компания студентов. Старшекурсники учили нас: «Как же не отметить начало учебы? Не надо нарушать традиций!».

Идея сразу не понравилась — завтра рано на занятия, такой ответственный день, но и не пойти казалось неправильно. Вот на этом сомнительном мероприятии я и познакомилась с Ксюшей Родионовой.

Красивая, милая блондинка пришла туда не одна, а с незнакомым нам старшекурсником. Она все время улыбалась, смеялась, много говорила. Оказалось, Ксюша самая младшая в нашей группе — я тогда подумала: «Какая легкомысленная... Наверное, вырвалась из дома, и

теперь, как и многие, пустится во все тяжкие, тут уже не до учебы будет...»

Но как приятно иногда ошибаться. Общаться с Ксюшей я начала позднее, когда она переехала жить в соседнюю комнату в общежитии. Нет-нет — да заглянет к нам, и всегда так от нее тепло, как от мурлыкающего котенка.

Но привыкнуть так и не получилось — все время казалось, что чего-то мы про нее не знаем, одним словом, странная она...

Спустя еще какое-то время мы без Ксюши уже не представляли ни журфаковскую, ни общажную жизнь.

Иногда человека можно понять по тому, где он живет и как устраивает свое «гнездышко».

Этот принцип полностью сработал в случае с Ксюшей. Ее комната в общежитии — это огромное количество книг, настенные карты, пластинки, печатная машинка — уютно, странно, волшебю...

Да и сама Ксюша из милой блондинки превратилась для меня в фантастическую эльфийскую принцессу, которая очень редко опускается на землю, все чаще мечтая и витая где-то высоко...

Однажды Ксюша мне и Марине показала одно необычное место — мы очутились действительно высоко — на крыше многоэтажки практически в центре Екатеринбурга... А Ксюша, оказывается, там обитала почти все лето...

Негласно Ксюша делит всех знакомых на лосей и не лосей. Конечно, ей бы лучше удалось объяснить, что такое быть лосем, но я все же попробую. Это люди, которые немного по-другому смотрят на мир, они добрые, с большой душой, умеющие по-настоящему любить, а самое главное — видеть красоту этого мира. Мне кажется, Ксюша научила некоторых из нас (а меня точно) быть лосями — знать об этой жизни что-то другое, нечто больше, чем все остальные...

Я поймала себя на мысли, что писать о Ксюше можно бесконечно. Даже сидя перед экраном ноутбука, вспоминаю отдельные моменты, связанные с ней, улыбаюсь — и опять так тепло...

А что касается журналистики, тут Ксюша тоже оригинальна. Как-то она мне призналась, что никогда не смогла бы работать в обычной газете, писать на обыденные темы или каждый день снимать сюжеты. И это правильно — каждому свое.

Ксюша, как мне кажется, замечательный фотограф — она фанат своего дела, не успокаивалась, даже когда снимать не на что было — ходи-

ла с телефоном, а получались шедевры. Теперь Ксюша полюбила камеру. Сегодня в ее уютной обители центральное место занимает штатив. Ксюша продолжает необычно смотреть на этот мир, теперь еще и через призму объектива видеокамеры.

И пусть наши мысли материализуются: желаю Ксюше никогда не бросать снимать — я верю, что у нее большое будущее, и найдется немало людей, которые будут восхищаться ее работами, понимать ее, видеть мир с необычного ракурса.

А себе пожелаю, почаще вот так обманываться в людях, чтобы этот эффект превосходил все мои ожидания, ведь нет ничего интереснее разгадывать таких сложных и волшебных людей как моя Ксюша.

КАКОЙ СТАРТ — ТАКИЕ И ГОРИЗОНТЫ

Наверное, каждый студент, который вот-вот получит диплом об окончании высшего образования, задумывается — «а что дал мне университет?»

Как мне кажется, выпускникам журфака особенно часто приходят в голову такие вот мысли. Научили ли нас хорошо писать, объяснили ли, как снимать сюжеты лучше других, показали ли, как стать успешным редактором?

Но, на мой взгляд, наш факультет дает студенту куда более широкие возможности — я всегда буду благодарна журфаку за свои журналистские путешествия.

Недавно первокурсники спросили меня — «а как устроиться на практику, что для этого нужно сделать?»

И у меня один совет — не сидите дома на гретом месте — езжайте путешествовать!

После второго курса я и моя подруга — одногруппница Марина Шеина решили поехать на летнюю практику в совершенно незнакомый нам город — Набережные Челны. Как известно, это Татарстан, и для уверенности, что нас действительно примут, мы обратились к одному из самых понимающих преподавателей — Рафаилу Лутфулловичу Исакову. Он добился для нас замечательных характеристик от Постоянного представительства республики Татарстан в Свердловской области, так что, когда мы приехали в Челны, нас уже ждали с распростертыми объятиями.

Жили мы у прекрасной Маринойной тети, которая опекала нас, как родных дочек. Но на работе заручаться доверием приходилось каждый день, проявляя трудолюбие и любозна-

тельность. Мне кажется, коллектив редакции «Челнинских известий», где я и работала, является примером настоящей команды единомышленников, которые делают все, для того чтобы их издание было актуальным, популярным и качественным. За полтора месяца я побывала на нескольких праздничных мероприятиях, которые проходили исключительно на татарском языке, работала над материалами, посвященными крушению теплохода «Булгария», познакомилась с одним из самых необычных музыкальных коллективов, где все участники оказались незрячими, создала несколько материалов в соавторстве с опытными журналистами, ездила в туристические поездки в Казань и Елабугу.

А в последний день в редакции уже в 11 часов вечера дописывала последний материал и плакала перед монитором, понимая, что это журналистское путешествие подошло к концу.

Но, как известно, путешественнику нужно только начать, остановиться он уже не сможет.

Наша с Мариной следующая летняя практика прошла в Краснодаре. Наудачу, еще из Екатеринбурга, я позвонила в редакцию газеты «Кубанские новости» и мне дружелюбно сказали — «Приезжай...»

Это была совсем другая атмосфера, нежели в Татарии — особенно никого я, как начинающий журналист, поначалу не интересовала, действовать нужно было самой.

Так я побывала в самых неблагоустроенных дворах Краснодара, где то и дело случались жилищно-коммунальные катастрофы; проводила акцию, посвященную Победе в Великой Отечественной войне — собирала письма, фотографии у ветеранов, записывала их трогательные, грустные истории; увидела своими глазами колорит станиц Краснодарского края, в одной из которой жили мои герои — мастера сувенирного дела. А каждые выходные я выезжала на море — в Абхазию, Туапсе, Дивноморск — так что завидовала мне вся редакция (коллеги могли годами не видеть море, хотя живут всего лишь в нескольких часах от него).

Помню, что по окончании практики у меня и акцент появился, как у местных, и кожа была цвета темного шоколада. Уезжать, конечно, было тяжело, тем более зная, что несколько журналистов редакции через полтора года будут писать свои материалы уже из олимпийского Сочи.

Ребята с журфака в последние годы проходили летнюю практику и на Алтае, и в Благове-

щенске, не говоря уже о Питере и Москве. И знаете, что самое приятное? В каком бы городе нашей страны ты ни был, когда говоришь, что учишься на журфаке УрГУ, а твой декан — Лозовский, к тебе относятся с уважением, передают привет, а то и рассказывают не одну историю, связанную именно с нашим факультетом, преподавателями, студентами. И это решает многие проблемы, возникающие из-за адаптации в новом коллективе, ориентации на местности и даже акклиматизации.

Часто новые знакомые, восхищаясь нашей профессией, говорят — «как вам повезло, ведь журналист может объездить весь мир!» А мне журфак дал возможность посмотреть на такую огромную и разную Россию, а дальше, я верю, горизонты будут только расширяться!

Швецова Анна

СПАСИБО!

После первой практики, которая, кстати, не особо мне по душе пришлась, я явилась на «разбор полетов» в деканат. В то время, руководителем моей практики был Рафаил Лутфуллович Исхаков. Долго мы сидели и обсуждали результаты моей месячной работы в ульяновской «Народной газете», и вдруг меня прорвало. Я, по натуре своей, дама впечатлительная, и, как следствие, склонная к слезливости. Но в тот раз причиной стало другое: я сомневалась, ту ли профессию выбрала, на тот ли факультет пришла, так как ни за год обучения, ни за последовавшую после него летнюю практику особой симпатии к журналистике не почувствовала. Ну и, конечно, за слезами и душевными излияниями дело не стало. Хотя дело уже было к вечеру, в деканате еще оставалась Татьяна Алексеевна Рябова, которая пришла на помощь к Рафаилу Лутфулловичу и принялась меня утешать: мол, в любом случае с журфака уходить — глупо, ведь и место бюджетное, и образование качественное. Благодаря этим доводам я и решила остаться, ибо, размышляя здраво, нигде больше я себя и близко не видела. Иначе говоря, из множества зол выбрала меньшее.

Именно про эту историю я и собиралась написать. Но после предпоследнего учебного дня — передумала. Изменить свое решение меня заставил Дмитрий Леонидович Стровский. Уже благодаря ему я понимаю, что на журфаке проучилась не зря, и под конец пятого курса я осознала, что прав был мой одногруппник, когда говорил, что пары Стровского — чуть ли не единственное, что мы вынесем с собой из стен университета. Я долго не понимала этой

фразы, потому что сначала из-за слухов со старших курсов дико его боялась, потом приходила в ужас от мысли, что придется сдавать ему экзамен, а уже после летней сессии четвертого курса поняла, что мне уже практически ничего не страшно, и стала просто наслаждаться его парами.

Даже на сумасшедшей предзачетной неделе, когда в последние ночи писались все письменные работы и рефераты, я не понимала, что эти несколько все еще полноценных учебных дней — последние для меня в звании студента журфака. Однако, когда на «Имидже политика» Дмитрий Леонидович вдруг заговорил с нами о жизни, давая советы и рекомендации, до меня вдруг дошло: это все. И такая искренняя благодарность разлилась внутри, такая светлая грусть, что опять из глаз брызнули слезы.

Дмитрий Леонидович, спасибо Вам за регулярное фонтанирование новыми крылатыми фразами, за необходимую строгость, за то, что пройдя три самые волнительные и пугающие зачетные точки именно по Вашим дисциплинам, мы научились практически ничего больше не бояться. Спасибо за то, что заставили нас не просто учить, но понимать, и каждый раз стараться доказать, что мы можем сделать так, как надо, что мы не обречены. Спасибо за то, что Ваши советы и наставления действительно полезны и применимы на практике. Да и просто потому, что сделали нашу пятилетнюю жизнь в стенах УрГУ намного интересней.

СПАСИБО № 2

Что ж, благодарности продолжают. И теперь я говорю спасибо журфаку за людей, которые на нем обитали бок о бок со мной долго-быстрых пять лет.

На самом деле, сначала я была вовсе не в восторге от подобравшейся компании под номером «101». Думаю, все дело в стеснении и разрозненности, да и каждый студенческую жизнь рисовал себе по-разному. А тут пришли все совершенно непохожие, с амбициями, но ведь и сосуществовать как-то нужно, потому пришлось идти на контакт.

Всякое было за пять лет — и ругались жутко, спорили с жаром, мирились, но все же могу утверждать — у нас была очень даже неплохая группа, дружная. Особенно при подготовке к каким-либо ужасающим экзаменам, когда каждый спешил помочь нуждающемуся.

Я буду скучать по всем. Искренне. Каждый человек с нашего курса — особенный. И каж-

дый занимал свое место в большой компании набора 2009 года.

Но по одному человеку скучать я не буду. Потому, что не будет поводов. Потому, что она будет рядом. Потому, что журфак нас познакомил, а, значит, уже оправдал свое существование. За эти годы мы срослись, и хоть были периоды долгого необщения, наша дружба возобновлялась с еще большим доверием. Мы до такой степени открылись, что даже стали похожи.

Случилось слишком много всего за эпоху: звонки среди ночи, беспокойные смс, жалобы о безделье и лени, секреты, шушуканья, передраги, смех (порой истеричный), слезы (иногда от счастья). После такого людей не отпускают, чтобы потом по ним скучать. Это было бы глупо и неправильно.

Мне будет только не хватать встреч в стенах университета, посиделок в буфете в подвальчике на Ленина под забавную и знакомую музыку 90-х, хихиканья на парах, вечерних прогулок после долго дня от нашей альма-матер до площади 1905 года. Но все это заменят встречи в большой жизни, такие же теплые. Только чуточку взрослее.

Помнишь, как ты спасала меня на первом курсе, а я ночью взамен кормила тебя макаронами? Ты сама недавно мне это напомнила. А второй курс, когда я влюбилась и жутко боялась ошибиться, а ты терпеливо и регулярно вправляла мне мозги? На третьем курсе у нас был кризис, но мы его перебороли, помнишь? На четвертом влюбилась ты, и мы вместе стали бояться и радоваться, переживать друг за друга, делиться самым важным, и всегда знали, что рядом есть человек, который всегда выслушает, всегда будет рядом.

И вот пятый курс. Каких-то восемь недель, а ведь думали, будто это будет длиться вечно. Так же просыпали и опаздывали на пары, ты будила меня, когда я начинала клевать носом на истории философии, жаловались друг другу на море писанины, которой нас, не щадя, завалили. Я буду ужасно тосковать по всему этому, но по тебе скучать не буду, потому что ты всегда будешь рядом. Правда, Даша?

СПАСИБО № 3

Эти три текста я вымучивала из себя правдами и неправдами. Но цикл «спасибо» все же надо завершить. Потому теперь настала очередь благодарить журфак за журфак.

Таких честных и объективных преподавателей я не видела больше ни на одном факультете,

таких безбашенных, талантливых и интересных студентов тоже мало где найдешь. Журфак — это остров Свободы. Свободы от дресс-кода, от идеологий, от скуки, от штампов и канцеляризма и от прочих условностей. И если ты готов к такой свободе, которая все же требует от тебя ответственности, уважения и добросовестности, то ты не ошибешься адресом.

Главное — не потеряться в толпе свободных. Все амбициозны, полны идей, большинство обладает неординарным мышлением и талантом — так что конкуренция на уровне. И если ты готов к пяти годам, в течение которых тебе придется доказывать самому же себе, что ты не хуже остальных, тогда добро пожаловать.

Есть только одна проблема — ограниченного объема творческого потенциала. Писать придется много, без шуток. И каждая работа, если ты подходишь к ней с душой и умом, выжимает из тебя соки. Это как раз к теме «правдами и неправдами». После такого объема писанины, которая скапливается к зачетной неделе и никак не хочет выполняться в течение всего семестра, даже говорить трудно, какой уж там писать. Потому цикл «спасибо» — последнее, что я напишу в уходящем 2013 году.

Как бы ни было грустно, в последнее время в моем сознании четко утвердилась мысль: я не только не научилась писать, но стала писать хуже. Потому эти три текста не фонтанируют образами, художественностью и еще какими письменными причудами, а ведь могли бы. Открывая наугад работы прошлых лет, курса этак до третьего, меня берет гордость и радость, даже сама себе иногда удивляюсь, как лихо я могла закрутить, да с какой интересной подачей. А теперь... теперь я ощущаю опустошенность и неспособность написать что-либо стоящее. Потому, дорогие абитуриенты, или студенты первого курса, если к вам в руки попадет эта книжка и вы прочитаете эти строки, запомните: запаситесь силами, терпением, а лучше всего — найдите неиссякаемый источник сил и вдохновения.

Если не брать во внимание муки творчества, журфак все же дал мне больше, чем взял: хорошее образование, прекрасных друзей, отличных преподавателей, свободу выбирать то, что хочу, свободу делать так, как хочу. Но, подводя итоги пяти годам, я ни за что не скажу, что я — журналист. Каким бы ни был прекрасным наш факультет, журналистом нужно родиться и быть им до мозга костей. Я оказалась не в числе этих людей. Поэтому, спасибо тебе за все, родной журфак, но мои поиски продолжаются.

Шейна Марина

ДЕЛЕНИЕ И УМНОЖЕНИЕ

Благодаря им я абсолютно все умею делить на три. Одеяло, пакетик чая, шампунь, казалось бы, последний глоток воды... А шоколадку, кстати, они всегда доверяют делить только мне. Считают, что у меня это получается лучше. Я никогда не отказываюсь.

Сейчас, когда нужно о них написать, сделать это почему-то очень трудно. И грустно тоже «очень». Трудно объять, уместить, вспомнить все, что связало нас и укрепило в семью. Грустно поверить в то, что уже начинаем расставаться. Кажется, Чехов сказал, что «нет ничего лучше воспоминаний, да и ничего хуже тоже нет». Чувствую себя Чеховым, а еще Герцем Франком (обязательно посмотрите его «Флэшбэк», если не видели).

Вы были рядом, когда я впервые увидела море, горы и своего будущего мужа. Вместе в темноте переполненного кинозала мы сидели на ступеньках «Салюта» и смотрели «Тюльпан» Сергея Дворцевого. Вместе отплясывали с Виктором Матизеном. Вместе своровали афишу концерта «Brainstorm» и такую, всю в дорожной пыли, повесили на потолок. Вместе теперь смеемся над нашими фотообоями.

Помните, как мы уезжали на бронепоездах в «Brut Bar», встречая день моего рождения? Как чуть не лишили жизни сантехника, который полез в окно десятого этажа, чтобы открыть двери нашей квартиры? Помните, как кушали самую потрясающую и дешевую солянку в забегаловке у грузина (о, сколько в ней было мяса!)? Как той же ночью замерзли, добираясь до Новороссийска по трассе, которую только что открыли после наводнения в Крымске? Как проснулись под хоровое ква-

канье лягушек? И это — лучшие воспоминания.

Вместе мы плакали, не верили своим глазам, хотели, чтобы это стряслось не с нами, не знали, что посоветовать, и даже обещали отомстить. И это — худшие воспоминания.

Вы бесконечно провожали и встречали меня, наливали чай и знали, сколько сахара нужно положить. Али, Цуц, я уже давно хочу попросить у вас прощения: простите, что не была рядом, когда вы клеили обои в нашей 211-ой комнате и, точно знаю, очень устали.

На нашем пока еще общем холодильнике — громадьё магнитиков. Казань, Пермь, Санкт-Петербург, Владикавказ, Прага, Сочи, Абхазия, Крым и, конечно же, Краснодар. Не просто магнитики, а история нашей жизни с завязкой, развитием действия, кульминацией... Драматургия же заключена в главном магните, на котором написано: «Друзья — это семья, которую мы выбираем сами». Вот только я их не выбирала, да и они меня тоже. Такие перекрестки линий жизни придумывает сам Бог, потому что любит нас.

Я на сто процентов уверена, что и они написали в «Автографе» про нашу семью и про меня. Жаль, что сейчас не удастся это проверить. Зато у тебя, читающий, есть такая возможность. А ну! Не ленись, найди, что написали Наташа Шадринна и Алина Имамова. Ну, что? Я была права? Да? Наверняка, ты утвердительно улыбаешься.

«ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ СВОИХ ЧУВСТВ»

*Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.
Арсений Тарковский.
Вседневный человеческий словарь.*

Зрители вскакивали с мест и убегали, когда в 1895 году братья Люмьер впервые показали «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота». Увидев Ее, многие студенты ведут себя так же. Были времена, и я боялась любимую сегодня Мариночку Александровну Мясникову.

С Ней меня познакомила Валя Табатчикова.
— Нам в пресс-центр фестиваля нужны волонтеры, — почти приказала Валя.

— Выходит, придется прогуливать «пары»? — первое, о чем спросила я — 17-летняя, и не отказалась.

И вот на мне цветастый бейдж, которого нет даже у многих третьекурсниц. С утра раздаю анкеты, с улыбкой приветствую каждого зрителя. Полдня, сидя на ступеньках Дома кино, смотрю документальные картины. Назначаю интервью. Собираю мнения и анкеты, наматываю километры с микрофоном во время пресс-клуба. Пару раз чуть не сбиваю с ног председателя жюри. Беру интервью. Смотрю вечерние внеконкурсные программы. Еле успеваю в общагу до закрытия. Всю ночь расшифровываю и пишу... И так целую неделю. Фестиваль влюбил меня в документалистику и одновременно месяца на три отбил всякое желание ходить в кино.

А Марина Александровна не относилась ко мне серьезно и даже талон на обед вручала со словами: «Держи, Шеина, ты же из деревни, поди, голодная!» Я обижалась, плакала, мы ругались, портили друг другу и без того бессонные ночи...

Сегодня я уже четвертый год являюсь прессекретарем Открытого фестиваля документального кино «Россия» (*по рекомендации М. А.*) А из «Шеиной» превратилась в «Мариночку». Мы постоянно созваниваемся, переписываемся, пьем чай на кафедре, подолгу разговариваем и не можем расстаться. Сегодня Она угощает меня борщом собственного приготовления, и мы обсуждаем нашу будущую книгу. Она очень переживает, что скоро я уеду жить в другой город, и обещает, что будет приезжать в гости.

Она постоянна в своем непостоянстве. Но не нужно злиться и обижаться на Марину Александровну. Смотрите кино, ходите в театр, улыбайтесь Ей и честно говорите: «Я этого не знаю». Тогда Она с большой любовью и заботой напоит Вас из своего бездонного колодца идей, обаяния, знаний, опыта, аллюзий, энергии. Из него можно и нужно черпать-черпать... Женщина-контекст. Женщина-вселенная.

Когда мы недавно вместе сидели на предпремьерном показе фильма Алексея Юрьевича Германа «Трудно быть Богом», я вдруг поняла, что кое в чем заблуждалась. Мне всегда казалось, что это я, преодолевая болезненные обстоятельства, доказывала Ей, что могу, что не глупа, что не «от сохи». Все было не так. Это Марина Александровна сама творит своих студентов, «как некогда Бог по образу и подобию своему, только по образу и подобию своих чувств».

ТУДА, КУДА НАДО

*А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте
Евангелие от Марка. Гл. XIII, 37.
Зачем нужна дорога, если она не ведет к храму?
Тенгиз Абуладзе, х/ф «Покаяние».*

Нет ничего приятнее, чем заблудиться в незнакомом городе. Улыбаться таким же незнакомым людям, догадываться об их именах и судьбах... Это откровение я получила, когда потерялась в Перми во время первой летней практики. В солнечный Всемирный день поцелуя (6 июля) я мастерила свой первый стритток для радио «Вести-Пермь» и искала на улицах яркие воспоминания прохожих об их первом поцелуе.

Следующим летом мы заблудились уже вдвоем (с Наташей) в Набережных Челнах, когда разыскивали адреса наших редакций. В руках, как сейчас помню, у нас было зеленое мороженное за 6 рублей от «Челны-Холод». В тот же месяц нам заодно удалось заблудиться в Казани и Елабуге.

После третьего курса это чувство мы разделили уже на троих (еще и с Алиной) и вместе вскрикнули, когда из раскаленного асфальта прямо в нас выстрелила одна из струй фонтанного ансамбля — так нас встречал Краснодар. А в перерывах между практикой мы бродили по Новороссийску, Дивноморску и Абхазии...

К пятому курсу многие из вас, как и я сейчас, почувствуют себя заблудившимися: «Кто я? Зачем я? Буду ли я журналистом?» Я пишу это затем, чтобы предупредить вас: заблудиться — это не страшно, ведь заблудиться может только тот, кто движется вперед. А потому живите, дышите, бодрствуйте, цените время и любите свою молодость. А журфак и люди, которые его делают, помогут вам.

Персонаж Николая Коляды из фильма «Стеновые испытания» кричал: «Я хочу туда, куда надо!» Долгое время я не могла понять: как узнать, куда надо именно тебе? Мне ответил Милорад Павич: «Если движешься в том направлении, в котором растет твой страх, значит ты на правильном пути».

Когда мы были в Татарстане, загонула «Булгария». Когда мы были на Кубани, затопило Крымск. Мне было страшно, но еще страшнее было за моих родителей. С тех пор, когда я далеко от них, я звоню им со словами: «Жива-здорова, везу тарелочку».

Традицию собирать сувенирные тарелочки из разных городов мы придумали вместе с па-

пой, и сегодня они занимают уже целую стену на кухне. Но в последнее время я все реже бываю дома, и нам все реже удается собраться всем вместе за семейным ужином и поразглядывать их.

Помните, где бы вы ни заблудились и как бы вы ни заблуждались, главное — не терять себя. И равно главное — чтобы вам было куда вернуться.

А В Т О Г Р А Ф

Выпускники дневного отделения
департамента
«Факультет журналистики» 2014 года
об однокурсниках, о факультете, о себе